

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Мудрая Мария Вадимовна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРА
В «ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ**
Специальность 10.02.01— русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Доброва Светлана Ивановна

Воронеж 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Теоретические основы исследования гендера в языке пословиц русского народа	
1.1. Теоретические основы исследования гендера как лингвистического феномена	
1.1.1. Исследование гендера в лингвистике	15
1.1.2. Исследование гендера в лингвофольклористике и фольклористике	23
1.2. Теоретические основы исследования гендера как лингвокультурологического феномена	
1.2.1. Социокультурные основы лингвистического исследования категории гендера.....	27
1.2.2. Механизмы формирования категории гендера в культуре и языке	44
1.3. Теоретические и методологические основы исследования гендера в языке пословиц русского народа	
1.3.1. Исследование гендера на материале пословиц русского народа...	52
1.3.2. Многоуровневая методика исследования репрезентации гендера в пословицах русского народа	56
Выводы по первой главе	66
Глава 2. Репрезентация гендера в языке пословиц русского народа	
2.1. Типы гендерного маркирования номинаций в языке русских пословиц	70
2.2. Вербальные способы репрезентации гендера в пословицах	77
2.3. Реконструкция системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц	88
2.4. Количественные и статистические характеристики гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц	125
2.5. Репрезентация гендерной информации в атрибутивных признаках	

и символических воплощениях <i>мужского, женского и метагендерного</i> <i>начал</i> в пословицах с ядерными лексемами	133
Выводы по второй главе	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
Материалы исследования.....	200
Словари и энциклопедии	200
Литература.....	202
Электронные ресурсы	229
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Алфавитный словник гендерно маркированных лексем по данным текстов русских пословиц	230
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Частотный словник гендерно маркированных лексем по данным текстов русских пословиц	243

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике XXI века язык исследуется не только как орудие коммуникации и познания, но и как «культурный код нации» [Маслова 2001, с. 1].

Диссертационное исследование посвящено изучению репрезентации гендера в языке русских пословиц как области языка русского фольклора. Перспективным направлением исследования гендера как конвенционального социокультурного феномена представляется анализ его репрезентации в фольклорно-языковой картине мира как области русской языковой картины мира. Вслед за основателем Воронежской школы лингвофольклористики Е.Б. Артеменко мы понимаем фольклорно-языковую картину мира как «одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [Артеменко 2003, с. 11].

Гендер (англ. gender, от лат. genus «род») — «идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [Гриценко 2005, с. 5]. В гуманитарной науке гендер определяется как интегральный ментальный конструкт (модель), а также как конвенциональный социокультурный конструкт, создаваемый обществом, в том числе посредством языка [Воронина 2001; Горошко 2003; Гриценко 2005; Кирилина 1999, 2002, 2004], в рамках антропологической парадигмы признается одной из базовых констант русской культуры [Алефиренко 2014; Кошарная 2014; Степанов 1997].

Репрезентация гендера есть многоуровневая, комплексная, в том числе вербализованная, трансляция концептуальной гендерной информации о *мужском, женском и метагендерном началах*.

Вербализация представляет собой языковые механизмы репрезентации гендерной информации, материальный способ объективации гендера в текстах пословиц лексическим (в пределах гендерно маркированных лексем) и текстовым (в пределах корпуса текстов) способами.

Мужское и женское начала реализуют собственно гендерный уровень и представляют собой бинарную оппозицию, в основе которой лежит осознание двух ипостасей человеческого бытия.

Метагендерное начало (от греч. μετά «между, после, через») реализует обобщенный надгендерный уровень, находится в родовидовых отношениях с собственно гендерным уровнем и представляет собой комплементарное единство *мужского и женского начал*.

Антропоориентированное изучение языка и речи обуславливает необходимость исследования триады гендера, в частности, А.В. Кирилина подчеркивает научную значимость «такой модели описания человека в языке, которая позволила бы описать как общечеловеческий (метагендерный) уровень, так и уровень маскулинности и фемининности (собственно гендерный), а также исследовать их корреляцию. Последнее тем более важно, так как в разных языках и культурах эти уровни соотносятся неодинаково» [Кирилина 2002, с. 137].

Пословицы выступают **материалом** исследования в связи с тем, что «наиболее образно, аргументированно и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека» [Алефиренко 2009, с. 311].

Актуальность исследования определяется необходимостью системного описания языка русских пословиц в гендерном аспекте посредством реконструкции лексико-семантической системы гендерно маркированных номинаций с применением современных методов научного анализа, а также обуславливается недостаточной разработанностью проблемы традиционного образа человека в его гендерной ипостаси в русской фольклорно-языковой картине мира.

Теоретической базой исследования выступают труды ученых в области теории языка (Ю.Д. Апресян, Е.Б. Артеменко, В. Гумбольдт, А.А. Кретов, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Топоров и др.), гендерной лингвистики (О.А. Воронина, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина и др.), фольклористики (П.Г. Богатырев, А.П. Евгеньева, Ю.М. Лотман, С.Е. Никитина,

И.А. Оссовецкий, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, К.В. Чистов и др.), лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, В.В. Колесов, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), лингвофольклористики (Е.Б. Артеменко, М.А. Бобунова, Е.В. Брысина, С.И. Доброва, К.И. Декатова, И.С. Климас, Н.В. Патроева, А.М. Петров, С.П. Праведников, В.И. Супрун, А.Т. Хроленко, В.А. Черванева, И.П. Черноусова и др.), паремиологии (В.П. Аникин, В.И. Даль, М.М. Копыленко, Г.Л. Пермяков, З.Д. Попова, С.Г. Тер-Минасова, З.К. Тарланов, М.И. Шахнович и др.).

Объектом исследования является язык русских пословиц как жанра традиционного фольклора. Источником исследования выступает сборник «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля [Даль 2000], всего проанализировано более 10000 пословиц.

В качестве фонового материала исследования привлечены следующие издания: «Собрание 4291 древних российских пословиц» [Барсов 1770], «Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии» [Бобунова, Хроленко 2007], «Великорусские народные песни», записанные А.И. Соболевским [Соболевский 1896-1990].

Предметом исследования выступает репрезентация гендера в языке русских пословиц.

Цель настоящего исследования — на фактическом материале выявить и системно описать концептуальные и языковые механизмы репрезентации гендера в текстах русских пословиц, воплощающих значимый фрагмент фольклорно-языковой картины мира.

На достижение поставленной цели направлено решение ряда **задач**:

1) изучить и критически осмыслить исследования, посвященные анализу репрезентации гендера как лингвистического и лингвокультурологического феномена;

2) разработать многоуровневую методику исследования репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц с учётом системного

подхода к анализу концептуальных и языковых механизмов репрезентации гендерной информации в русских пословицах;

3) определить элементы системы гендерно маркированных номинаций, типы гендерного маркирования лексем в языке русских пословиц;

4) исследовать систему отношений гендерно маркированных единиц в пословицах и проанализировать основные способы вербализации гендерной информации в текстах русских пословиц;

5) реконструировать систему гендерно маркированных лексем, проанализировать её структуру (лексико-семантические группы), количественные и статистические (в результате применения частотного анализа, метода сравнения средних величин) характеристики;

6) определить концептуальный центр системы гендерно маркированных лексем, включающий ядерные и ключевые гендерно маркированные лексемы, сопоставить данные, полученные на материале пословиц русского народа с данными, полученными на материале современного русского языка;

7) исследовать языковые механизмы формирования атрибутивных признаков и символических воплощений *мужского, женского и метагендерного начал* в результате семантического анализа ядерных лексем и текстов пословиц с целью целостного описания образа человека в его гендерной ипостаси в русской фольклорно-языковой картине мира;

8) выявить показатели гендерной симметрии и гендерной асимметрии в языке русских пословиц, определить их количественные и качественные характеристики, установить доминантные показатели с целью интерпретации культурно-исторической обусловленности репрезентации гендера в текстах пословиц, воплощающих традиционную систему гендерных воззрений русского народа.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые в области исследования русской фольклорно-языковой картины мира на материале пословиц применен системный подход к анализу гендерного аспекта образа человека в языке русских пословиц в соответствии с такими современными принципами

изучения языка, как антропоцентричность и текстоцентричность. На основе разработанной автором диссертации многоуровневой методики исследования репрезентации гендера в русских пословицах выявлены языковые механизмы, отражающие концептуальные и структурно-семантические способы репрезентации гендера, реконструирована система гендерно маркированных лексем, проанализированы количественные и статистические характеристики системы.

Теоретическая значимость работы заключается в полученном на материале пословиц русского народа целостном описании системы гендерно маркированных лексем, определении отношений между элементами системы гендерно маркированных лексем, исследовании ядра системы гендерно маркированной лексики, выявлении атрибутивных признаков и символических воплощений *мужского, женского и метагендерного начал*, моделирующих целостный образ человека в русской фольклорно-языковой картине мира.

Практическая значимость определяется результатами исследования, которые могут найти применение при разработке лекционных и практических курсов по основным проблемам современной русистики, спецкурсов по изучению паремиологических единиц, могут быть использованы в лексикографической практике.

В исследовании применяются следующие **методы и методики**: описательный, сопоставительный, таксономический, количественный, статистический (частотный анализ, метод сравнения средних величин) и метод лингвокультурологического анализа.

В соответствии с поставленной целью на защиту выносятся следующие **основные положения**, определяющие научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы.

1. Системный подход к анализу концептуальных и языковых механизмов репрезентации гендера в русских пословицах позволяет определить элементы системы гендерно маркированных номинаций, отношения между элементами и структуру системы, обеспечивается разработкой и применением многоуровневой

методики исследования репрезентации гендера, которая включает в себя комплекс взаимообусловленных и функционально специализированных качественных (качественных) и количественных (количественных и статистических) методов и может быть экстраполирована на изучение иного фактического материала.

2. Элементами системы гендерно маркированных номинаций являются лексемы, обладающие гендерным маркированием, понимаемым как денотативное или коннотативное (символическое) значение *лицо мужского пола* для номинаций *мужского начала*, *лицо женского пола* для номинаций *женского начала*, *универсальное / обобщенное наименование лиц обоих полов* для номинаций *метагендерного начала*.

Непосредственный тип маркирования реализуется в денотативном значении языкового знака и включает 481 гендерно маркированную лексему, что составляет 86% от общего количества гендерно маркированных лексем, и содержит 357 номинаций *мужского начала*, 107 номинаций *женского начала* и 17 номинаций *метагендерного начала*.

Опосредованный (прежде всего связью с денотативным значением) тип маркирования реализуется в коннотативном значении языкового знака и включает 76 гендерно маркированных лексем, что составляет 14% от общего количества гендерно маркированных лексем, и содержит 33 номинации *мужского начала*, 35 номинаций *женского начала* и 8 номинаций *метагендерного начала*.

3. Система отношений гендерно маркированных единиц в русских пословицах вербализуется лексическим и тестовым способами.

Лексический способ вербализации гендерной информации представлен тремя гендерными парадигмами, в которых гендерно маркированные лексемы входят в состав триад (отношения между номинациями *мужского*, *женского* и *метагендерного начал*), диад (отношения между номинациями *мужского* и *женского начал*) и одиночных (лакунарных) лексем. Выявленные на материале пословиц русского народа гендерные парадигмы соотносятся, но не совпадают с прототипическими гендерными парадигмами, выявленными М.А. Кронгаузом [Кронгауз 2005] на материале современного русского литературного языка.

Текстовый способ вербализации гендерной информации представлен отношениями корреляции номинаций с непосредственным и опосредованным гендерным маркированием, в результате которых транслируются символические воплощения гендерной информации, представленные общими символами (триады символов, репрезентирующие *мужское, женское и метагендерное начала*), бинарными символами (парные символы, репрезентирующие *мужское* и *женское начала*), моносимволами (символы, репрезентирующие одно из гендерных начал). Всего обнаружено 76 символических воплощений гендера, выявлено 18 общих символов, что составляет 24% от общего количества символов; 32 бинарных символа, что составляет 42% от общего количества символов; 11 моносимволов *мужского начала*, что составляет 14% от общего количества символов; 13 моносимволов *женского начала*, что составляет 17% от общего количества символов; 2 универсальных *метагендерных* символа, что составляет 3% от общего количества символов.

В пословицах отношения гендерно маркированных номинаций реализуются эксплицитным (между гендерно маркированными единицами внутри одного текста пословицы) и имплицитным (между гендерно маркированными единицами в корпусе текстов пословиц) способами.

Анализ текстового способа вербализации гендера позволяет выявить атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал*, определить языковой механизм компенсации гендерной лакунарности, который состоит в образовании неканонических гендерных пар (диад).

4. Структура реконструированной системы гендерно маркированных лексем представлена лексико-семантическими группами имен **социофактов** (329 номинаций *мужского начала* в 3085 словоупотреблениях, 90 номинаций *женского начала* в 825 словоупотреблениях, 15 номинаций *метагендерного начала* в 110 словоупотреблениях), **корпусфактов** (28 номинаций *мужского начала* в 420 словоупотреблениях, 17 номинаций *женского начала* в 336 словоупотреблениях, 2 номинации *метагендерного начала* в 153 словоупотреблениях), в состав которых входят номинации, обладающие гендерным маркированием в денотативном

значении языкового знака, а также лексико-семантические группы имен **натурфактов** (25 номинаций *мужского начала* в 116 словоупотреблениях, 26 номинаций *женского начала* в 84 словоупотреблениях, 6 номинаций *метагендерного начала* в 34 словоупотреблениях), **артефактов** (5 номинаций *мужского начала* в 25 словоупотреблениях, 7 номинаций *женского начала* в 40 словоупотреблениях, 2 номинации *метагендерного начала* в 27 словоупотреблениях) и **ментефактов** (3 номинации *мужского начала* в 12 словоупотреблениях, 2 номинации *женского начала* в 2 словоупотреблениях, номинации *метагендерного начала* отсутствуют), в состав которых входят номинации, обладающие гендерным маркированием в коннотативном (символическом) значении языкового знака.

5. Реконструированная система гендерно маркированных номинаций имеет концептуальный центр, включающий ядерные и ключевые гендерно маркированные номинации, имеющие максимальные показатели словоупотребления в исследуемых текстах (100 слов верхнего ранга). Ключевыми лексемами-репрезентантами собственно гендерного уровня, номинирующими *мужское* и *женское начала*, в пословицах являются лексемы *мужик* и *баба*. Репрезентативность пословичного материала для исследования гендера подтверждается результатами сопоставления показателей общей частоты ключевых номинаций по данным текстов пословиц с аналогичными показателями номинаций по данным «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова [Ляшевская 2009]. Показатель общей частоты *ipm/унам* (употреблений на миллион) ключевой номинации *мужского начала* в текстах пословиц *в девять раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка, а показатель общей частоты ключевой номинации *женского начала* в текстах пословиц *в тринадцать раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка.

6. Система атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* выявлена в результате семантического анализа ядерных лексем и текстов пословиц, в которых они реализуются. Целостное описание биометрических, институционально-ролевых, психосоциальных, эмотивных и ментально-функциональных групп атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* позволяет определить характерные особенности гендерного аспекта образа человека в русской фольклорно-языковой картине мира.

Специфика репрезентации гендера в языке русских пословиц раскрывается в исследованных *общих, бинарных* атрибутивных признаках *и монопризнаках*. Всего выявлено 80 признаков, из них 28 *общих* атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал*, что составляет 36% от общего количества признаков, 19 *бинарных* атрибутивных признаков *мужского и женского начал*, что составляет 23% от общего количества признаков, 25 *монопризнаков мужского начала*, что составляет 31% от общего количества признаков, 8 *монопризнаков женского начала*, что составляет 10% от общего количества признаков.

7. Система гендерно маркированных номинаций характеризуется наличием гендерной симметрии и гендерной асимметрии, которые выступают релевантными параметрами, одновременно, параллельно и адекватно реализуются на материале лексем, атрибутивных признаков гендера, воплощенных в семантике лексем и текстов пословиц, и символов, формирующихся на текстовом уровне.

Гендерная симметрия демонстрирует присутствие гендерного равенства на уровне организации системы в случае равнозначной представленности гендерно маркированных лексем, вербализующих *мужское / женское начала*. Количественными данными гендерной симметрии являются равнозначные показатели средних частот лексем *мужского и женского начал* по данным корпуса текстов русских пословиц. Качественными показателями гендерной симметрии на уровне лексики являются лексемы, номинирующие все три ипостаси гендера, и парные лексемы *мужского и женского начал*; на уровне

семантики – общие, репрезентирующие все три ипостаси гендера атрибутивные признаки и символы, бинарные, репрезентирующие парные для *мужского* и *женского начал* атрибутивные признаки и символы.

Гендерная асимметрия демонстрирует присутствие гендерного неравенства на уровне организации системы в случае неравнозначной представленности гендерно маркированных лексем, вербализующих *мужское* и *женское начала*. Количественным показателем гендерной асимметрии является доминирование показателей количества лексических единиц, количества словоупотреблений лексических единиц, вербализующих *мужское начало*, в лексико-семантических группах и в системе гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц русского народа. Качественными показателями гендерной асимметрии на уровне лексики являются гендерные лакунарные единицы, в которых представлено одно из гендерных начал; на уровне семантики – монопризнаки и моносимволы, репрезентирующие одно из гендерных начал.

8. Репрезентация гендера в языке русских пословиц обусловлена концептуальными категориями *мужского, женского и метагендерного начал*, которые в своей совокупности определяют гендерный аспект образа человека в текстах пословиц и демонстрируют системный характер приоритетности, доминантности гендерной симметрии в рамках общей идеи гармонизации гендерного пространства в фольклорно-языковой картине мира как области русской языковой картины мира.

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечиваются совокупностью следующих факторов:

- изучением теории вопроса на базе новейших исследований;
- применением комплекса современных методов, методик и приемов анализа языковых явлений;
- привлечением обширного эмпирического материала, извлеченного путем сплошной выборки из авторитетных в научном отношении сборников пословиц русского народа.

— применением лексикографической компьютерной программы «MonoconcEsy», разработанной ученым G.M. Barlow [Barlow 2015].

Составленный на базе текстов пословиц с помощью лексикографической компьютерной программы словник гендерно маркированных лексем, номинирующих *мужское, женское и метагендерное начала*, включает 557 номинаций в 5269 словоупотреблениях. *Мужское начало* представлено 390 номинациями в 3658 словоупотреблениях, *женское начало* представлено 142 номинациями в 1287 словоупотреблениях, *метагендерное начало* представлено 25 номинациями в 324 словоупотреблениях.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего исследования представлены в докладах на научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы филологии» в рамках Всероссийского научно-практического форума «Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России» (г. Воронеж, ВГПУ 2015-2021 гг.); на международной научной конференции молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня», проводимой Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ (г. Москва, РГГУ 5-7 марта 2015 г.); VIII – X Международной научно-практической конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (г. Воронеж, ВГПУ 2015 – 2019 гг.); XXVII Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (г. Новосибирск, ЦРНС 10 февраля 2017 г.); X – XI Региональной научной конференции «Народная культура и проблемы ее изучения» (г. Воронеж, ВГУ 2018 – 2020 гг.).

По теме диссертации опубликовано 14 работ, из них 3 работы в научных журналах, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений, в которых база фактического материала оформлена в соответствии с целями исследования.

Глава 1. Теоретические основы исследования гендера в языке пословиц русского народа

1.1. Теоретические основы исследования гендера как лингвистического феномена

1.1.1. Исследование гендера в лингвистике

Гендерная лингвистика — относительно новая отрасль языкознания, становление и активное развитие которой приходится на конец XX века. В связи с принятым в настоящем исследовании системным подходом к анализу гендера рассмотрены основные достижения зарубежных и отечественных ученых в области гендерной лингвистики в соответствии с научной периодизацией.

В 60-х годах XX века начинает формироваться новое направление в западном языкознании, которое носит название феминистской лингвистики или феминистской критики языка. С указанным явлением связан начальный этап становления гендерной лингвистики, отличающийся односторонним подходом к фактору пола в языке, который трактовался с позиции дискриминации женщин в связи с преобладанием грамматических форм мужского рода и номинаций мужского пола по сравнению с формами женского рода и номинациями женского пола. Исследователями был сделан вывод о гендерной асимметрии в языке, и, как следствие, в рамках феминистской лингвистики была отмечена необходимость реформирования языка с целью преодоления сексизма [Смит 1997; Lakoff 1975; Pusch 1981; Trömel-Plötz 1978].

В трудах отечественных лингвистов задолго до введения в научный аппарат термина *гендер* начинает формироваться представление о поле как о социально обусловленном феномене. «В рамках научной парадигмы фактор пола изучался в аспекте прагматического анализа языка» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176] в трудах

М.Я. Немировского [Немировский 1938], Р.А. Будагова [Будагов 1965], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1966], М.В. Китайгородской [Китайгородская 1976] и др.

Наряду с феминисткой лингвистикой в европейских странах, а затем и в России возникают новые направления изучения репрезентации гендера в языке. Начиная с 70-х годов XX века проводились социолингвистические, психолингвистические и лингвокультурологические исследования, целью которых являлся анализ специфики письменных и устных текстов, созданных мужчинами и женщинами.

Результаты социолингвистического анализа свидетельствуют о влиянии социальных факторов на выбор языковых средств в ситуации коммуникации, что служит опровержением гипотезы природной / биологической обусловленности речи мужчин и женщин [Labov 1971].

В рамках психолингвистических исследований ученые приходят к выводу о гендерной дифференциации восприятия речи, воздействии фактора пола на процесс коммуникации и на выбор коммуникативных стратегий, но при этом доказывают, что категория гендера не является стабильно релевантной [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Крючкова 1975]. Результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, демонстрируют, что «нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу» [Земская, Китайгородская, Розанова 1993, с. 132].

В рамках лингвокультурологических исследований доказана специфичность гендерных традиций и ритуалов общения мужчин и женщин в каждой культуре [Tannen 1990]. Лингвокультурологические исследования фактора пола в языке в работах В.Н. Телии проводились на материале русской фразеологии [Телия 1996].

Одними из ключевых направлений анализа фактора пола в языке являются собственно лингвистические исследования семантики категории пола, а также номинаций лиц мужского и женского пола в работах Н.А. Янко-Триницкой

[Янко-Триницкая 1966, 1982], М.А. Кронгауза [Кронгауз 1996, 2005] и других ученых.

В проекции на материал исследования значимым представляется изучение гендерных парадигм. Термин «парадигма» (от греческого *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») широко употребляется в различных областях научного знания. В лингвистике анализу подвергаются лексическая, морфологическая, словообразовательная, синтаксическая и некоторые другие парадигмы. Исследование гендерного фактора в языке обусловило выделение гендерной парадигмы. В настоящее время терминологическое сочетание «гендерная парадигма» употребляется в широком и узком значениях.

В широком смысле гендерная парадигма — это «способ социального существования пола», который является «инструментом моделирования общества и формирования нового типа сознания» [Казнин 2011, с. 387], а именно гендерной модели языкового сознания [Горошко 2003].

В узком смысле гендерная парадигма представляет собой способ «выражения значения женского и мужского пола» в лексико-семантических группах, «образованных словами, значение которых совпадает с точностью до семантического компонента “пол”» [Кронгауз 2005, с. 233].

Исследование номинаций людей на материале современного русского литературного языка позволило М.А. Кронгаузу выделить пять прототипических гендерных парадигм.

Первая парадигма включает парные номинации мужского и женского рода, при этом номинация мужского рода является нейтральной. Так, лексема *учитель* является нейтральной номинацией по профессии, а лексема *учительница* номинирует исключительно женщину по профессиональной принадлежности.

Вторая парадигма представлена парными номинациями, в которых лексема мужского рода в единственном числе называет мужчину, а во множественном числе является нейтральной, лексема женского рода независимо от категории числа номинирует исключительно женщину. Так, лексема *француз* номинирует мужчину по национальной принадлежности, французы — нейтральное или общее

наименование для мужчин и женщин. Лексемы *французженка* и *французженки* номинируют исключительно женщин.

Третья парадигма включает номинации мужского рода (преимущественно со значением профессии), используемые для обозначения лиц мужского и женского пола. Так, лексема *пилот* не имеет парной лексемы женского рода и применяется в равной степени по отношению к мужчинам и женщинам.

Четвёртая парадигма представлена лексемами исключительно мужского рода для наименования лиц мужского пола, например, *евнух*.

Пятая парадигма представлена лексемами исключительно женского рода для наименования лиц женского пола, например, *роженица*. Отсутствие парной номинации в четвёртой и пятой парадигмах обусловлено экстралингвистическим фактором, так как представители противоположного пола по признаку, вербализованному лексемой, отсутствуют [Кронгауз 2005].

Отдельно следует отметить пары гендерных номинаций типа *брат — сестра*, *мужчина — женщина*, которые в работах ученых определены как супплетивы (супплетивное словообразование) [Будагов 1965; Кронгауз 2005 и др.] или квазисупплетивизмы [Радчук 2015], употребляемые при обозначении пола с помощью «нового корня, который одновременно выражает ключевое значение и значение соответствующего пола» [Кронгауз 2005, с. 234].

Применительно к номинациям животных в русском языке М.А. Кронгаузом выделено три типа парадигм, которые характеризуются как полные или дефектные. Первая парадигма (полная) включает три номинации животных для видового обозначения животных, а также отдельно самца и самки (*лошадь — конь* (или *жеребец*) — *кобыла*). Вторая парадигма (неполная или дефектная) включает две номинации, зачастую отсутствует номинация для видового обозначения животных (*петух* (м) — *курица* (ж)). В рамках третьей парадигмы (неполной или дефектной) номинация животного является нейтральной и может выступать в роли номинации животного по виду без уточнения пола, например, *кошка*, *мышь*.

Наличие неполной или дефектной парадигмы обусловлено «фактически отсутствующим нейтральным названием, как будто разнополые особи вообще не

связаны между собой и относятся к разным видам. Этот языковой факт имеет достаточно ясную культурную интерпретацию: функции особей разных полов у данных видов различны (например, курица несет яйца, а петух выполняет роль производителя и будильника), так что в быту практически не возникает потребности говорить о виде вообще» [Кронгауз 2005, с. 238].

Основным достижением психолингвистических, социолингвистических и собственно лингвистических исследований фактора пола в языке и речи можно считать вывод о социальной обусловленности языковых и речевых элементов, манифестирующих взаимосвязь пола и языка [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Крючкова 1975; Кирилина 1999].

«Собственно гендерные исследования сформировались в России в 90-е годы XX века, что было обусловлено становлением антропологической парадигмы, теоретическим и методологическим осмыслением взаимосвязи человеческого мышления и языка» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176]. Указанный период характеризуется, с одной стороны, решением общих методологических вопросов, с другой стороны, систематизацией и переосмыслением западных гендерных исследований. Актуальным является вопрос о вербальных механизмах репрезентации гендера в языке и речи в связи с социально конструируемым характером гендера, а также его конвенциональностью, институциональностью и ритуализованностью. Язык в контексте гендерной лингвистики признается средством доступа к знаниям о гендере, являющемся по сути нелингвистическим феноменом [Кирилина, Томская 2005].

«К настоящему времени заложены основы гендерной лингвистики, о чем свидетельствует ряд научных исследований» [Мудрая 2017; с. 150] в теоретическом, практическом и методологическом аспектах [Воронина 2001; Горошко 2003; Гриценко 2005; Калугина 2008; Каменская 2002; Кирилина 1999, 2004; Томская 1999, 2001]. Научное освещение получила проблема вариативности концептуального содержания гендера, вербализованного в различных языках на разных уровнях языковой системы [Воронина 2001; Городникова 2000; Григорян

2003; Гриценко 2005; Гришаева 2003; Зыкова 2003, Кирилина 1999; Халеева 2000; Eckert, McConnell-Ginet 2003].

Основываясь на общих принципах анализа гендера, исследователи в области языкознания изучают гендер как социокультурный феномен, репрезентация которого осуществляется, в том числе, на вербальном уровне (в языке, текстах, процессе коммуникации). Исследование гендера в лингвистике базируется на антропоориентированном изучении языка, продолжает и развивает традицию анализа человеческого фактора в языке, учитывающую существование *мужского, женского и метагендерного начал*.

В рамках гендерной лингвистики центральной проблемой является изучение двухуровневой модели языка, включающей *метагендерный* (общечеловеческий) уровень и собственно гендерный (*мужское и женское начала*), а также анализ корреляции указанных уровней [Кирилина 1999].

Исследование русского и ряда других славянских языков в рамках «Лаборатории гендерных исследований» Московского государственного лингвистического университета позволило ученым выдвинуть и верифицировать постулат о неодинаковом соотношении *гендерного* и *метагендерного уровней* в различных культурах [Кирилина 2002; Томская 2001 и др.].

Результатом исследований отечественных лингвистов является формирование общих принципов анализа гендера в языке и речи.

Во-первых, гендер признается социально и культурно обусловленной категорией, следовательно, имеет конвенциональную основу.

Во-вторых, гендер является феноменом культуры, следовательно, обладает специфичностью в различных культурах и языках на каждом этапе развития.

В-третьих, установлено различное соотношение собственно гендерного и метагендерного уровней в различных культурах и языковых сообществах.

На современном этапе сформировалось несколько направлений исследования манифестации гендера. Е.Н. Калугина называет два ключевых направления гендерных исследований в лингвистике. Целью первого направления является изучение способов объективации гендера в языке, выявляется

«культурное своеобразие гендера, схожие и отличительные черты его конструирования» [Калугина 2008, с. 79]. Целью второго направления является анализ особенностей коммуникации мужчин и женщин, специфики их речевого поведения.

В настоящем исследовании анализ репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц проводится в рамках изучения фольклорно-языковой картины мира (на материале пословиц), в которой раскрывается концептуальное содержание гендера.

Языковая картина мира понимается как «языковое членение мира» [Апресян 1995, с. 8], которое обуславливает «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях» [Серебренников 1990, с. 33]. Благодаря тому, что в картине мира отображено и реализовано упорядоченное знание о реалиях окружающего мира в границах системных значений слов, ученые приходят к выводу о фиксации в языке специфической для конкретного языкового коллектива схемы «восприятия действительности» [Яковлева 1994, с. 9]. Понятие *языковая картина мира*, как отмечает Н.А. Любимова, не имеет синонимии, «что позволяет предположить, что ЯКМ — термин» [Любимова 2011, с. 15]. В.А. Маслова, анализируя различные картины мира, приходит к выводу о том, что языковая картина мира предшествует специальным картинам мира и формирует их [Маслова 2001, с. 64-65].

Картина мира как концептуальная сущность, в которой репрезентированы знания о мире, и языковая картина мира как объективация, овеществление, кодирование знания тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Анализируя роль картины мира, Е.Б. Артеменко пишет о том, что «картина мира не только презентует в общественном сознании ментальный облик структурируемой культурой действительности, но и направляет организацию последней в соответствии со структурой этого облика уже не в идеальных, а в реальных формах» [Артеменко 2015, с. 7].

В процессе исторического развития этноса картина мира, в том числе языковая, безусловно, претерпевает изменения, но, как отмечает исследователь

С.А. Кошарная, «неизменными остаются <...> этнические константы» [Кошарная 2014, с. 15]. Концептуальное содержание констант выстраивается в соответствии со спецификой культуры народа и является структурным элементом картины мира, вербализация констант происходит в рамках языковой картины мира с помощью языковых и речевых средств. Задачей лингвистического исследования в данном направлении является всесторонний комплексный анализ средств вербализации гендера, позволяющий при условии привлечения экстралингвистических (культурологических, исторических и проч.) доказательств выявить концептуальное содержание и культурологическую специфику констант.

Термин *культурная, этническая / этнопоэтическая константа* встречается в работах многих ученых [Гацак 1999; Лейбниц 1983; Лотман 1998, 2002; Степанов 1997; Фадеева 2013].

Актуальное для современной науки понимание «культурной константы» сформулировано академиком Ю.С. Степановым, который определяет константу как «некий постоянный принцип культуры» [Степанов 1997, с. 76-78]. Существенным для осознания системного характера констант видится трактовка понятия культурной константы Н.Ф. Алефиренко: «Система культурных констант, образуя концептосферу языка, выполняет роль категориального сита, фильтрующего познаваемые объекты. В результате формируются основные лингвокультурные парадигмы, выстраивающие в нашем сознании всю структуру человеческого бытия» [Алефиренко 2014, с. 306].

Гендер в рамках антропологической парадигмы признается одной из базовых констант культуры. О.В. Рябов, сопоставляя понятия пол и гендер, приходит к следующему выводу: «Если пол осмысливается в категориях "мужчина" и "женщина", то гендер — в терминах "мужественность" (мужское начало) и "женственность" (женское начало)» [Рябов 1997, с. 6].

Систематизация информации о становлении гендерной лингвистики позволяет выделить основные этапы развития указанной области науки.

1. Феминистская лингвистика или феминистская критика языка — начальный этап формирования гендерной лингвистики — отличается односторонним подходом к изучению языковых и речевых фактов.

2. Социолингвистические, психолингвистические, лингвокультурологические и собственно лингвистические исследования фактора пола в языке и речи отражают междисциплинарный характер гендерных исследований.

3. Гендерная лингвистика как особое научное направление на современном этапе развития исследует ряд актуальных проблем, среди которых изучение двухуровневой модели языка, представленной *метагендерным* и собственно *гендерным* уровнями, которые культурно, этнически и исторически специфичны.

Соответственно, перспективным направлением исследования гендера как структурного элемента культуры представляется анализ репрезентации и способов вербализации *мужского, женского и метагендерного начал* в фольклорно-языковой картине мира, которая является предметом исследования лингвофольклористики.

1.1.2. Исследование гендера в лингвофольклористике и фольклористике

Особое место в ряду дисциплин, исследующих гендер, занимает лингвофольклористика, сферой исследования которой является язык фольклора. Фольклор, представляющий собой «народную философию», содержит в своем языковом строе «многовековое осмысление мира конкретным народом, предоставляет чрезвычайно богатый материал, позволяющий воссоздать характерные для данной культуры представления о мужчине и женщине» [Стрекалова 2011, с. 9].

Предпосылки возникновения фольклора появились в первобытнообщинном строе на начальном этапе формирования искусства. Древние мифы, как отмечает Е.М. Мелетинский, «содержат в неразвернутом еще единстве зародыши искусства, религии, донаучных представлений о природе и обществе» [Мелетинский 1972, с. 160].

Язык фольклора, отражая цепь эволюционных изменений, сохраняет исторически и культурно обусловленное знание этноса. Согласно исследованиям С.Ю. Неклюдова, «важнейшие качества фольклорных произведений обусловлены культурной монолитностью, консерватизмом идеологических традиций и социальных структур тех сообществ, в которых они бытуют» [Неклюдов 2002, с. 3].

Теоретической и методологической основой изучения языка фольклора являются труды ученых в области фольклора и народной культуры [Артеменко 1977, 1988, 2001, 2004, 2006, 2012, 2015; Богатырев 1973, 2007; Евгеньева 1963; Лотман 1998, 2002; Никитина 1993; Оссовецкий 1952; Пропп 1959, 1965; Путилов 1963; Толстая 2010, 2015; Толстой 1968; Хроленко 1981, 1992, 2010; Чистов 1986, 2005 и др.].

Первый этап исследования языка фольклора относится к концу XVIII века – началу XIX века [Веселовский 1939; Даль 1880-1882, Потебня 1976; Срезневский 1855]. В период 40-50-х годов XX века сформировались основные «направления в изучении языка фольклора: 1) выяснение природы языка фольклора через его соотношение с диалектами; 2) изучение отдельных элементов структуры народнопоэтической речи; 3) функционально-стилистическое использование фактов языка в системе народной поэтики» [Хроленко 2010, с. 10]. В 50-е годы сформировалась новая дисциплина — лингвофольклористика, целью которой является системное изучение языка фольклора.

Современный этап развития лингвофольклористики характеризуется комплексным подходом к изучению языка фольклора и неуклонным расширением исследовательской базы. В настоящее время активно развиваются основанная Е.Б. Артеменко Воронежская лингвофольклористическая школа, Курская школа

во главе с А.Т. Хроленко, Петрозаводская, возглавляемая З.К. Гарлановым, с 2011 года Н.В. Патроевой, Московская под руководством С.Е. Никитиной, формируется Липецкая школа лингвофольклористики под руководством И.П. Черноусовой.

Исследователей в области лингвофольклористики объединяет изучение языка фольклора как особой системы, манифестирующей концептуальные знания этноса, в связи с чем актуальным является вопрос о взаимосвязи языка и мышления, который на протяжении длительного времени подвергался анализу в трудах отечественных и зарубежных ученых [Апресян 1995; Артеменко 2001, 2004, 2009, 2015; Бобунова 2007; Вайсгербер 2004; Вежбицкая 2006; Витгенштейн 1958; Выготский 1956; Гумбольдт 1984; Доброва 2004, 2011, 2015, 2018; Жинкин 1964; Звегинцев 1977; Карасик 2004; Климас 2005 Кон 2018; Кретов 2016; Леонтьев 1983; Лурия 1979; Панфилов 1971; Попова 1999, 2002; Потебня 1976, Праведников 1994; Степанов 1997; Стернин 1999, 2002; Хомский 1972; Хроленко 2012; Черноусова 2013, 2015; Яковлева 1994 и другие]. Центральной идеей, сформулированной в работах исследователей, является концепция взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияния языка и мышления.

Впервые в истории языкознания идею взаимообусловленности языка и мышления выдвинул в XVIII веке В. фон Гумбольдт. Ученый определил язык как «орган, формирующий мысль», как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984, с. 304]. Следовательно, язык выступает в функции посредника, кодирующего в своей знаковой субстанции концептуальную, принадлежащую ментальному миру человека информацию о внешнем, реальном мире сквозь призму этнического мировидения. Благодаря этому культурный этнический компонент закреплен в языковой картине мира, в том числе на уровне семантической системы языка, что не противоречит универсальному характеру картины мира, обусловленному общностью форм человеческого мышления.

Исследование гендера как фрагмента, структурного элемента этнической культуры проводится в рамках современной трактовки идеи В. фон Гумбольдта.

Е.Б. Артеменко, анализируя современное понимание взаимосвязи языка и культуры, приходит к выводу о том, что «представление фрагмента действительности в концептуально-языковых формах характерной для определенной культуры значимости становится — по принципу обратной связи — визитной карточкой этой культуры» [Артеменко 2015, с. 9].

Взаимосвязь и взаимообусловленность мышления, языка (в том числе языка фольклора) и культуры подвергается анализу в семиотике. Ю.М. Лотман и другие представители Московско-Тартуской школы выделяют три типа языков: естественные, искусственные и вторичные. Фольклор наравне с мифом и религией признан вторичной моделирующей системой, «надстраивающейся над естественно-языковым уровнем» [Лотман 1998, с. 21]. В связи с тем, что человек обладает языковым сознанием, «все виды надстроенных над сознанием моделей <...> могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [Лотман 1998, с. 22]. Неоспоримо мнение К.В. Чистова о том, что фольклор «отражает не просто и не только нечто общечеловеческое, но и особенности бытия и мышления целого народа» [Чистов 2005, с. 24].

Символическая составляющая языка фольклора как вторичной моделирующей системы реализуется в многообразии фольклорных жанров. Данный факт обусловлен спецификой народной культуры, которая, по мнению С.Е. Никитиной, «глубоко семиотична и символична» [Никитина 1993, с. 68]. Закономерным представляется высказывание С.И. Добровой о том, что «мир фольклора — мир символов» [Доброва 2004, с. 11]. Отмечая названную особенность, А.Т. Хроленко в монографии «Семантика фольклорного слова» приходит к выводу о том, что «"человеческий аспект" любой растительной или животной реалии появляется не в данном тексте, а задан потенциально, включен в фольклорное слово в качестве тенденции с условием обязательной реализации» [Хроленко 1992, с. 96].

Специфика категории гендера в фольклоре реализуется в уникальной модели «отношений между полами, культурных ролей мужчин и женщин и их

статусов в обществе, которые представлены в фольклорных произведениях» [Атрощенко 2010, с. 12].

Системный подход к анализу гендера, учитывающий онтологические основы феномена гендера, достижения ученых в рамках междисциплинарных, собственно лингвистических и лингвофольклористических гендерных исследований, позволяет сформулировать определение гендера в проекции на его концептуальное содержание, объективируемое в текстах пословиц.

Гендер в настоящем исследовании «понимается как типизированный культурный смысл, ментальный конструкт, существующий в сознании носителей фольклора» [Мудрая 2018, с. 63] и представляющий собой концептуальную структуру, содержащую обиходно-эмпирические, культурно-исторические и этноспецифические знания о *мужском, женском началах* и объединяющем их общечеловеческом — *метагендерном начале*. В настоящей работе анализируется репрезентация гендера как концептуальной структуры и способы его вербализации в рамках структурно-семантического воплощения в пословицах.

1.2. Теоретические основы исследования гендера как лингвокультурологического феномена

1.2.1. Социокультурные основы лингвистического исследования категории гендера

Определение сущности гендера как социокультурной категории актуально для гуманитарных исследований с середины XX столетия. Предпринятый в

настоящей работе системный подход к анализу гендера предполагает изучение эволюционно-генетического аспекта становления категории гендера.

Ключевыми бинарными категориями большинства культур, определяющими сферу межличностного взаимодействия и формирующими языковую личность, являются категории *мужского и женского начал*. В основе гендерных исследований, как отмечает О.В. Рябов, «лежит признание того факта, что в каждой культуре существует гендерная картина мира, в которой вещи, свойства и отношения осмысляются в виде бинарных оппозиций» [Рябов 1997, с. 6].

Бинарность и противопоставленность *мужского и женского начал* представляют собой частный случай полярности категорий, выполняющих функцию упорядочивания мира в рамках архаического сознания. Существуют различные точки зрения на символическую взаимосвязь собственно гендерного (*мужского и женского*) и *метагендерного начал*.

В мифологии [Лихт 2003], религиозно-мистическом учении каббале [Лайтман 2003], философии [Платон 1990; Бердяев 1993], психологии [Юнг 2017] *метагендерное начало* выделяется как первооснова, в рамках которой происходит дальнейшее разделение на *мужское и женское начала*.

Иной точки зрения придерживается Е.Е. Сапогова, которая считает, что формирование категории *метагендерного начала* обусловлено тем, что по мере накопления опыта «огромное количество вновь открываемых в мужчинах и женщинах свойств не подлежат разделению только лишь на мужское и женское» [Сапогова 2002, с. 134].

Системность анализа репрезентации гендера с учётом эволюционно-генетического аспекта предполагает изучение взаимосвязи, взаимодействия языка фольклора и культуры, повлиявших на формирование концептуального содержания категории гендера, вербализованного в языке пословиц русского народа.

Анализ лингвокультурологических основ становления категории гендера закономерно начать с исследования социокультурного конструирования пола путем выявления и систематизации атрибутивных признаков *мужского, женского*

и метагендерного начал на различных этапах развития общества и культуры. В настоящем исследовании анализ интерпретации атрибутивных признаков гендера в периоды Античности, Средневековья, Возрождения, Нового времени проводится с целью выявления взаимосвязи и взаимообусловленности развития общества, философской мысли и содержательного аспекта гендера.

В проекции на цели исследования значимой представляется систематизация воззрений на категорию гендера ученых в области философии, социологии, антропологии и истории [Аврелий 1994; Аристотель 1940; Бердяев 1993; Бриллиантов 1998; Вейнингер 1991; Дюби 1990; Иванов 1994; Йонес 1998; Кант 1980; Леви-Строс 2001, Нисский 2010; Нойманн 2012; Платон 1990; Руссо 1981; Соловьев 1991; Федотов 2001; Шлегель 1983; Шопенгауэр 1990; Шпренгер, Инстититорис 1991; Элиаде 1994 и др.].

В результате анализа указанных работ нами установлено, что репрезентация гендерной информации осуществляется в трёх структурах: обобщенных структурах (*общие* признаки и символы, три ипостаси гендера), бинарных структурах (*бинарные* признаки и *бинарные* символы), моноструктурах (*монопризнаки* и *моносимволы*).

На протяжении истории человечества прослеживается взаимозависимость пола индивидуума и «атрибутивных признаков, включающих психологические характеристики и социальные роли, которые в результате ассоциируются не с конкретными мужчинами или женщинами, а с категориями *мужественности / мужского начала, женственности / женского начала, общечеловеческого / метагендерного начала*, являющимися специфичными в рамках каждого общества и культуры» [Доброва, Мудрая 2017, с. 175].

Концептуальные характеристики *мужского, женского и метагендерного начал* репрезентируются в сфере культуры этноса, в рамках которой происходит моделирование атрибутивных признаков, выступающих своего рода гендерными маркерами при описании внешности, характера и ролей мужчин и женщин. Но гендерные идентичности не являются чем-то неизменным, четко ограниченным,

что академик Д.С. Лихачев квалифицирует как условность дихотомии *мужской / женской* культуры [Лихачев 1985].

Рассмотрим структуру атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал*.

1. *Общие* атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* восходят к концептуальному знанию о человеке, раскрываются в социокультурном контексте в понятии андрогинности (от греч. ανδρεία — мужчина и греч. γυνή — женщина) [Крысин 1998] как изначальном биосоциальном единстве *мужского и женского начал*.

2. *Бинарные* (от лат. binarius — двойной) признаки — это признаки характерные для *мужского и женского начал*; онтологически восходят к идее дихотомии гендера (от греч. δίχῃ, «надвое» и τομή, «деление»), которая понимается как «разделение на две непересекающиеся части» [Философия: Энциклопедический словарь 2004]. Соответственно, дихотомия гендера — деление на *мужское и женское (не-мужское) начала* как на две непересекающиеся части общего понятия *человек*.

Выявлено два подтипа *бинарных* атрибутивных признаков гендера.

В рамках первого подтипа атрибутивные признаки *мужского и женского начал* взаимодополняют друг друга, создавая систему гендерных признаков, которую видится целесообразным назвать *бинарной* комплементарностью гендера.

В рамках второго подтипа атрибутивные признаки *мужского и женского начал* противопоставлены друг другу. При этом признаки *мужского начала* имеют положительную коннотацию, а признаки *женского начала*, соответственно, имеют отрицательную коннотацию, создавая систему гендерных признаков, которую видится целесообразным назвать *бинарной* оппозицией гендера.

3. *Монопризнаки* (греч. monos — «один, единый, единственный» [Комлев 2000, с. 620]) характерны исключительно для одного из гендерных начал (*мужского начала или женского начала*).

Анализ работ ученых в области философии, истории, социологии, антропологии и гендерологии позволяет сделать вывод о том, что *монопризнаки* в

архаической культуре характерны исключительно для репрезентации *женского начала*, не выявлены в рамках репрезентации *мужского и метагендерного начал*, что обусловлено доминированием мужского типа культуры общества, в рамках которого *женское начало* противопоставляется *мужскому* как «Alter-Ego» [Адоньева 2001; Кон 1988; Сапогова 2002; Osgood 1990 и др.].

На материале анализа теоретических воззрений отечественных и зарубежных исследователей под указанным углом зрения рассмотрим формирование обозначенных нами типов атрибутивных признаков.

1. *Общие* атрибутивные признаки.

Общие атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* формируются в рамках представлений об андрогинной природе человека, любви, божественной / духовной сущности человека, гармонии.

Андрогинная природа человека подвергается анализу начиная с эпохи Античности. В диалоге «Пир» Платон приводит легенду об андрогине, в которой воплощены представления о единстве *мужского и женского начал* в *метагендерной* природе человека, которая достигается в любви, понимаемой как «жажда целостности и стремление к ней» [Платон 1990 (Т. 2), с. 101]. Представления о целостной природе человека унаследованы в дальнейшем средневековой философией.

По мнению представителей гностицизма, Бог воплощает в себе и *мужское начало*, и *женское начало*, причем созидательная, порождающая сущность имеет женскую природу и соотносится со Святым Духом, с Софией, а у некоторых гностиков — и с Евой. Целью земной жизни человека гностики считают духовное воссоединение мужчины и женщины, которое должно объединить их в *метагендерное* целое.

Христианский этап развития философии связан с нивелированием гендерных различий, с пониманием ценности души как *метагендерной* субстанции, что обусловлено христианской догматикой, согласно которой мужчина и женщина в равной степени воплощают образ Бога.

Именно христианство наследовало идею Платона об андрогинной природе человека. Григорий Нисский в произведении «Об устройении человека» говорит о единстве образа Бога в людях независимо от их пола. Фактор пола же он относит не к духовной, а к физической природе человека, которая была приобретена человеком после грехопадения, т. е. является не абсолютной категорией, а лишь временной оболочкой [Нисский 2010].

Схожее мнение о категории пола было и у других христианских философов, в большей степени в восточном ответвлении христианства. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Бриллиантов в работе, посвященной восточному богословию, пишет: «Грехопадение радикально изменило природу человека, в результате чего он перешел от духовного существования к физическому, от бессмертия к смерти, от андрогинности к полу» [Бриллиантов 1998, с. 385].

Гармония, понимаемая как результат взаимодействия полярных сил и цель человеческого существования, выступает в качестве общего атрибутивного признака.

В философии Ф. Шлегеля гармоничное развитие человека понимается как стремление к изначальной андрогинной природе, заключающееся в развитии не мужских или женских, а человеческих (*Menschlichkeit*) качеств [Шлегель 1983].

Концепция единого *метагендерного начала* продолжает формироваться в XX веке. В рамках философии Серебряного века разработана в трудах В.С. Соловьева и непосредственно связана с пониманием любви как божественной силы, объединяющей двух индивидов в единое целое. Несмотря на то, что термин *андрогин* В.С. Соловьев впервые использует в работе «Жизненная драма Платона» (1898), предшествующие разыскания философа строились на понимании единства *мужского и женского начал* в истинно человеческой *метагендерной* природе. Исследователь приходит к закономерному выводу о том, что «истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [Соловьев 1991, с. 158]. Таким образом, истинная человеческая природа

проявляется в объединении гендерной дихотомии *мужского и женского начал* на иерархически более высоком уровне общего *метагендерного начала*.

В целом учение В.С. Соловьева об андрогинной природе человека оказало существенное влияние на становление категории гендера в отечественной философии. Н.А. Бердяев, анализируя природу человека, подчеркивает, что «великий антропологический миф о человеке, на котором только и можно построить антропологическую метафизику, есть миф об андрогине» [Бердяев 1993, с. 69].

Общие атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* характеризуются особой семантикой. Во-первых, сама категория гендера отделяется от категории пола как духовная сущность от физической. Во-вторых, ценностный статус мужчин и женщин повышается в рамках гармоничного единства, любви, стремления к изначальной целостности.

2. Бинарные атрибутивные признаки.

2.1. *Бинарными* комплементарными атрибутивными признаками *мужского и женского начал* являются внешнее — внутреннее, экзотерическое — эзотерическое, экстравертное — интровертное, отцовское — материнское, локальное — соседское, социальное — духовное, большие дела — циклические дела, держание семьи — держание дома, специализированные действия — поддержание здоровья.

Бинарными атрибутивными признаками *мужского и женского начал* в архаической славянской культуре являются гендерные локусы «внешнее — внутреннее». Гендерная локализация обусловлена тем, что «мужская среда и деятельность мужчин, как правило, формируют оболочку истории социума» [Карпов 2001, с. 6], в то время как *женское начало* репрезентировано в субкультурной традиции, предназначенной для «внутреннего пользования». Исследователь А.Е. Чучин-Русов приходит к выводу о том, что «мужчина символизирует выходящее или направленное во вне, внешнее, экзотерическое, экстравертное, а женщина — входящее или направленное внутрь, внутреннее, эзотерическое, интровертное» [Чучин-Русов 1996, с. 142-143]. Как показывают

материалы настоящего исследования, в текстах пословиц содержатся представления о гендерно маркированных локусах *мужского пространства / женского пространства*.

Для традиционной народной культуры центральными бинарными категориями, манифестирующими идею комплементарности гендера, являются *отцовство и материнство, семейные роли мужа и жены*.

Представления об *отцовском и материнском* сакральных началах характерны для социума Древней Руси. *Отцовское и материнское начала* выступают как центральные гендерные категории в произведениях Максима Грека, характеризующего идеального правителя, в «Поучении» Владимира Мономаха, призывающего князей проявлять *материнское* милосердие. Образ матери возникает в «Молении» Даниила Заточника при обращении к князю: «Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца» [Моление Даниила Заточника 1983, с. 420]. Митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» анализирует дихотомии закона и благодати, гордости и смирения, отцовской справедливости и материнского милосердия.

Сакрализация *материнского начала* является следствием трансформации языческого культа Рожаниц в христианский культ Богородицы. В проповеди Христолюбца указаны факты смешения двух культов: «Не тако же простотою зло творим, но и смешиваем некия чистыя молитвы с проклятием идольским — Пресвятыя Богородицы с рожаницами» [Федотов 2001, с. 321]. Концептуальной основой трансформации является ключевой гендерно маркированный символ русской культуры — «божественное Материнство» [Там же, с. 323].

В философии западного христианства комплементарность *мужского и женского начал* понимается как сакральная, заложенная актом творения первых людей как супружеской пары, что обуславливает восприятие брака как духовной общности, целью существования которой является мистическое воссоединение человека с Богом. Общеизвестной метафорой в данном религиозно-философском учении является символическое уподобление мужа и жены Христу и

церкви [Аврелий 1994]. Сакральный брак вследствие высокой духовной ценности не может быть расторгнут.

В целом *бинарная* комплементарность гендера объединяет брачно-семейные атрибутивные признаки. С одной стороны, общество ориентировано на мужской образец, который выступает в качестве эталона. С другой стороны, *сакральное материнство*, воплощающее в себе идеи милосердия, благодати, противопоставляется *отцовству*, воплощающему идеи справедливости и закона. Супружеская пара выступает символом духовно-телесной общности *мужского и женского начал*. Таким образом, комплементарность *мужского и женского начал* раскрывается во взаимодополнении, «в котором равно запечатлелись <...> мужественность и женственность» [Иванов 1994, с. 89].

Бинарные атрибутивные признаки патриархальной культуры закрепились в следующем соотношении «мужских сфер активности» и «женских сфер активности» [Чебанов 2001, с. 432]. Дихотомия гендера, представляющая собой *бинарную* комплементарность, выступает не только как социально обусловленная, но и как культурно значимая, так как наполнена символично-религиозным смыслом.

2.2. Бинарная оппозиция *мужского и женского начал* раскрывается в следующих гендерно маркированных категориях: свое — чужое, сила — слабость, активность — пассивность, доминирование — подчинение, форма — материя, душа — тело, рациональность — интуитивность, мужской тип сознания — женский тип сознания, упорядоченность — стихийность, культурное начало — природное начало.

Архаическое восприятие мира выстраивалось на базе бинарных оппозиций, анализируемых в трудах К. Леви-Строса [Леви-Строс 2001], М. Элиаде [Элиаде 1994] и др. Центральной пространственной оппозицией является дихотомия «свое — чужое», которая соответствует в гендерной системе *мужскому и женскому* локусам. Закономерным видится вопрос об основаниях соотнесения «Я» и «своего» пространства с *мужским началом*, а, соответственно, «не-Я» и «чужого» пространства с *женским началом*. Ч. Осгуд считает, что положительно

маркированные признаки восходят к рефлекслируемому «Я», следовательно, противоположные признаки, моделируемые путем «перевертывания», соотносятся с «не-Я» и получают отрицательное маркирование [Osgood 1990]. С.Б. Адоньева предполагает, что «традиционное мужское сознание преимущественно «мононастраивается» в социуме и культуре (на собственное Ego, для которого важен мужской образец), а женское изначально настраивается бинарно — как на свое Ego, так и на то, что можно назвать Alter-Ego» [Адоньева 2001, с. 77-100]. Е.Е. Сапогова, основываясь на достижениях ученых в области психологии [Кон 1988; Osgood 1990], приходит к выводу о том, что архаическое «Я» отождествлялось с «положительной маскулинностью» потому, что «в архаических человеческих сообществах материальное и психологическое подкрепление давалось за силу, а не за слабость, за активность, а не за пассивность, за лидерство, а не за ведомость и т. д., что и приводило <...> к поощрению маскулинного отношения к себе» [Сапогова 2002, с. 135].

Понимание мужчины как индивида, обладающего большей ценностью по сравнению с женщиной, формируется в обществе эпохи Античности. В трудах Аристотеля заложено представление о мужчине, зарождающем «форму» — душу ребенка, и о женщине, созидающей «материю» — тело ребенка. [Аристотель 1940, с. 90]. Вывод, к которому приходит философ, заключается в том, что мужчина обладает социальными привилегиями благодаря более высокой значимости, следовательно, господствующая роль принадлежит мужчине, а подчинение — удел женщины, что обусловлено дефектностью *женского начала*, которую «следует рассматривать как некий природный недостаток» [Аристотель 1940, с. 93]. Полорольевые функции в семье, по представлениям Аристотеля, также должны иметь гендерную дифференциацию.

Идея оппозиции *мужского и женского начал* как формы и материи продолжает развиваться в XVIII столетии и находит отражение в творчестве Ж.-Ж. Руссо [Руссо 1981] и И. Канта [Кант 1980]. Вслед за Аристотелем Ж.-Ж. Руссо и И. Кант считают женщин неспособными к самостоятельному мышлению, так как они наделены от природы лишь теми качествами, которые необходимы для

реализации материнства и воспитания детей. Как отмечает И.В. Костикова, предназначение женщины в философии И. Канта есть «лишь развитие культуры общества и его облагораживание» [Костикова 2005, с. 44].

Оппозиция рациональности — интуитивности как атрибутивных признаков *мужского — женского начал* получила обоснование в трудах А. Шопенгауэра, который ориентирован на манихейскую линию в философии. А. Шопенгауэр считал, что женщина не может реализовать себя в социально-политической сфере, так как «женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение <...>. Она, скорее, отличается духовною близорукостью: ее интуитивный ум остро видит вблизи, но имеет тесный кругозор» [Шопенгауэр 1990, с. 188].

Анализ оппозиции мужского сознания — женского сознания характерен для философии О. Вейнингера, который отмечает, «что в области опыта нет ни мужчины, ни женщины. Существует только мужественное и женственное» [Вейнингер 1991, с. 9].

Мужской тип сознания дифференцирован, а следовательно, мыслит в форме понятий, наделен памятью.

Женский тип сознания не дифференцирован, не способен к понятийному мышлению, лишен памяти.

Оппозиция *мужского / упорядоченного / культурного начала* и *женского / стихийного / природного начала* подвергается анализу в работах философов Серебряного века Н.А. Бердяева [Бердяев 2012] и В.И. Иванова [Иванов 1909] на основе тезиса Аристотеля о противопоставлении формы и материи. Материя обладает свойством неупорядоченной стихии, которая воплощена в природном начале, следовательно, *женское начало* символизирует стихийность и хаос, которым противостоит *мужское начало*, олицетворяющее порядок. Соответственно, дихотомия *женского и мужского начал* в русской философской мысли трансформировалась в «противостояние природы и культуры» [Рябов 1997, с. 15]. Указанные гендерные оппозиции исследованы в работах А. Белого [Белый 1994], Н.А. Бердяева [Бердяев 1994], П.А. Флоренского [Флоренский 1993].

Бинарная оппозиция *мужского — женского* в начале XX века охарактеризована Н.А. Бердяевым как система координат, в которой «культура символизирует мужское начало, она связана с универсальным Логосом, с победой светоносного мужа над женственной стихией» [Бердяев 1994, с. 431].

В целом бинарная оппозиция гендера объединяет ментально-функциональные атрибутивные признаки *мужского и женского начал*. Мужское начало характеризуется как положительно маркированное, обладающее признаками рационального / упорядоченного / мыслящего сознания, женское начало характеризуется как отрицательно маркированное, обладающее признаками интуитивного / стихийного / немыслящего начала. С одной стороны, мужское сознание выступает в качестве эталона, с другой стороны, существование социума не представляется возможным без стихийного / природного *женского начала*.

3. Монопризнаки.

Атрибутивные *монопризнаки мужского начала* не выявлены.

Атрибутивным *монопризнаком женского начала* в обществе и культуре является *амбивалентность божественности и греховности*. Основанием для формирования указанной оппозиции *монопризнаков* явилось представление об амбивалентной природе *женского начала*, которая в символической системе соотносится с луной, противоречиво сочетающей светлый лик Премудрой Софии и темный лик ведьмы-искусительницы [Нойманн 2012].

Божественность как атрибутивный признак *женского начала* исследуется в русской философской мысли Средневековья, восходит к византийской философеме Софии. Анализ, предпринятый князем Е.Н. Трубецким, позволяет прийти к выводу о воплощении в Софии *человечности божества*, т. к. «съ одной стороны въ Софїи весь міръ, а съ другой стороны, высшее религиозное вдохновеніе воспринимаетъ ее в видѣ челоѣческаго женственнаго образа» [Трубецкой 1915, с. 7]. Философия Серебряного века унаследовала представления о божественном *женском начале*.

Трансформация философемы *София* наблюдается также в рамках западной культуры XII века. Типичной интерпретацией в куртуазной философии *женского начала* является образ *Прекрасной Дамы*, который лишен индивидуальных черт, по-видимому, восходит к образу Софии как изначальной женской природе. Характерной является демонстрация духовной ипостаси любви, противопоставленной физической любви: «влюбленные рыцарь и дама спят в одной постели, а между ними — обнаженный меч» [Дюби 1990, с. 90-91].

Греховность как атрибутивный признак *женского начала* трактуется в философской системе Мани, в которой *женщина* — это «орудие сил Тьмы, созданное с целью спровоцировать Адама на размножение» [Йонес 1998, с. 152].

Атрибутивный признак греховности становится центральным в рамках репрезентации *женского начала* в переходный период от средневековой философии к философии Возрождения. Указанный период вошел в историю как эпоха инквизиции, идеологической основой которой стал труд Я. Шпренгера и Г. Инститориса «Молот ведьм». В указанном трактате женщина выступает как «скверная по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством» [Шпренгер, Инститорис 1991, с. 124].

В целом *монопризнаки женского начала* характеризуются как амбивалентные.

Атрибутивный признак божественности *женского начала* закрепляется под влиянием религиозной традиции Византии.

Атрибутивный признак греховности (дьявольской сущности) *женского начала* сложился под влиянием манихейской линии в философии.

На основании проведенного анализа атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* в обществе и культуре можно сделать вывод о том, что система атрибутивных признаков воплощает идею взаимодействия противоположностей, которая не противоречит представлениям об изначальной общности *мужского и женского начал*. Следует отметить, что в процессе развития культуры и социума определяющим в силу доминирования является *мужской* тип

субкультуры, который влияет на формирование *женского* типа субкультуры. *Мужской* тип субкультуры открыт вовне, *женский* тип субкультуры направлен внутрь, табуирован [Кирилина 2004; Vorneman 1991; Gumperz 1982; Mead 1949].

Гендерная роль мужчины связана с доминированием, а женская, соответственно, — с подчинением, что становится основой полоролевой дифференциации и оппозиции атрибутивных *бинарных* признаков *мужского и женского начал*.

В рамках настоящего исследования нами выявлены *общие* символы, *бинарные* символы и *моносимволы мужского, женского и метагендерного начал*, формирующиеся на различных этапах развития общества и культуры.

Символ (от греч. σύμβολον — знак, сигнал, признак, примета, залог, пароль, эмблема) подвергается анализу в философии, психологии, семиотике, герменевтике, культурологии, литературоведении, лингвистике и др. В настоящем исследовании сущность символа и его специфика определяются в соответствии с воззрениями отечественного исследователя символа А.Ф. Лосева, который утверждает, что «в символе существует связь внутреннего содержания или внутренней жизни предмета и его внешней выраженности» [Лосев 1982, с. 242].

1. *Общие* символы транслируют информацию об общечеловеческом начале, значение символа и его интерпретация в культуре и социуме манифестируют единство *мужского и женского начал* на общечеловеческом *метагендерном* уровне.

2. *Бинарные* символы транслируют информацию о *мужском и женском началах*, онтологически восходят к идее дихотомии гендера.

3. *Моносимволы* транслируют информацию об одном из гендерных начал.

На материале анализа теоретических воззрений отечественных [Адоньева 1998; Бердяев 1993; Лосев 1982; Маслова 2001; Рошаль 2008; Рыбаков 1984; Рябов 1997; Сапогова 2002; Халеева 2000] и зарубежных [Лайтман 2003; Лихт 2003; Платон 1990; Рикер 1995; Юнг 2017] исследователей под указанным углом зрения рассмотрим обозначенные нами типы гендерных символов.

1. *Общими* символами выступают тайцзи и уроборос.

Тайцзи — единая изначальная материя, из которой образовалась бинарная символика «ян» и «инь». Единство противоположностей в символике отражается в результате включения в центр каждой половины круга уменьшенной копии круга с противоположным цветовым обозначением, что воплощает единство гендерных категорий, восходит к представлению о *метагендерном* уровне.

Уроборос — змей, который поедает собственный хвост и изображается в виде круга, опоясывающего небо и землю, воду и звезды. Объединение элементов *мужского* (небо) и *женского* (земля) начал в общий круг Вселенной свидетельствует о *метагендерной* природе символа уробороса, который понимается в философской системе алхимиков как изначальное единство противоположностей.

2. *Бинарные* символы репрезентируют дихотомию *мужского — женского начал* как взаимодействие противоположностей: солнце — луна, небо — земля, огонь — вода, юг — север, свет — тьма, жизнь — смерть, нечетные числа — четные числа и т. д.

Бинарными символами *мужского и женского начал* в рамках архаического (языческого) периода являются символы солнца и луны. Исследователь В.М. Рошаль утверждает, что «солнце — один из двенадцати символов власти, основной символ созидательной энергии. В качестве источника тепла Солнце представляет собой жизненную силу, страсть, храбрость и вечную молодость. Как источник света оно символизирует знания, интеллект. В большинстве традиций Солнце — символ *мужского начала*. Солнце также — это жизнь, живучесть, воплощенный характер личности, сердце и его устремления» [Рошаль 2008, с. 50].

Луна «символизирует изобилие, циклическое обновление, возрождение, бессмертие, оккультную силу, изменчивость, интуицию и эмоции <...>. Там, где Луна несла женские черты, ее образ мог быть самым различным — от великих богинь, охраняющих материнство, до жестоких, холодных защитниц девственности (как, например, древнегреческая богиня Луны и охоты Артемида)» [Рошаль 2008, с. 248-250].

В архаической культуре представления о *женском начале* объединяются с идеей плодородной земли. Ученые проводят параллель между образом Великой Матери, символизирующей плодородность племени, и космогоническим образом Прародительницы Мира, матери богов и всего существующего. Гендерно маркированный символ *Мать-Земля, Мать-сыра-земля* реализует в себе идею плодородной, рождающей, материнской функции божества [Рыбаков 1984].

Бинарные символы *мужского и женского начал* реализуются в рамках оппозиций света и тьмы, юга и севера, взаимодействие которых является основой движения в концепции «ян» и «инь». Как отмечает исследователь в области герменевтики П. Рикер, концепция «ян» и «инь» «легла в основу учения о символах взаимодействия крайних противоположностей» [Рикер 1995, с. 84].

3. Моносимволы, репрезентирующие одну из собственно гендерных категорий и не имеющие гендерной пары в системе символов, не характерны для культуры. Известные мифологические, астрономические, алхимические и другие гендерные символы строятся на основе бинарных оппозиции. В рамках исследования обнаружены единичные случаи гендерно маркированных моносимволов.

Моносимволом *мужского начала* является рог.

Рог в славянской культуре выступает в функции апотропея, символизирует силу, изобилие, а также является атрибутом мифических животных и демонологических персонажей [Славянские древности 2009, с. 437-441]. В шумеро-аккадской (Ашшур, Адад), греко-римской (Дионис, Плутон), скандинавской (Хеймдалль) и кельтской (Цернинн) традициях рог или рога имеют божества, символизирующие силу воина и изобилие [Рошаль 2008, с. 272-275].

Моносимволом *женского начала* является судьба.

Отголоски древних представлений о женщине как о хранительнице генофонда, от которой зависит судьба рода, сохранились в языке. Древнерусское слово «кобъ» — судьба в польском языке трансформируется в «kobieta» — женщина [Маслова 2001].

Системный анализ формирования категории гендера с учетом эволюционно-генетического аспекта становления гендера в социуме и культуре позволяет сделать некоторые заключения.

Мужское и женское начала в культуре одновременно и противопоставлены друг другу, и обуславливают друг друга. По словам В.А. Масловой, «и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Ян, и древнегреческий миф об андрогинах тому подтверждение» [Маслова 2001, с. 122]. Символика солнца и луны, неба и земли, огня и воды, изначально имеющая дуалистический характер, в культуре и языке репрезентирует дихотомию *бинарных* символов *мужского и женского начал*.

Взаимосвязь и взаимообусловленность бинарной оппозиции *мужского и женского начал* в рамках культуры определяется общим *метагендерным началом*, семантика которого восходит к представлениям об *общечеловеческом начале* как единой основе *мужского и женского начал*.

Реализация *мужского или женского начал* в социуме и культуре отдельной личностью на концептуальном уровне связано с образом «Я», который включает в себя систему атрибутивных признаков и символов, культурно и исторически обусловленных. Следовательно, категория гендера формирует структурную модель восприятия и категоризации мира, себя и своих действий, а также характеристик других людей.

Русская традиционная культура репрезентирует народное мировосприятие, структура которого многослойна, сохраняет архаические и более поздние патриархальные традиции. С различиями пола связано множество собственно социальных и культурно обусловленных явлений, этим объясняется тот факт, что пол человека из биологической характеристики в процессе исторического развития общества и культуры трансформировался в характеристику социокультурную. Таким образом, категория гендера в современной науке понимается как дискурсивный, исторически обусловленный социокультурный феномен, включающий совокупность социальных и культурных норм,

атрибутивных признаков и символов, которые соотносятся с *мужским, женским и метагендерным* началами.

На протяжении истории развития цивилизации взгляды на сущностные характеристики мужчин и женщин претерпевают значительные изменения, что находит отражение в формировании категории гендера и наглядно демонстрирует эволюцию его восприятия в философской и общественной мысли. Несмотря на тот факт, что собственно гендерные исследования в анализируемый период отсутствовали, воззрения отечественных и зарубежных ученых, писателей, общественных деятелей послужили основой теоретического исследования концептуального содержания гендера, а также повлияли на становление гуманитарных гендерных исследований.

1.2.2. Механизмы формирования категории гендера в культуре и языке

Категория гендера, охватывающая все области человеческого знания, подвергается подробному анализу в трудах отечественных ученых [Кирилина 1999, 2000; Клещин 1997; Пушкарева 1998, 2000; Слышкин 2002; Ушакин 2007 и др.] и зарубежных исследователей [Freud 1962; Gofman 1959, 1976, 1977, 1994; Lakoff 1975; Pusch 1984; Stoller 1976; West, Zimmerman 1987 и др.].

В связи с тем, что «в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов» [Маслова 2001], исследование механизмов формирования категории гендера возможно исключительно при привлечении данных указанных областей наук.

В проекции на цели исследования актуальной является проблема определения специфики категории гендера, которая послужила причиной «разграничения в рамках научной системы понятий о биологическом поле,

который является физиологической составляющей индивида, и о гендере — социокультурном поле, формирующемся на конвенциональной основе и являющемся концептуальной структурой» [Доброва, Мудрая 2017, с. 175].

Понятие *гендер* вошло в науку в 60-е годы XX века, активно используется в междисциплинарном дискурсе начиная с 90-х годов XX века и до настоящего времени, что свидетельствует о востребованности изучения категории гендера.

Анализ исследований, посвященных трактовке сущности гендера [Гриценко 2005; Кирилина 2000; Кронгауз 1996; Пушкарева 1998; Трофимова 2000; Attenborough 2014; Eckert, McConnell-Ginet 2003; Goffman 1976; Stoller 1976; Tannen 2006; Wollstonecraft 1997], позволяет определить гендер как типизированный социокультурный смысл, «ментальный конструкт, содержащий концептуальную информацию о том, что значит быть мужчиной и женщиной в социуме и культуре» [Мудрая 2018, с. 63].

«Изначально понятие *гендер* существовало в английском языке для обозначения грамматической категории рода» [Доброва, Мудрая 2017, с. 175]. Н.А. Блохина пишет, что «в англо-русском словаре В. Мюллера "гендер" имеет два значения: первое для обозначения грамматического рода, второе для обозначения пола в его шутовском смысле» [Блохина 2003]. Основанием для введения термина *гендер* явилась необходимость разграничить биологический и социальный пол в связи с тем, что социальный пол формируется в обществе и культуре на конвенциональной основе. Впервые указанную проблему сформулировал американский ученый Р. Столлер в рамках конгресса психоаналитиков в Стокгольме (1963 г.). В своем докладе Р. Столлер обоснованно разграничил понятия пола и гендера [Stoller 1976], что получило признание и в отечественной науке, в частности, Н.Л. Пушкаревой отмечено, что «предложение Р. Столлера о разведении биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании — гендерным исследованиям» [Пушкарева 1998, с. 76-86].

Период 60-х годов XX века «является началом гендерных исследований в западной гуманитарной науке. Важнейшим импульсом для зарождения нового научного направления стал переход от структурализма к прагматике, а также серьезные изменения в обществе, связанные с Новым женским движением в Европе и США, феминистская идеология которого повлияла и на философию постмодернизма, и на развитие языкознания» [Доброва, Мудрая 2017, с. 175-176].

Благодаря столь существенным отличиям от биологического пола и грамматического рода категория гендера имеет собственные онтологические основания. Согласно представлениям Э. Гоффмана, «гендер в современном обществе выполняет функцию основного кода в рамках социального взаимодействия и социальных структур» (*перевод мой — М. М.*) [Goffman 1994, p. 105].

Вместе с тем в настоящее время в науке сложилось несколько концепций понимания биологических, психологических, социальных и символических механизмов формирования гендера.

Биологические механизмы формирования гендера анализируются в работах З. Фрейда [Freud 1962], психологические основания исследованы К.Г. Юнгом [Юнг 2017] и другими учеными.

В трудах З. Фрейда различия между мужчинами и женщинами подвергаются анализу как биологически детерминированные, обусловленные бессознательными инстинктами. Категория гендера (в работах используется термин «пол») формируется в процессах включения в культуру и социализации, в рамках которых личности отводится пассивная роль объекта воздействия.

В классической работе З. Фрейда «Я и Оно» [Freud 1962] выявляются «конституциональные» явления для индивида. Согласно теории З. Фрейда, формирование категории гендера происходит вследствие усвоения ребенком полоролевых различий между родителями, что в свою очередь обуславливает изначальную двойственность развития человека и усвоенных им социальных ролей.

Развивая идеи З. Фрейда, основоположник глубинной психологии К.Г. Юнг формирует учение о коллективном бессознательном, а также разрабатывает теорию архетипов. Ученый приходит к выводу о том, что «архетипы дают жизнь мифам, религиям и философским концепциям, воздействующим на целые народы и разделяющим исторические эпохи» [Юнг 2017, с. 45]. Гендерную дихотомию *мужского и женского начал* К.Г. Юнг также раскрывает в рамках анализа архетипов *анимы и анимуса, духа и матери* и др. Материя, по словам ученого, есть не что иное, как «образ Великой Матери, воплощавший Мать-Землю! Аналогичным образом Дух, бывший отцом всего сущего, теперь называется интеллектом и оказывается сведен до ограниченных эгоизмом человека масштабов» [Юнг 2017, с. 54].

К.Г. Юнг акцентирует внимание на архетипе матери, который занимает главенствующую позицию в мифологии и фольклоре: «С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума: любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» [Юнг 1996, с. 218].

Значимость теорий З. Фрейда и К.Г. Юнга определяется выявленными биологическими и психологическими механизмами конструирования гендера.

Социальные механизмы формирования гендера подвергаются анализу в теориях социального конструктивизма и драматургического интеракционизма (гендеризма). В рамках указанных теорий конструирование гендера определяется как социальное «обретение пола», которое представляет собой «процесс обучения традиционно сложившимся образцам поведения, каждое из которых трактуется либо как мужское, либо как женское» [Ушакин 2007, с. 42], а также признается производность гендера, его зависимость от социальных структур, в первую очередь от разделения труда, семейных отношений [Зидер 1997].

Влияние социума на формирование гендера исследовано П. Бергером и Т. Лукманом, результаты исследования изложены в работе «Социальное

конструирование реальности» [Бергер, Лукман 1995]. Учеными рассматривается процесс институализации социальных феноменов, в том числе феномена пола, и их переход в разряд традиций культуры. Индивидууму в указанной теории отводится роль создателя той реальности, которую он воспринимает.

Анализ механизмов формирования категории гендера подвергается переосмыслению в теории драматургического интеракционизма и гендеризма Э. Гоффмана в ключевых работах ученого: «Отношения на публике» («Relations in Public») [Goffman 1971], «Гендерный дисплей» («Gender Display») [Goffman 1976], «Расположение между полами» («The Arrangement Between Sexes») [Goffman 1977] и «Взаимодействие и гендер» («Interaktion und Geschlecht») [Goffman 1994].

Базовыми механизмами формирования категории гендера, гендерных стереотипов, а также условиями развития и создания гендерной идентичности в обществе, по мнению ученого, являются институализация и ритуализация.

Первым механизмом формирования и реализации гендера является институализация, в рамках которой закрепляется социальный статус личности, нормы поведения, устойчивые характеристики, категории *мужского* и *женского начал*. Э. Гоффман приходит к выводу о том, что биологический пол выступает в качестве гендерного маркера только в момент рождения, когда идентифицируют пол ребенка, а в дальнейшем все предписания и стереотипы, институализированные в обществе, автоматически соотносятся с новым человеком, включая нормы поведения, качества характера, внешность, что позволяет исследователям утверждать, что «гендер — это проблема институциональная» [Кирилина 2004, с. 19]. Благодаря закреплённости в сознании индивидуума и обществе гендер приобретает точные атрибутивные признаки, которые становятся доминантными независимо от воли индивидуума и соотносятся не с конкретной личностью, а с целым классом. Вследствие своей догматичности атрибутивные признаки *мужского* и *женского начал* являются основными социальными маркерами, а гендерная самоидентификация в свою очередь становится главным условием социализации личности. При этом, по

мнению Э. Гоффмана, базовым институтом, закрепляющим и воспроизводящим гендерные стереотипы, является институт семьи [Гоффман 2000, 2001].

В проекции на исследование языка фольклора результаты институализации гендера закреплены доминантно в системе гендерно маркированных номинаций в рамках лексического способа вербализации гендера.

Вторым механизмом формирования и реализации гендера является ритуализация. Цель ритуалов, как отмечает ученый, заключается в подтверждении фундаментальных общественных отношений, вследствие чего в процессе коммуникации происходит манифестация пола говорящего и собеседника. Основным законом, на котором базируются гендерные ритуалы, — это дихотомия *мужского и женского начал* [Goffman 1994].

В проекции на исследование языка фольклора результаты ритуализации гендера закреплены доминантно в конструкциях и моделях текстов пословиц, объективирующих и транслирующих атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* в рамках текстового способа вербализации гендера.

Языковая личность на стадии гендерной идентификации, следуя правилам, существующим в данной культуре, воспринимает атрибутивные признаки и гендерные ритуалы как естественное проявление собственного «Я». Понимание Э. Гоффманом институализации и ритуализации гендера восходит к теоретическим воззрениям Р. Лакоффа, который утверждает, что институциализация и ритуализация являются базой гендерного дисплея, в котором проявляется принадлежность каждого человека к определенному полу [Гоффман 2001], [Лакофф 2001].

Главным доказательством того, что категория гендера не совпадает с категорией биологического пола, служит ее конвенциональная основа, вследствие которой гендер является специфичным для каждой культуры и определенного языка. Д. Зиммерман и К. Уэст приходят к выводу о том, что «гендерные дисплеи — конструированные и конвенциональные выражения — могут быть выбраны исполнителями, однако то, как воспринимают нас (существами мужского или

женского пола), лежит вне пределов нашего выбора» [Уэст, Зиммерман 1997, с. 100-101].

Символические и языковые механизмы формирования категории гендера подвергаются анализу в эпоху постмодернизма в трудах М. Фуко [Фуко 1996], Ж. Лакана [Лакан 1995], Ж. Дерриды [Деррида 2000].

Ж. Лакан исследует гендер применительно к проблемам *нового* текста и *нового* языка, в которых отсутствует иерархия *мужского и женского начал*. Наиболее кардинальное изменение в понимании гендера проистекает из деконструктивистской критики Ж. Дерриды, в работах которого анализу подвергаются бинарные оппозиции, а цель познания видится в достижении равенства между компонентами оппозиции, в попытке освобождения от стереотипов, в том числе гендерных [Деррида 2000].

В исследованиях, посвященных анализу символических механизмов формирования категории гендера, сформулирована проблема разгадки невыразимого – «выявления символов его, выстраивания их системы и системы их проявлений» [Пушкарева 2000, с. 35]. Концепция символической природы гендера основана на отрицании любой внешней по отношению к человеку истины. Реальность, по мнению философов постмодернизма, существует только в языке, а гендер включен в структуру языка.

М. Фуко вслед за Э. Гоффманом и Р. Лакоффом признает институализацию и ритуализацию главными механизмами формирования гендера. Понимание ритуала сформулировано М. Фуко в лекции «Порядок дискурса»: «Ритуал определяет квалификацию, которой должны обладать говорящие индивиды <...>; ритуал определяет жесты, поведение, обстоятельства и всю совокупность знаков, которые должны сопровождать дискурс; он, наконец, фиксирует предполагаемую или вменяемую действенность слов — их действие на тех, к кому они обращены, и границы их принудительной силы» [Фуко 1996, с. 71]. В свою очередь, институализация проявляется в создании гендерных норм, предписаний и запретов. В целом в работах ученого определен круг концептуальных

характеристик гендера: конвенциональная основа, культурная и социальная обусловленность, механизмы формирования гендера в дискурсивных практиках.

Исследование символических оснований гендера оказало влияние на формирование гендерных исследований в западной традиции, в которой, как отмечает А.В. Кирилина, «доминирующим методом стала дерридеанская деконструкция гендера, понимаемая как анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая притязание на такое же положение со стороны правостороннего термина, от которого он зависит» [Кирилина 1999, с. 11].

На основании проведенного исследования механизмов формирования гендера нами выявлен их системный характер, который основан на биологических, психологических, социальных, символических, концептуальных и языковых механизмах. Актуальными для исследования языка пословиц в гендерно аспекте являются такие механизмы, как институализация и ритуализация.

Вербальные результаты механизмов институализации и ритуализации гендера закреплены с использованием лексического и текстового способов, но с разными доминантами: для механизма институализации доминантным является лексический способ, а для механизма ритуализации — текстовый. Результаты институализации гендера закреплены доминантно в системе гендерно маркированных номинаций в рамках лексического способа вербализации гендера. Результаты ритуализации гендера закреплены доминантно в конструкциях и моделях текстов пословиц, объективирующих и транслирующих атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* в рамках текстового способа вербализации гендера.

1.3. Теоретические и методологические основы исследования гендера в языке пословиц русского народа

1.3.1. Исследование гендера на материале пословиц русского народа

Пословицы русского народа выражают в лаконичной форме целостный комплекс концептуальной информации о человеке [Алефиренко 2009].

Понимание жанровой специфики пословиц основано на работах Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2009], В.П. Аникина [Аникин 1957], Е.Б. Артеменко [Артеменко 2007], В.И. Даля [Даль 1880-1882], В.В. Колесова [Колесов, 2004], Г.Л. Пермякова [Пермяков 1988], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000], З.К. Тарланова [Тарланов 1982, 1999], М.И. Шахновича [Шахнович 1936] и др. Вопрос о разграничении пословиц и поговорок в настоящее время остаётся открытым в связи с тем, что в современной лингвистике и лингвофольклористике отсутствует единое понимание сущности пословиц и поговорок как языковых единиц.

Исследователь и крупнейший собиратель паремий В.И. Даль в «Напутном» определяет пословицу как короткую притчу, «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 2000, с. 15], в «Толковом словаре живого великорусского языка» пословица охарактеризована ученым как «краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказанья, или в виде житейского приговора; пословица есть особь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама» [Даль 1882, с. 345].

Обобщая и систематизируя работы паремиологов по определению жанровой специфики пословиц и поговорок, Г.Л. Пермяков пишет: «С одной стороны, пословицы и поговорки — это явления языка, устойчивые сочетания, во многом

сходные с фразеологическими оборотами. С другой — это какие-то логические единицы, выражающие то или иное суждение. С третьей — это художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие (а точнее, моделирующие) факторы самой действительности» [Пермяков 1988, с. 13-14].

На современном этапе развития паремиологии пословицы анализируются в рамках теории текста, при этом рассматривается связь пословиц с фразеологизмами [Копыленко, Попова 2010].

В настоящем исследовании пословица понимается как завершенная, замкнутая структура, предложение, имеющее образную или необразную мотивацию. Поговорка понимается как незавершенная, незамкнутая структура. Паремия выступает в качестве родового понятия по отношению к видовым понятиям пословицы и поговорки. В соответствии с целью и задачами исследования особого внимания заслуживает тот факт, что пословице как жанру фольклора не свойствен синкретизм, характерный для других жанров фольклора, соответственно, и коды материализации гендера не имеют синкретического свойства, а вербализация выступает приоритетным способом структурно-семантического воплощения гендера в текстах пословиц.

Пословицы являются хранителями национальной культуры, отражают условия жизни, социально-исторический опыт народа, носителя языка. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-Минасова 2000, с. 80].

В настоящее время интерес к гендерным исследованиям в рамках филологической науки возрастает, что находит подтверждение в масштабности проводимых исследований: на протяжении периода с 2010 по 2019 годы представлены к защите 104 диссертации по специальности 10.02.00 — языкознание, посвященных гендерной проблематике [Российская государственная библиотека].

В связи с междисциплинарным характером гендерных исследований многие работы выполнены на пересечении лингвистики, лингвокультурологии, педагогики, психологии и иных смежных гуманитарных дисциплин [Закирова 2012, Черных 2012, Белозерова 2016].

Диссертационные работы характеризуются широтой исследовательской базы, посвящены анализу системы языка в гендерном аспекте [Стрекалова 2011; Горбацкая 2013; Прудникова 2013 и др.], функции гендера в акте коммуникации [Каркищенко 2013 и др.]. Ряд исследований выполнен на материале татарского, английского, немецкого и итальянского языков [Закирова 2012; Хузина 2012; Сташкова 2015 и др.].

Изучению репрезентации гендера на материале паремий посвящены кросскультурные исследования русского, татарского, английского, немецкого и итальянского языков [Закирова 2012; Стрекалова 2011; Хузина 2012; Шаймарданова 2015].

В исследовании Ю.А. Закировой «Лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков)» [Закирова 2012] анализу подвергаются мужская и женская картины мира. Целью работы является «сравнительно-сопоставительный анализ этнического своеобразия языковой картины мира паремиологических единиц, содержащих в себе гендерный аспект» [Закирова 2012, с. 5].

Диссертационное исследование У.С. Стрекаловой «Семантика гендера в русской языковой картине мира (на материале поговорок)» [Стрекалова 2011] посвящено семантической реконструкции «категориальных областей "мужское" и "женское" в русской языковой картине мира по данным пословиц и поговорок» [Стрекалова 2011, с. 3-4].

В работе Э.С. Хузиной «Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке (на материале паремий и авторских афоризмов)» [Хузина 2012] осуществляется гендерный анализ лексем *мужчина* и *женщина*, предпринята

попытка «установить динамику развития представлений о мужчине и женщине в татарском языковом сознании» [Хузина 2012, с. 3].

В исследовании М.Р. Шаймардановой «Прагмалингвистический анализ гендерно-маркированных паремий (на материале английского и русского языков)» [Шаймарданова 2015] проведен сопоставительный анализ «гендерно-маркированных пословиц, поговорок с точки зрения общего и специфического в их семантике и особенностях функционирования» в русском и английском языках [Шаймарданова 2015, с. 4].

Указанные гендерно ориентированные исследования фольклорных текстов на материале пословиц носят кросскультурный характер и нацелены на выявление специфики этнических характеристик мужчин и женщин.

Анализ репрезентации гендера в рамках настоящей работы проводится на материале пословиц русского языка с учетом ряда факторов, среди которых исторический дискурс, культурная специфика категории гендера, абсолютная антропоцентричность гендера в фольклорном тексте, включающая в себя «представления о биологических, психологических, социальных различиях мужчины и женщины, модели их поведения, черты характера, место в данной культуре, социальные роли и общественные статусы» [Атрощенко 2010, с. 14]. Специфика настоящей работы обусловлена применением *системного подхода* в рамках анализа концептуального содержания и вербального воплощения информации о *мужском, женском и метагендерном началах* в текстах пословиц русского народа.

Анализ диссертаций и авторефератов указанных диссертаций демонстрирует отсутствие исследований, аналогичных настоящему, что позволяет утверждать уникальность настоящего исследования по всем ключевым параметрам.

Гендерные исследования в рамках лингвофольклористики — это новое перспективное направление, предполагающее анализ репрезентации гендера и способов его вербализации в фольклорном тексте с учетом специфики языка фольклора и народной культуры.

1.3.2. Многоуровневая методика исследования репрезентации гендера в пословицах русского народа

В связи с тем, что в настоящее время «понятия *репрезентация* и *вербализация* многозначны и широко употребляются не только в лингвистике, но и в философии, психологии, социологии, необходимо раскрыть их значение применительно к лингвистическим гендерным исследованиям. Формирование гендера как *идеологического конструкта*, концептуальной сущности происходит на ментальном уровне и заключается в манифестации определенных признаков в качестве атрибутов *мужского* или *женского начала*» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176]. «Концептуальное содержание гендера, закреплённое в сознании носителей языка, репрезентируется на уровнях гендерного маркирования, в рамках системы атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал*. Материальным способом объективации гендера в текстах пословиц выступает вербализация, представляющая собой структурно-семантическое воплощение гендерной информации» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176] лексическим (в пределах гендерно маркированных лексем) и текстовым (в пределах корпуса текстов) способами.

Понимание репрезентации как отражения действительности в сознании индивида характерно для классической философии и представлено в трудах Декарта [Декарт 1989] и Канта [Кант 1994]. В работах ученых подверглись анализу универсальные механизмы человеческого сознания, в результате был сделан вывод о всеобщих законах репрезентации действительности в сознании.

Исследования философии языка XX века подтверждают, что сознание не существует вне языка. Носитель языка (языковой субъект) таким образом играет основную роль в процессах репрезентации и конструирования бытия. В отличие от классической философии, которая подвергает анализу репрезентацию бытия в

сознании (*чистый разум* Канта [Кант 1994] и *cogito* Декарта [Декарт 1989]), философия языка исследует репрезентацию бытия и сознания в языке [Петрова 2012, с. 34-38]. Следовательно, как отмечает В.А. Ладов, «метод логико-лингвистического анализа стал определяющим, ибо именно он вскрывает наиболее глубинные структуры, отвечающие за развитие познавательной активности. В этом — пафос лингвистического поворота» [Ладов 2010, с. 10].

Исследование репрезентации, в том числе выделение различных по природе и области функционирования типов репрезентаций в культуре и обществе, основано на работах Э. Дюркгейма, посвященных анализу «коллективного сознания» [Дюркгейм 1990]. В рамках когнитивных исследований сформировалось представление об образной и вербальной природе репрезентаций. Современной наукой установлено объединение на ментальном уровне различной по своей природе информации в рамках концептуальных структур [Jackendoff 2010], соответственно, репрезентация представляет собой трансляцию концептуальной информации, полученной по вербальному и невербальному (наглядно-образному) каналам.

Анализируя усвоение языка, Ж. Пиаже приходит к выводу о том, что «ментальный образ вначале есть не что иное, как интериоризованная имитация, порождающая затем репрезентацию» [Пиаже 1983, с. 135]. Таким образом формируется на базе сенсомоторного интеллекта символическая функция, которая делает возможным усвоение языка [Пиаже 1983]. Следовательно, связь между ментальным образом и языковым знаком устанавливается на основе символической функции по репрезентативному каналу. Сходное понимание транслируется в работах Т.Н. Ушаковой, которая определяет репрезентацию как символический акт создания образа-обозначения [Ушакова 2000, с. 16]. Указанное положение соответствует пониманию репрезентативной функции языка.

Сущность репрезентативной функции языка, как отмечает Г.И. Петрова, заключается в том, что «языковая репрезентация — это не прямое и непосредственное выражение предметности мира, но (как и в случае сознания)

его конструкция путём закодированных в языке в результате коммуникации универсалий как языковых априори» [Петрова 2012, с. 37].

Таким образом, репрезентация понимается как процесс двунаправленного кодирования: с одной стороны, воспроизведения информации о внешнем мире, полученной по вербальному и невербальному (наглядно-образному) каналам, в сознании человека, с другой стороны, реализации, трансляции концептуальной информации, систематизируемой на ментальном уровне и в дальнейшем объективируемой, в том числе посредством языковых знаков.

Репрезентация гендера есть сложная, многоуровневая интегральная структура, включающая концептуальное и вербальное воспроизведение гендерной информации, участвующая в мыслительных и коммуникативных процессах, транслирующая «означаемое» (концептуальное знание о гендере, представленное в семантике гендерно маркированных лексем) в «означающем» (лексемах и текстах пословиц), знаково-материальном по своей сущности, так как «структурированное знание, будучи содержанием сознания, требует своей вербализации» [Алефиренко 2003, с. 12].

Термин *вербализация* имеет два основных значения, зафиксированных в словарях. Во-первых, под вербализацией понимается «выражение мысли при помощи слов и форм языка», а во-вторых, переход той или иной части речи в класс глаголов» [Жеребило 2010, с. 56].

В толковом словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой вербализация определяется как «реализация мысли в устной речи» [Ефремова 2000]. В указанном ключе анализируют вербализацию З.Д. Попова и И.А. Стернин, понимая произнесенное или написанное слово как «средство доступа к концептуальному знанию» [Попова, Стернин 2001, с. 38].

Исторический словарь галлицизмов русского языка трактует вербализацию как «словесное выражение чего-либо, воплощение в слове» [Исторический словарь галлицизмов русского языка 2010].

Анализ представленных дефиниций позволяет определить вербализацию как словесную объективацию ментального содержания, реализованную мысль.

Вербализация как языковой механизм репрезентации представляет собой материальный способ объективации гендера в текстах пословиц.

В настоящем исследовании разработана многоаспектная методика анализа репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц, что продиктовано предпринятым в работе системным подходом к анализу гендера.

Методы исследования обусловлены спецификой репрезентации гендера и включают как общенаучные методы наблюдения, моделирования, интерпретации, применяемые на всех этапах исследования, так и частнонаучные методы, которые нуждаются в более подробном освещении.

В диссертационном исследовании применен комплекс качественных (качественных) методов и количественных (количественно-статистических) методов. На современном этапе развития науки доказана эффективность объединения качественных и количественных методов анализа в рамках единой концепции [Арапов 1987; Коростелева 2013; Пиотровский 1977; Тулдава 1987].

1. Качественные методы: описательный, таксономический, сопоставительный и метод лингвокультурологического анализа.

1.1. Описательный метод применяется на различных этапах исследования с целью характеристики гендерно маркированных номинаций в текстах пословиц.

1.2. Сопоставительный метод анализа лексем применяется с целью выделения в текстах пословиц гендерных оппозиций (*мужское начало / женское начало / метагендерное начало*), гендерных пар, лакунарных единиц.

1.3. Таксономический метод с методикой компонентного анализа нацелен на систематизацию и классификацию гендерно маркированных номинаций в рамках реконструируемой системы.

1.4. Метод лингвокультурологического анализа применяется с целью интерпретации атрибутивных признаков *мужского, женского, метагендерного начал* и культурологической обусловленности гендерной маркированности номинаций в текстах пословиц.

2. Количественный метод нацелен на многоаспектный анализ количественных и статистических показателей гендерно маркированных

номинаций и реконструируемой системы гендерно маркированных номинаций, что обусловлено предпринятым в работе системным подходом.

2.1. Применение количественного метода предполагает констатацию непосредственных показателей системы: количества лексем, количества словоупотреблений лексем, количества лексико-семантических групп и подгрупп в реконструируемой системе и др. Количественный подход нацелен на анализ элементного состава системы.

2.2. Применение статистического метода предполагает выявление процентного соотношения различных показателей: средней частоты лексических единиц, процентного соотношения номинаций *мужского, женского и метагендерного начал*, общей частоты ключевых лексем в текстах пословиц с последующим сопоставлением с показателем общей частоты аналогичных номинаций по данным частотного словаря современного русского языка и др. Статистический подход нацелен на выявление отношений между элементами в пределах системы и определение репрезентативности материала исследования.

Рассмотрим применение комплекса частнонаучных методов в рамках этапа отбора и структурирования материала исследования и этапов анализа материала исследования.

1. Этап отбора и структурирования материала исследования.

Применение квалитативного таксономического метода осуществляется с целью отбора и фиксации гендерно маркированных лексем и соответствующих текстов пословиц. Квалитативный сопоставительный метод применяется с целью составления словника, в котором систематизированы гендерно маркированные лексемы.

Применение квантитативного количественного метода нацелено на учет и фиксацию показателей количества словоупотреблений гендерно маркированных лексем в текстах пословиц.

С целью повышения эффективности и точности отбора гендерно маркированных лексем применяется компьютерная лексикографическая программа «МоносонЕсу», которая разработана G.M. Barlow, доцентом кафедры

прикладного языкознания Университета Окленда [Barlow 2015]. Данные, полученные с помощью компьютерной программы, уточняются в ходе исследования.

Во-первых, систематизируется словник лексем путем лемматизации, понимаемой как приведение словоформы к словарной форме (лемме или лексеме).

Во-вторых, выполняется разграничение омонимии с последующим уточнением количества словоупотреблений гендерно маркированных лексем в текстах пословиц. Лексикографические решения, принятые в настоящем исследовании, основываются на достижениях ученых в области лингвофольклористики, в частности, опираются на опыт создания словника и конкорданса русской народной песни учеными Курской школы лингвофольклористики А.Т. Хроленко, М.А. Бобуновой, И.С. Климас, которые при разграничении полисемии и омонимии отдают предпочтение полисемии [Бобунова 2007], [Климас 2005].

В пределах материала настоящего исследования встречаются единичные случаи омонимии, что находит отражение в словнике.

Пример

Охотник (1) «до чего, или делать что, любитель» [Даль 1881, с. 801].

«Кабак на охотника; кто хочет — бредет (завернет), а кто не хочет — мимо идет» [Даль 2000, с. 432]

Охотник (2) — «кто стреляет дичь по промыслу или для забавы» [Даль 1881, с. 801].

«У него есть охотничья косточка (т.е. он охотник)» [Даль 2000, с. 421].

Результаты этапа отбора и структурирования материала исследования находят отражение в словниках (см. Приложение №1, Приложение №2).

2. Анализ материала исследования включает в себя пять этапов.

2.1. Первый этап нацелен на установление типов гендерного маркирования лексем, входящих в состав словника.

Описательный метод применяется на этапе анализа семантики гендерно маркированных лексем с целью выявления типов гендерного маркирования.

Лингвокультурологический метод применяется с целью выявления специфики репрезентации гендерной информации в рамках установленных типов гендерного маркирования.

Результаты первого этапа анализа находят отражение в параграфе 2.1. «Типы гендерного маркирования номинаций в языке русских пословиц».

2.2. Второй этап нацелен на выявление способов вербализации гендерной информации.

С целью выявления способов структурно-семантического воплощения гендерной информации применяется сопоставительный метод при выявлении и разграничении лексического и текстового способов вербализации, анализ соотношения которых основывается на положении, выдвинутом А.Т. Хроленко, об особой корреляции слова и текста в фольклоре [Хроленко 1992 с. 71, 114].

Лингвокультурологический метод применяется в рамках интерпретации лингвистических и социокультурных основ специфики репрезентации гендера и способов его вербализации.

Результаты второго этапа анализа находят отражение в параграфе 2.2. «Вербальные способы репрезентации гендера в пословицах».

2.3. Третий этап нацелен на реконструкцию системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц.

На указанном этапе применяется комплекс качественных методов, включающий описательный метод, применяемый с целью характеристики гендерно маркированных номинаций; таксономический метод, применяемый с целью систематизации и классификации гендерно маркированных номинаций реконструируемой системы; метод лингвокультурологического анализа, применяемый с целью реконструкции культурно обусловленных лексико-семантических групп и подгрупп системы; сопоставительный метод, применяемый с целью выявления гендерных пар и лакунарных единиц и их культурологической интерпретации.

Результаты третьего этапа анализа находят отражение в параграфе 2.3. «Реконструкция системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц».

2.4. Четвертый этап нацелен на систематизацию количественных, частотных и статистических характеристик гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц и включает два этапа анализа.

2.4.1. Систематизация количественных и частотных показателей проводится с целью разграничения ядерных и периферийных лексем на основании их репрезентативности в границах исследуемого материала, которая основывается на показателях общего количества лексем и количества словоупотреблений одной лексемы.

Под *лексемой* понимается набор словоформ, совпадающих по лексическому значению и различающихся только своими грамматическими значениями [Кобозева 2012, с. 81].

Показатель *количества словоупотреблений лексемы* — количество употреблений словоформ одной лексемы в рамках исследуемого материала. Данный показатель демонстрирует индивидуальную релевантность лексемы. На основании названного показателя лексема соотносится с ядерной или периферийной лексикой.

Определение релевантности лексико-семантической группы / подгруппы в пределах системы гендерно маркированных номинаций основывается на суммарных показателях.

Показатель *количества лексем в группе / подгруппе* — сумма всех лексем, входящих в группу / подгруппу.

Показатель *количества словоупотреблений лексем в группе / подгруппе* — сумма употреблений словоформ всех лексем, входящих в группу / подгруппу.

Степень релевантности находится в прямой зависимости от подробности членения в сознании человека познаваемой действительности, информация / знание о которой репрезентируется в семантике лексем, входящих в состав лексико-семантических групп. Например, **группа имен социофактов** имеет

максимальный показатель количества лексем и количества словоупотреблений лексем, входящих в состав группы, что свидетельствует о релевантности социально обусловленных свойств, качеств, ролей человека, информация / знание о которых репрезентируется в семантике гендерно маркированных номинаций названной группы.

2.4.2. Систематизация статистических показателей проводится с целью определения гендерной симметрии и гендерной асимметрии в количественном аспекте в пределах системы гендерно маркированных номинаций.

Определение гендерной симметрии и гендерной асимметрии основывается на учете процентного соотношения количества лексических единиц, количества словоупотреблений лексических единиц, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*, в рамках каждой группы и системы в целом, а также показателей средней частоты лексических единиц, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*.

Результаты четвертого этапа анализа находят отражение в параграфе 2.4. «Количественные и статистические характеристики гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц».

2.5. Пятый этап нацелен на изучение ядра реконструируемой системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц.

Применение комплекса количественных методов позволяет выявить и систематизировать ядерные гендерно маркированные лексемы. Апробированным критерием определения ядерной лексики является показатель частотности, то есть количества словоупотреблений «единиц в границах исследуемого материала, соответственно, в число ядерных лексем входят примерно сто слов верхнего ранга» [Климас 2005]. Названный критерий основан на утверждении ученого Н.Г. Комлева о том, что «сто наиболее частотных слов охватывают около 40 % любого текста» [Климас 2005, с. 20]. Ядро гендерно маркированных номинаций в рамках настоящего исследования включает 100 слов верхнего ранга.

Статистический метод анализа также применяется с целью установления процентного соотношения ядерной лексики в лексико-семантических группах реконструированной системы.

В рамках анализа собственно гендерного уровня применение комплекса количественных методов позволило систематизировать и сопоставить показатели общей частоты (ipm) ключевых лексем по данным пословиц с показателями общей частоты (ipm) аналогичных лексем по данным частотного словаря современного русского языка [Ляшевская 2009]. Понимание ключевых лексем-репрезентантов основывается на данных когнитивной лингвистики. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют ключевые слова как «основные средства, которыми чаще всего манифестируется концепт в речи» [Попова, Стернин 2001, с. 91], в качестве критерия выделения которых «могут использоваться частотность в речи, достаточная абстрактность значения, общеизвестность и др.» [Попова, Стернин 2001, с. 91]. Проводится указанный анализ с целью определения репрезентативности ключевых номинаций в текстах пословиц.

Применение комплекса качественных методов позволяет определить и систематизировать атрибутивные признаки и символические воплощения *мужского, женского и метагендерного начал* в семантике пословиц с ядерными лексемами.

В рамках применения описательного метода выявлены атрибутивные признаки и символические воплощения *мужского, женского и метагендерного начал*. Таксономический метод, целью применения которого является систематизация выявленных признаков, позволяет установить группы атрибутивных признаков. В результате сопоставительного анализа выявлены *общие* признаки и символы, *бинарные* признаки и символы, а также *монопризнаки* и *моносимволы* в границах исследуемого материала. Лингвокультурологический метод применяется с целью интерпретации культурно-исторической специфики атрибутивных признаков ядерных гендерно маркированных номинаций, анализа концептуальных основ текстового способа вербализации гендерной информации.

Результаты пятого этапа исследования отражены в параграфе 2.5. «Репрезентация гендерной информации в атрибутивных признаках и символических воплощениях *мужского, женского и метагендерного начал* в пословицах с ядерными лексемами».

Разработанная методика может быть экстраполирована на исследование иного фактического материала, к настоящему времени применена в рамках анализа текстов необрядовых лирических песен [Соболевский 1896-1900]. Результаты указанных исследований отражены в двух публикациях [Мудрая 2016, 2017].

Выводы по первой главе

В социуме и культуре формируется знание о *мужском и женском началах*, составляющих собственно гендерный уровень, и *метагендерном начале*, представляющем общечеловеческий «надгендерный» уровень.

В настоящем исследовании применяется системный подход к анализу гендера, основывающийся на признании взаимосвязи языка, мышления и культуры, учитывающий эволюционно-генетический аспект формирования гендера, достижения в области лингвистических, лингвофольклористических и лингвокультурологических гендерных исследований.

Исследование репрезентации гендера и способов его вербализации проводится в рамках анализа русской фольклорно-языковой картины мира, которая является частью русской языковой картины мира. В ходе системного анализа категории гендера определена актуальная для настоящей работы специфика механизмов формирования гендера.

В гендерной лингвистике центральной проблемой является изучение двухуровневой модели языка, включающей *метагендерный* (общечеловеческий) уровень и собственно гендерный (*мужское и женское начала*), а также анализ корреляции указанных уровней [Кирилина 1999].

Исследование гендерного фактора в языке обусловило выделение гендерной парадигмы. М.А. Кронгауз на материале современного русского литературного языка выделил и проанализировал пять прототипических гендерных парадигм, теоретическое и методологическое обоснование которых служит основой для выявления гендерных парадигм в текстах пословиц, а также позволяет сопоставить данные, полученные на материале современного русского языка и языка пословиц.

В результате систематизации научных работ отечественных и зарубежных исследователей определены культурно и социально обусловленные типы атрибутивных признаков гендера и гендерных символов: общие признаки и символы, восходящие к концептуальному знанию о человеке как о биосоциальном единстве; бинарные признаки и символы *мужского* и *женского начал*, восходящие к идее дихотомии гендера; монопризнаки, характерные исключительно для одного из гендерных начал.

В процессе системного анализа теоретических основ исследования гендера установлено, что в социуме и культуре реализуются как бинарно-симметричные гендерные признаки и символы, так и моно-асимметричные гендерные признаки и символы, комплекс которых представляет собой исторически, культурно и этнически обусловленную систему.

Симметричность системы репрезентирована, во-первых, в рамках бинарной комплементарности, в которой атрибутивные признаки и бинарные символы *мужского* и *женского начал* взаимодополняют друг друга; во-вторых, в рамках репрезентации общих атрибутивных признаков и символов.

Асимметричность системы репрезентирована в рамках оппозиций, в которых атрибутивные признаки *мужского начала* имеют положительную коннотацию, а атрибутивные признаки *женского начала* — отрицательную

коннотацию. Также асимметричность системы проявляется в *монопризнаках* и *моносимволах*.

В проекции на материал исследования результаты механизма институализации гендера закреплены доминантно в системе гендерно маркированных номинаций в рамках лексического способа вербализации гендера. Результаты механизма ритуализации гендера закреплены доминантно в конструкциях текстов пословиц в рамках текстового способа вербализации гендера.

В соответствии с принятым в настоящем исследовании системным подходом к анализу гендера разработана многоуровневая методика исследования репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц, включающая комплекс качественных (качественных) методов и количественных (количественных и статистических) методов.

1. Качественные методы: описательный, таксономический, сопоставительный и метод лингвокультурологического анализа.

1.1. Описательный метод применяется на различных этапах исследования с целью характеристики гендерно маркированных номинаций в текстах пословиц.

1.2. Сопоставительный метод анализа лексем применяется с целью выделения в текстах пословиц гендерных оппозиций (*мужское начало / женское начало / метагендерное начало*), гендерных пар, лакунарных единиц.

1.3. Таксономический метод с методикой компонентного анализа позволяет систематизировать и классифицировать гендерно маркированные лексемы в рамках реконструируемой системы.

1.4. Метод лингвокультурологического анализа применяется с целью интерпретации атрибутивных признаков *мужского, женского, метагендерного начал* и культурологической обусловленности гендерной маркированности номинаций в текстах пословиц.

2. Количественный метод нацелен на многоаспектный анализ количественных и статистических показателей гендерно маркированных номинаций в пословицах.

2.1. Применение количественного метода предполагает констатацию непосредственных показателей исследуемого материала: количества лексем, количества словоупотреблений лексем, количества лексико-семантических групп и подгрупп в реконструируемой системе. Количественный подход нацелен на анализ элементного состава системы.

2.2. Применение статистического метода предполагает выявление процентного соотношения различных показателей: средней частоты лексических единиц, процентного соотношения номинаций *мужского, женского и метагендерного начал*, общей частоты ключевых лексем в текстах пословиц с последующим сопоставлением с показателем общей частоты аналогичных номинаций по данным частотного словаря современного русского языка. Статистический подход нацелен на выявление отношений между элементами в пределах системы и определение репрезентативности материала исследования.

Разработка гендерного аспекта анализа языка пословиц в современной лингвистике и лингвофольклористике обусловлена необходимостью антропоориентированного исследования языка русского фольклора.

Глава 2. Репрезентация гендера в языке пословиц русского народа

2.1. Типы гендерного маркирования номинаций в языке русских пословиц

Гендерное маркирование — есть указание на признак биологического пола «лицо женского пола» или «лицо мужского пола» в значении лексической единицы [Кирилина 1999; 2000; 2001]. Принцип отбора гендерно маркированных единиц в настоящем исследовании основан на признании «абсолютной антропоцентричности гендера, который включается в семантику номинаций не только *мужского и женского начал*, но и полоролевого разделения труда, возраста, социальных оценок лиц в зависимости от пола и т. д.» [Алексеева, Басалаева 2009, с. 173].

Номинации *метагендерного начала* вербализуют представления об универсальном (*человек* и др.) или обобщенном (*молодежь* и др.) характере *общечеловеческого начала*. В соответствии с этим в рамках вербализации *метагендерного начала* выявлены две группы номинаций. Первая группа представлена номинациями с универсальным (или нейтральным) гендерным значением, вторая группа представлена номинациями с обобщенным гендерным значением. При отсутствии номинации с обобщенным значением *метагендерного начала* семантика объединения *мужского и женского начал* реализуется в форме множественного числа имени существительного мужского рода (*гость — гостья — гости*).

В языке русских пословиц гендерное маркирование реализует денотативное или коннотативное (символическое) значение *лицо мужского пола* для номинаций *мужского начала*, *лицо женского пола* для номинаций *женского начала*,

универсальное / обобщенное наименование лиц обоих полов для номинаций метагендерного начала.

Соответственно, выявлено два типа гендерного маркирования: непосредственный тип маркирования реализуется в денотативном значении языкового знака, опосредованный (прежде всего связью с денотативным значением) — в коннотативном значении языкового знака.

Непосредственный тип маркирования гендерной информации реализуется в денотативном аспекте языкового знака, обозначающего *лицо мужского пола (мужское начало)*, или *лицо женского пола (женское начало)*, или *универсальное / обобщенное наименование лиц обоих полов (метагендерное начало)*. Гендерная информация закреплена в семантике номинации, соответственно, кодируется в лексическом значении отдельных лексем (*муж — жена, жених — невеста, сын — дочь — дитя* и др.), реализуется в текстах пословиц. Всего выявлено 486 номинаций с непосредственным типом гендерного маркирования, из которых 360 номинаций *мужского начала*, 109 номинаций *женского начала* и 17 номинаций *метагендерного начала* (полный перечень номинаций представлен в *Таблице №1 «Система гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц»*).

Опосредованный тип маркирования гендерной информации реализуется в коннотативном значении языкового знака на образно-символической основе, более высокой в семиотическом плане, отражающей особенности фольклорно-языковой картины мира (*огонь (царь) — вода (царица), небо (отец) — земля (мать), сокол (жених) — голубка (невеста) — птица (человек)* и др.), транслируется в текстах пословиц в рамках корреляции номинаций с *непосредственным и опосредованным* типами гендерного маркирования. Всего выявлена 71 номинация с опосредованным типом гендерного маркирования, из которых 30 номинаций *мужского начала*, 33 номинации *женского начала* и 8 номинаций *метагендерного начала* (полный перечень номинаций представлен в *Таблице №1 «Система гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц»*).

Системный подход к анализу специфики репрезентации гендера предполагает исследование гендерно маркированных номинаций с

непосредственным и опосредованным маркированием в текстах пословиц в границах исследуемого материала.

Анализ *непосредственного* типа маркирования гендерной информации заключается в выявлении компонента значения «лицо мужского или женского пола» для номинаций *мужского и женского начал*, также в выявлении компонента значения «универсальное / обобщенное наименование лиц обоих полов» для номинаций *метагендерного начала* по данным текстов пословиц с последующим сопоставлением с данными «Толкового словаря живого великорусского языка» [Даль 1880-1882].

С целью определения специфики *непосредственного* типа маркирования гендерных номинаций привлекаются данные «Толкового словаря живого великорусского языка» [Даль 1880-1882]. Доказательством наличия *непосредственного* типа маркирования номинации является указание на признак «лицо женского пола», или «лицо мужского пола», или «наименование лиц обоих полов» в словарном значении лексемы.

Рассмотрим гендерно маркированные номинации *мужского и женского начал*: *отец — мать, муж — жена, жених — невеста, сын — дочь*; *метагендерного начала*: *человек, дитя*.

Номинации *отец* и *мать* имеют *непосредственный* тип маркирования и соотносятся с *мужским* и *женским началами*, так как указание на признак биологического пола в значении лексической единицы содержится в денотативном значении языкового знака, что находит подтверждение и в словарном значении номинации, и в текстах пословиц.

«Три друга: отец, да мать, да верная жена» [Даль 2000, с. 183].

«ОТЕЦ м. у кого есть дети; родитель, тятя, тятенька, батюшка, батя, батька, папа, папаша, папенька, папочка, атя. Отец-мать, родители» [Даль 1881, с. 748].

«МАТЬ ж. матери церк. и сев. мать, родительница, мама; мать родная, родная» [Даль 1881, с. 312].

Номинации *муж, жена, жених, невеста, сын, дочь* имеют *непосредственный* тип маркирования и соотносятся с *мужским* и *женским*

началами в связи с наличием в денотативном значении языкового знака признака биологического пола, но кроме биологических характеристик содержат социальные и культурные характеристики, в текстах пословиц представлена традиционная национальная система семейных ценностей, социальных ролей и отношений между людьми.

«У милостивого мужа всегда жена досу́жа» [Даль 2000, с. 182].

«МУЖ м. человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола, противополож. жена, женщина. | Относительно к женщине, жене: супруг, народное, хозяин, образующий с женою чету» [Даль 1881, с. 363].

«ЖЕНА ж. вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба» [Даль 1880, с. 548].

«Всякая невеста для своего жениха родится» [Даль 2000, с. 178].

«ЖЕНИХ м. сговоривший себе невесту или сговоренный с невестою; суженый, зарученный, иногда и обрученный. | В более общем знач. всяк приискивающий себе невесту, намеренный жениться и даже всяк достигший полных лет, брачного возраста, молодой мужчина» [Даль 1880, с. 549].

«НЕВЕСТА, девица, вдова или разводка, сговоренная замуж; обычно понимают девицу; обреченная или обрученная мужу, засватанная, просватанная, зарученная; запитая девка» [Даль 1881, с. 523].

«Сын да дочь — красные детки» [Даль 2000, с. 187].

«СЫН м. всякий мужчина отцу и матери сын, а женщина дочь» [Даль 1882, с. 384].

«ДОЧЬ ж. всякая женщина отцу и матери» [Даль 1880, с. 501].

Номинации *дитя* и *человек* имеют *непосредственный* тип маркирования и соотносятся с *метагендерным началом* в связи с тем, что содержат указание на универсальное общечеловеческое начало, не отсутствие биологического пола, а общность, объединение двух ипостасей, что находит подтверждение и в словарной дефиниции, и в текстах пословиц.

«Одно дитя роженое (дочь), другое суженое (зять)» [Даль 2000, с. 191].

«ДИТЯ ср. <...> дети мн. сыновья и дочери; в отношении к родителям <...>. | Малые ребята или девочки вообще» [Даль 1880, с. 449].

«*Человек по сердцу — половина венца*» [Даль 2000, с. 384].

«ЧЕЛОВЕК м. каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью» [Даль 1882, с. 605].

Специфика репрезентации гендерной информации в рамках *непосредственного* типа маркирования заключается в многовекторном представлении биологических, социальных и духовных составляющих человека в его гендерной ипостаси. В связи с конвенциональной основой гендера номинации с *непосредственным* типом гендерного маркирования манифестируют систему семейных статусов, социальных ролей лиц и иных характеристик в зависимости от пола.

Анализ *опосредованного* типа маркирования заключается в выявлении символического значения «лицо мужского пола», или «лицо женского пола», или «универсальное / обобщенное наименование лиц обоих полов» в номинациях, непосредственно с человеком не связанных. Символическое значение гендера выявляется по данным текстов пословиц с учетом корреляций номинаций с *непосредственным* и *опосредованным* типами маркирования.

С целью определения специфики *опосредованного* типа маркирования гендерных номинаций привлекаются данные этнолингвистического словаря [Славянские древности 1995-2012], являющегося по сути тезаурусом традиционной славянской культуры и содержащего информацию о символике *мужского, женского и метагендерного начал* в социокультурном контексте.

Рассмотрим номинации *огонь — вода, небо — земля, сокол — голубка — птица* с символическим значением гендера, транслируемым в текстах пословиц. *Опосредованный* тип гендерного маркирования номинации реализуется в том случае, когда указанные номинации вступают в отношения корреляции с *непосредственно* маркированными номинациями: *огонь — царь, вода — царица, небо — отец, земля — мать, сокол — жених, голубка — невеста, птица — человек*.

ОГОНЬ в фольклорной картине мира выступает как одна из стихий мироздания. «В текстах сказок присутствует персонифицированный царь Огонь. Вместе с царицей Маланьницей (молнией) он сжигает стада царя Змиулана. Огонь в обрядовых приговорах и заговорах называется царем, батюшкой» [Славянские древности 2004, с. 518].

ВОДА в народной традиции символизирует одну из первых стихий мироздания, источник жизни, очищение. «В формулах-обращениях, адресованных воде, представлен её персонифицированный женский образ, наделенный личными именами, эпитетами и другими характеристиками» [Славянские древности 1995, с. 390].

«"Сти, царь огонь," — говорит царица водица» [Даль 2000, с. 456].

НЕБО в славянской культуре имеет антропоморфные черты, «известен мотив священного брака неба и земли», согласно болгарским легендам, после того как небо «поднялось высоко, распался его брак с землей, который был очень полезен людям: от этого брака родился месяц, а во время женитьбы неба и земли полил дождь, принесший плодородие» [Славянские древности 2004, с. 377].

ЗЕМЛЯ в народной традиции символизирует одну из основных стихий мироздания, «символ женского плодоносящего начала, материнства; осмыслялась как прародительница и кормилица всего живого» [Славянские древности 1999, с. 315].

«Не земля хлеб родит, а небо» [Даль 2000, с. 452].

«Земля мать — подает клад» [Даль 2000, с. 155].

СОКОЛ в фольклоре символизирует *мужское начало*, в свадебном обряде жениха именуют соколом, невесту лебедушкой или голубкой. Традиционным является обращение к жениху «ясный сокол» в величальных песнях [Славянские древности 2012, с. 98].

ЛЕБЕДЬ символизирует *женское начало*. В свадебном обряде, фольклорных текстах лебедушкой называют невесту или супругу. В северно-русских свадебных песнях лебедь может выступать «в паре с соколом или орлом, воплощающими

мужскую символику (сокол выискивает себе лебедь белую, орел-жених догоняет лебедушку-невесту и т. п.)» [Славянские древности 2004, с. 89].

«Знать сокола по полету, а доброего молодца по походке (по выступке)» [Даль 2000, с. 522].

«Чужая жена — лебедушка, а своя — попынь горькая» [Даль 2000, с. 182].

ПТИЦА выступает обобщенным символом *метагендерного начала* человека, что обусловлено последовательным делением видов птиц на мужские и женские персонажи в фольклорных текстах, в том числе в текстах пословиц. Символами *мужского начала* выступают сокол, орел, ястреб, ворон, воробей и другие, а символами *женского начала* являются голубка, лебедушка, сова, кукушка и другие [Славянские древности 2009, с. 345]. Символика *метагендерного начала* восходит к родовидовым отношениями, в рамках которых родовой символ *птица-человек* соотносится с видовыми символами *мужского и женского начал*.

«Красна птица перьем, а человек ученьем» [Даль 2000, с. 201].

«Птице крылья, человеку разум» [Даль 2000, с. 294].

Спецификой репрезентации гендера в рамках *опосредованного* типа гендерного маркирования в пословицах является не только реализация гендерных символов, но и демонстрация отношений корреляции между номинациями с различными типами гендерного маркирования в денотативном и коннотативном значениях языкового знака. Образы, репрезентированные номинациями, непосредственно с человеком не связанными, наделяются антропоморфными чертами, социальным статусом: *огонь — царь, вода — царица, небо — отец, земля — мать, сокол — жених, голубка — невеста / жена, птица — человек* и другие, что способствует расширению и уточнению концептуального значения *мужского, женского и метагендерного начал* в текстах пословиц. Выявленная в текстах пословиц корреляция номинаций с *непосредственным* и *опосредованным* типами маркирования обусловлена существующей в фольклорно-языковой картине мира связью реального и символического миров [Доброва 2004], реализует нелинейные вертикальные связи, отношения параллельных структур текста пословицы.

2.2. Вербальные способы репрезентации гендера в пословицах

На материале текстов пословиц выявлены гендерно маркированные номинации (существительные и субстантивированные прилагательные), вербализующие информацию о предметном мире гендера, а семантика номинаций репрезентирует концептуальные области, которые в своей совокупности, системности воспроизводят коллективное знание этноса о *человеке* в категориях *мужского, женского и метагендерного начал*.

Вербализация гендерной информации осуществляется двумя основными способами: *лексическим* (на материале отдельных лексем) и *текстовым* (на материале моделей и конструкций текста). Объединяет номинации с различными типами гендерного маркирования использование обоих способов вербализации гендера, а дифференцирует — доминирование одного из способов вербализации гендера.

В рамках вербализации гендерной информации в номинациях с непосредственным типом гендерного маркирования основным способом является лексический, а дополнительным, расширяющим концептуальное значение гендерно маркированных номинаций выступает текстовый способ.

В рамках вербализации гендерной информации в номинациях с опосредованным типом маркирования основным способом является текстовый, а дополнительным — лексический способ, что обусловлено прямой зависимостью лексического способа от текстового, так как гендерно маркированные лексемы содержат гендерную информацию в коннотативном (символическом) значении языкового знака (лексемы), а транслируют символическое значение в системе корреляций *непосредственно* и *опосредованно* маркированных номинаций в текстах пословиц.

В соответствии с целями настоящего исследования анализ гендерной информации, вербализованной лексическим способом, проведен в рамках реконструкции системы гендерно маркированных номинаций; анализ гендерной информации, вербализованной текстовым способом, проведен на материале текстов пословиц с ядерными и ключевыми гендерно маркированными лексемами, номинирующими *мужское, женское и метагендерное начала*.

1. Лексический способ вербализации гендера осуществляется в рамках лексем, номинирующих *мужское, женское, метагендерное начала*.

Лексический способ вербализации гендера представлен триадами лексем, вербализующими три ипостаси гендера: *мужское, женское и метагендерное начала*, гендерными парами лексем, вербализующими дихотомию *мужского и женского начал*, а также одиночными лексемами, вербализующими одно из гендерных начал.

На основании обозначенных типов отношений между гендерно маркированными лексемами нами выявлены три парадигмы гендерно маркированных номинаций, которые соотносятся, но не совпадают с прототипическими парадигмами, выявленными М.А. Кронгаузом [Кронгауз 2005] (см. п. 1.1.1. «Исследование гендера в лингвистике» с. 18-20).

Материал исследования позволяет определить два способа образования гендерных триад и диад.

Первый способ представляет собой супплетивное словообразование [Будагов 1965; Кронгауз 2005 и др.] или «квазисупплетивизм» [Радчук 2015, с. 24], который реализован гендерно маркированными разнокоренными номинациями с тождественным интегральным значением, например, гендерная пара *муж — жена* имеет тождественное значение «супруги», номинации являются разнокоренными.

Второй способ представляет собой морфологическое словообразование, которое реализуется посредством набора регулярных аффиксов, в ряде случаев аффикс в гендерной паре имеет исключительно производная номинация *женского начала*, например, лексема *соседка*, производная от лексемы *сосед*.

В отдельную группу следует отнести нестандартные средства образования гендерных пар (*дурак — дура*).

Первая гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими три ипостаси гендера. Для номинаций *мужского, женского, метагендерного начал* используется триада лексем.

Способ супплетивного словообразования (квазисупплетивизм) представлен в рамках триад номинаций, обладающих тождественным интегральным значением и дифференциальным признаком пола (лицо мужского пола, лицо женского пола и лицо любого пола (универсальная общечеловеческая номинация), но не являющихся однокоренными. Так, для номинаций детей используется триада *сын — дочь — дитя*, тождественным является интегральное значение «ребенок», а дифференциальным — признак пола, соответственно, *сын* — ребенок мужского пола, *дочь* — ребенок женского пола, *дитя* — ребенок любого пола, номинация является универсальной для обозначения сына или дочери.

«Сын да дочь — *домашние гости*» [Даль 2000, с. 187].

«Дитя хоть криво, да *отцу, матери мило*» [Даль 2000, с. 187].

Специфика морфологического словообразования заключается в том, что номинации, объединенные в триаду, выражают интегральное значение, заключенное в общем корне, и значение соответствующего пола (лицо мужского пола, лицо женского пола и общее наименование группы лиц как неделимого целого), выраженное в аффиксах. Так, среди номинаций сословий употребляется триада *хозяин — хозяйка — хозяйева*, тождественным является интегральное значение «владелец», а дифференциальным — признак пола, соответственно, *хозяин* — владелец мужского пола, *хозяйка* — владелец женского пола, *хозяйева* — общее наименование владельцев и мужского, и женского пола как неделимого целого.

«Хозяин добр — *и дом хорош; хозяин худ — и в доме тож*» [Даль 2000, с. 230].

«Хозяйка лежит — *и все лежит; хозяйка с постели — и все на ногах (и все вскочили)*» [Даль 2000, с. 230].

«Хозяева и с перстов насытятся» [Даль 2000, с. 397].

Вторая гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими *мужское* и *женское начала*, для номинации используются диады лексем, являющиеся гендерной парой.

Способ супплетивного словообразования представлен в рамках гендерных пар, не имеющих общего корня и вербализующих *мужское* и *женское начала* (*братец* – *сестрица* и др.), соответственно, *метагендерное начало* не вербализовано.

«*Не смейся, братец, чужим сестрицам: своя в девицах*» [Даль 2000, с. 191].

Способ морфологического словообразования представлен в рамках гендерных пар, в которых интегральное значение заключено в общем для гендерной пары корне, а дифференциальное значение пола выражено в соответствующих аффиксах (*сосед* — *соседка* и др.), соответственно, *метагендерное начало* не выражено в рамках отдельных лексем, но в ряде случаев номинации *мужского начала* во множественном числе репрезентируют идею общности людей без дифференциации по гендерному признаку. Так, среди номинаций, транслирующих межличностные (реляционные) отношения, лексем, вербализующие *мужское начало* (*гость*, *сосед*), во множественном числе называют общность людей мужского и женского пола (*гости*, *соседи*), но значение *метагендерного начала* выражено не в отдельной лексеме, а в форме множественного числа лексемы мужского рода.

«*Нож со стола упал — гость будет; ложка или вилка — гостья*» [Даль 2000, с. 396].

«*Хоть не богат, а гостям рад*» [Даль 2000, с. 397].

«*Говорил бы много, да сосед у порога*» [Даль 2000, с. 197].

«*Знала б наседка, узнает и соседка*» [Даль 2000, с. 197].

«*На обеде все соседи; а пришла беда, они прочь, как вода*» [Даль 2000, с. 392].

Значимость анализируемой гендерной парадигмы обусловлена тем, что в гендерных парах реализуется собственно гендерный уровень *мужского* и *женского начал*, репрезентирующий дихотомию гендера.

«Гендерная пара включает парные наименования лиц мужского и женского пола» [Мудрая 2018, с. 64]. Номинации, входящие в гендерную пару, обладают интегральным значением и дифференциальным признаком пола. Например, гендерная пара *муж – жена* обладает интегральным значением *супруги* и дифференциальным — признаком пола (*муж — супруг* мужского пола, *жена — супруг* женского пола).

«*Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад*» [Даль 2000, с. 183].

Гендерные пары получают свое текстовое воплощение в двух вариантах: эксплицитном и имплицитном [Доброва 2018, с. 34-37].

Под эксплицитным вариантом воплощения гендерной пары понимается воплощение, материальное выражение компонентов пары (номинаций *мужского* и *женского начал*) в рамках одной пословицы.

«*Муж — голова, жена — душа*» [Даль 2000, с. 183].

Под имплицитным вариантом воплощения гендерной пары понимается воплощение, материальное выражение компонентов пары (номинаций *мужского* и *женского начал*) в нескольких пословицах близких или тождественных по контекстному окружению, выявление пары возможно при сопоставлении корпуса текстов.

«*Стужа да нужа, а лучше худого мужа*» [Даль 2000, с. 182].

«*Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою*» [Даль 2000, с. 185].

В анализируемых пословицах наблюдается нейтрализация гендерной оппозиции при вербальной выраженности гендера.

«*Мужик, что мешок: что положишь, то и несет*» [Даль 2000, с. 359]

«*Баба, что мешок: что положишь, то и несет*» [Даль 2000, с. 173]

Выявлены единичные случаи вербализации *мужского* и *метагендерного начал* при отсутствии вербализации *женского начала*, которые не являются

гендерной парой. Указанные номинации обнаружены в рамках социально-статусных (*крестьянин, крестьяне*) и национально-этнических (*татарин, татары*) номинаций.

«У всякого крестьянина по семи барин» [Даль 2000, с. 358].

«Дворяне сахарные (пряничные), крестьяне аржаные» [Даль 2000, с. 357].

«Не бьет стрела татарина» [Даль 2000, с. 58].

«Неволей только татары берут» [Даль 2000, с. 430].

Третья гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими исключительно *мужское начало* либо исключительно *женское начало*.

Гендерно маркированная лексема, не имеющая гендерной пары, является гендерной лакунарной единицей. Лакуна, соответственно, — «нулевой коррелят лакунарной единицы» [Байрамова 2006, с. 3].

Гендерная лакунарность / лакуна в современной лингвистике подвергается анализу в двух аспектах: межъязыковая лакунарность [Махонина 2006] и внутриязыковая лакунарность [Сергеева 2009]. В ряде работ терминологическое сочетание используется без конкретизации его значения [Тарасова 2005].

Детальный анализ специфики межъязыковой гендерной лакунарности предпринят исследователем Н.А. Павлюком в работе «Категория рода и гендерная лакуна». Автор рассматривает гендерную лакуну как особый тип межъязыковой лакуны, характеризующейся «антонимичным или несоответствующим распределением денотатов по родам» [Павлюк 2009, с. 22].

Исследование специфики внутриязыковой гендерной лакунарности предпринято М.П. Алексеевой, Е.Г. Басалаевой в статье «Явление лакунарности в семантизации гендерного компонента», в которой лакунарность определяется как «наличие только одного члена пары», подвергаются анализу особенности «языковых лексических лакун, связанных с гендерным признаком» [Алексеева, Басалаева 2009, с. 174].

В рамках анализа текстов пословиц русского языка «явление гендерной лакунарности наблюдается на внутриязыковом уровне, выступает как элемент системы, способ связи маркированных единиц, вербализующих гендер в текстах

пословиц» [Мудрая 2018, с. 64]. Актуальным для достижения целей предпринятого исследования является вопрос разграничения понятий *лакуны* и *лакунарной единицы*, которые выступают как составные части общего явления гендерной лакунарности.

«Наличие в текстах маркированных номинаций, не имеющих гендерных пар, позволяет охарактеризовать их как гендерные лакунарные единицы. Установление лакунарности вследствие выявления гендерной лакуны основано на анализе корпуса текстов» [Мудрая 2018, с. 64-65], а результаты отражены в системе гендерно маркированных номинаций и в словнике. Так, выявлены номинации со значением вражды, вербализующие *мужское начало*: *враг, ворог, недруг*. Парные номинации со значением вражды, вербализующие *женское начало*, не выявлены, соответственно, в указанной группе констатируется лакуна в рамках вербализации *женского начала*.

Материал исследования позволяет установить три фактора образования гендерной лакунарности: языковой, социальный, биологический.

Языковой фактор обусловлен распределением гендерно значимой концептуальной информации в рамках лексем или конструкций текста. В качестве примера рассмотрим репрезентацию гендерной информации о человеке, не вступившем в брачные отношения. Вербализация *мужского начала* представлена в лексемах (*холостой, женатый*), а вербализация *женского начала* представлена в конструкциях текста (*в девках сижено, замуж выдано*). Воплощение *женского начала* со значениями «до брака» и «в состоянии брака» в безличных конструкциях обусловлено зависимым положением девушки в семье, невозможностью принятия самостоятельного решения в вопросах вступления в брак и создания семьи.

«Холостой много думает, а женатый больше того» [Даль 2000, с. 178].

«В девках сижено — горе мыкано; замуж выдано — двое прибыло» [Даль 2000, с. 179].

Социальный фактор обусловлен неравной включенностью представителей мужского и женского пола в различные сферы жизни общества. Так, номинации

людей по профессиональной принадлежности в текстах пословиц соотносимы в основном с представителями мужского пола (*пастух, солдат* и др.).

«*Добрый пастух не о себе печется, о скотине*» [Даль 2000, с. 270].

«*Солдат добрый человек, да плащ его хапун*» [Даль 2000, с. 355].

Биологический фактор обусловлен отсутствием вербализованного признака у представителей одного из полов (*усач* и др.).

«*Славна Москва калачами, Петербург усачами*» [Даль 2000, с. 169].

Отсутствие гендерной пары у производного слова при условии наличия гендерной пары у производящей лексемы не является показателем гендерной лакунарности. Например, наряду с гендерной парой *дочь — сын* присутствует номинация *сыночек*, при этом отсутствие лексемы *доченька* демонстрирует не лакунарность, а способ субъективной оценки в рамках словообразования гендерно маркированных лексем.

В текстах пословиц имеется единичный случай вербализации исключительно *метагендерного начала* (лексема *самоеды*) в рамках этнических номинаций.

«*И в самоедах не без людей*» [Даль 2000, с. 172].

Выявлен особый механизм *компенсации* гендерной лакуны, который представляет собой способ заполнения гендерной лакуны путем образования в рамках текста пословицы гендерной пары, состоящей из лексем с различными типами гендерного маркирования, сформированная таким образом гендерная пара является неканонической, включает в себя одну номинацию с семантикой гендера в денотативном значении языкового знака, вторую номинацию с семантикой гендера в коннотативном (символическом) значении языкового знака при условии тождественного интегрального значения.

Результатом действия механизма компенсации гендерной лакунарности является формирование неканонических пар (*государь — земля, медведь — хозяйка, купец — товар* и др.) на основе параллельной связи с каноническими гендерными парами в текстах пословиц.

Лакунарная единица *государь*, вербализующая *мужское начало*, в текстах пословиц объединяется с символической номинацией *женского начала земля* на основе параллельной связи с канонической гендерной парой *батька — матка*, в результате формируется неканоническая гендерная пара *государь — земля*.

«*Государь — батька, земля — матка*» [Даль 2000, с. 129].

«Лакунарная единица *мачеха* объединяется с номинацией *медведь* в неканонической гендерной паре на основании интегрального значения *хозяйин: хозяйка локуса / хозяин локуса*» [Мудрая 2018, с. 65].

«*Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь*» [Даль 2000, с. 190].

«*В лесу медведь, а в дому мачеха*» [Даль 2000, с. 190].

Лакунарная гендерная единица *купец* объединяется с номинацией *товар* в неканонической гендерной паре на основании общего значения *молодые: жених / невеста*.

«*У вас товар, а у нас купец (жених)*» [Даль 2000, с. 387].

«*На товар нележалый купец неженатый*» [Даль 2000, с. 387].

Компенсация гендерных лакун путем образования неканонических гендерных пар свидетельствует, с одной стороны, о стремлении системы к гендерной симметрии, с другой стороны, о корреляции номинаций с *непосредственным* (*государь, купец, мачеха*) и *опосредованным* (*земля, товар, медведь*) типами гендерного маркирования. Образование неканонических гендерных пар с различными типами гендерного маркирования в результате их корреляции свидетельствует о системном характере репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц.

2. Исследование текстового способа вербализации гендера в пословицах обусловлено необходимостью системного исследования гендерной маркированности, что, как отмечает С.И. Доброва, «обогащает представление о гендерной информации как значимом участке целостного и многогранного фольклорного мира» [Доброва 2017, с. 213].

Текстовый способ вербализации является основным способом вербализации гендерной информации *опосредованного* типа маркирования и дополнительным,

расширяющим концептуальное значение гендерно маркированных номинаций с *непосредственным* типом маркирования.

Специфическими моделями реализации *опосредованного* типа маркирования гендерной информации выступают параллелизмы различных типов.

Научный подход к анализу параллелизмов как особого приема поэтического мышления заложен в трудах А.Н. Веселовского [Веселовский 1939], Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1972, 1986], О.М. Фрейденберг [Фрейденберг 1978], И.А. Оссовецкого [Оссовецкий 1979], В.Н. Топорова [Топоров 1980, 1987], С.Г. Лазутина [Лазутин 1986], Р.О. Якобсона [Якобсон 1987], Е.Б. Артеменко [Артеменко 1977, 1988, 2001], С.И. Добровой [Доброва 2001, 2004, 2011, 2013, 2015, 2017, 2018, 2019], А.С. Десницкого [Десницкий 2007] и др.

«Конструкция параллелизма *мира природы и мира человека* реализуется в рамках двучленной организации текста пословицы» [Доброва 2015]. Анализируя гносеологический план параллелизма, С.И. Доброва отмечает, что «изначально в фигуре параллелизма символическая (природная) картина репрезентирует объект познания человека, реальная (человеческая) параллель — соответственно — субъект процесса познания» [Доброва 2015, с. 308].

На основании существующей в пословицах параллельной связи между номинациями натурфактов и артефактов, с одной стороны, и номинациями *мужского, женского и метагендерного начал*, с другой стороны, представляется возможным анализ символического воплощения категории гендера в фольклоре на материале пословиц. Символика *собственно гендерного (мужского / женского)* и *метагендерного начал* в номинациях, непосредственно с человеком не связанных, реализуется в пределах параллельной связи номинаций с *непосредственным* и *опосредованным* типами гендерного маркирования, которые в текстах пословиц вступают в отношения корреляции. Анализ текстов пословиц осуществляется в рамках культурной интерпретации символов, входящих в состав параллелизма макро- и микрокосма, который представляет собой «осмысление человеком объективного содержания предмета через события из собственной

жизни как знак субъективной реальности жизни его души» [Доброва 2015, с. 308-309].

Анализу в настоящем исследовании подвергаются пословицы, в рамках которых номинации человека в его гендерной ипостаси (*непосредственный* тип маркирования) выступают в качестве субъектов *сопоставления*, *уподобления* или *противопоставления*, а предметом и источником *сопоставления*, *уподобления* или *противопоставления* являются номинации явлений природы и предметов / локусов, созданных человеком.

1. Реалии мира природы или артефакты вступают в отношения *сопоставления* без прямого указания на основания сопоставления, что способствует расширению возможностей интерпретации общих черт человека и натурфакта или артефакта.

«Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг» [Даль 2000, с. 525].

2. Номинации натурфактов и артефактов вступают в отношения *уподобления*, тексты пословиц содержат пояснение с указанием на наличие общих характеристик у субъекта и объекта уподобления.

«Жених (Невеста) что лошадь: товар темный» [Даль 2000, с. 385].

«Мужик, что рогатина: как упрется, так и стоит» [Даль 2000, с. 359].

«Баба, что горшок: что ни влей — все кипит» [Даль 2000, с. 173].

3. Номинации натурфактов и артефактов вступают в отношения *противопоставления*, тексты пословиц содержат информацию о выводах, основанных на противопоставлении субъекта и объекта.

«Девка не курица, парень не кочет; не жениться им, где кто захочет» [Даль 2000, с. 379].

«Муж не башмак, с ноги не сбросишь» [Даль 2000, с. 386].

«Жена не горшок, не расшибешь» [Даль 2000, с. 184].

В ряде случаев противопоставление субъекта и объекта дополняется информацией о наличии у них общих качеств или свойств.

«Мужичок не кочеток, а драться хочет (а подраться любит)» [Даль 2000, с. 139].

Вербализация *мужского, женского и метагендерного начал* осуществляется в рамках общефольклорной взаимосвязи макро- и микрокосма, реального мира и символического. Коллективное сознание, порождением которого являются пословицы, формируется на основе культурно-исторического опыта, в рамках которого *объективно существуют параллели между миром природы и миром человека*. Вербализация опосредованного / символического типа гендерного маркирования обусловлена реализацией «человеческого аспекта» в номинациях реалий мира природы и мира артефактов, входящих в сферу культурно-исторического опыта народа. Концептуальное единство репрезентации гендера и способов его вербализации представляет собой органично сосуществующее в фольклорно-языковой картине социокультурное знание о *мужском, женском началах* и объединяющем их *метагендерном начале*.

2.3. Реконструкция системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц

Исследование гендерно маркированных номинаций и установление типов отношений между ними позволяет реконструировать систему, в которой в соответствии с интегральным признаком гендерно маркированные единицы входят в состав лексико-семантических групп и подгрупп, в соответствии с дифференциальным признаком пола распределены по гендерным категориям. **«Наименования лексико-семантических групп имен социофактов, ментефактов, натурфактов и артефактов восходят к ключевым компонентам культуры»** [Мудрая 2018, с. 150]. Указанные наименования групп используются в трудах

И.С. Климас, классификация фольклорной лексики ориентирована автором на другие цели [Климас 2005].

Материал исследования диктует необходимость дополнения классификации особой группой имен, которую видится целесообразным назвать **корпусфактами** (от лат. *corpus* — тело, плоть), представленными гендерно маркированными номинациями, вербализующими свойства человека как телесного существа.

В соответствии с выявленными типами гендерного маркирования реконструированная система представлена двумя блоками.

I. Номинации с *непосредственным* типом маркирования входят в состав **групп имен социофактов, корпусфактов**. Названные лексико-семантические группы обслуживают сферу собственно человека.

II. Номинации с *опосредованным* типом маркирования входят в состав **групп имен натурфактов, артефактов и ментефактов**. Указанные лексико-семантические группы содержат названия внешних по отношению к человеку явлений в функции символических воплощений гендера.

Реконструированная система характеризуется наличием гендерной симметрии и асимметрии как в организации, так в количественных характеристиках.

В Словаре гендерных терминов *гендерная асимметрия* в языке определяется как «неравномерная представленность в языке лиц разного пола, которая отмечена феминистской критикой языка, а также ведущими постмодернистскими теоретиками (Деррида)» [Словарь гендерных терминов 2002].

В проекции на материал исследования представляется целесообразным уточнение определения *гендерной асимметрии* и включение в терминологический аппарат исследования сочетания *гендерная симметрия*.

Гендерная асимметрия — это отражение гендерного неравенства в языке / речи в случае неравнозначной представленности гендерно маркированных единиц, вербализующих *мужское / женское начала*. В рамках количественных показателей наличие гендерной асимметрии обусловлено неравнозначными

количественными и статистическими показателями соотношения гендерно маркированных единиц, вербализующих *мужское и женское начала* в рамках одной лексико-семантической группы или иного уровня системы гендерно маркированных единиц.

Гендерная симметрия — это отражение гендерного равенства в языке / речи в случае равнозначной представленности гендерно маркированных единиц, вербализующих *мужское / женское начала*. В рамках количественных показателей наличие гендерной симметрии обусловлено равнозначными количественными и статистическими показателями соотношения гендерно маркированных единиц, вербализующих *мужское / женское начала* в рамках одной лексико-семантической группы или иного уровня системы гендерно маркированных единиц. Номинации *метагендерного начала* как объединяющего *мужское и женское* в рамках общечеловеческого начала свидетельствуют о гендерной симметрии.

Взаимосвязь гендерно маркированных номинаций в реконструированной системе в рамках каждой группы / подгруппы осуществляется тремя способами: 1) гендерной триадой, включающей в свой состав номинации собственно гендерного и *метагендерного* уровней; 2) гендерной парой; 3) гендерной лакунарной единицей. Гендерные триады и диады (пары) воплощают идею гендерной симметрии, а лакунарные единицы свидетельствуют о наличии гендерной асимметрии. Приоритетность гендерной симметрии как характеристики системы гендерно маркированных номинаций проявляется в компенсации гендерной лакунарности.

Результаты реконструкции представлены в *Таблице №1* «Система гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц». Расположение (позиция) номинаций *мужского, женского, метагендерного начал* в таблице определяется наличием гендерной пары или ее отсутствием (гендерной лакуной), а количественные показатели демонстрируют ценностный аспект, обусловленный востребованностью и, как следствие, частотностью употребления той или иной лексемы в корпусе текстов.

Система гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц

<i>Мужское начало</i>		<i>Женское начало</i>		<i>Метагендерное начало</i>	
I. Номинации с непосредственным типом маркирования					
1. Группа имен социофактов					
Общие количественные показатели группы имен социофактов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
329	3080	90	826	15	110
<i>1.1. Брачно-семейные номинации</i>					
Общие количественные показатели подгруппы брачно-семейных номинаций					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
38	736	40	680	6	44
<i>1.1.1. Кровное родство по прямой линии</i>					
<i>1.1.1.1 Родители</i>					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
7	183	7	180	1	11
1. отец	98	1. мать	73	1. родитель	11
–	–	2. матерь	25		
2. батька	23	3. матка	20		
3. батюшка	11	4. матушка	23		
–	–	5. мама	2		
4. дед	31	6. бабка	6		
5. дедушка	18	7. бабушка	31		
6. прадед	1	–	–		
7. праотец	1	–	–		
<i>1.1.1.2. Дети</i>					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	

КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем
8	109	4	51	3	25
1. сын	85	1. дочь	29	1. дитя	18
2. сынок	3	2. дочка	10	2. дитяtko	5
3. сыночек	1	3. дочеръ	9	3. чадо	2
4. сынище	1	–	–		
5. внук	13	4. внучка	3		
6. внучек	4	–	–		
7. отпрыск	1	–	–		
8. первенец	1	–	–		
1.1.2. Кровное непрямоe родство					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем
5	127	5	35	не выявлено	–
1. брат	91	1. сестра	18		
2. братец	9	2. сестрица	4		
3. дядя	22	3. тетка	10		
4. дядька	3	4. тетушка	2		
5. племян- ник	2	5. племян- ница	1		
1.1.3. Свойство¹					
1.1.3.1. Супруги					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем
5	197	8	265	1	5
1. муж	158	1. жена	219	–	–
–	–	2. женка	2	–	–
2. муженек	2	3. женушка	2		

¹ «Свойство (affinitas) — так называется отношение близости между лицами, возникающее, в противоположность родству, не из происхождения, а из брачного союза» [Энциклопедический словарь 1900, с. 200].

3. жених	31	4. молодича	2	—	—
4. женишок	2	5. молодка	2	—	—
5. семьянин	4	6. молодушка	1	—	—
		7. невеста	36	1. молодые	5
		8. невестица	1	—	—
		—	—	—	—
1.1.3.2. Родители супругов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем
3	43	5	43	не выявлено	—
1. сват	30	1. сваха	15		
—		2. сватушка	1		
—		3. сватья	2		
2. тесть	8	4. теща	16		
3. свекор	5	5. свекровь	9		
1.1.3.3. Супруг(а) дочери / сына					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем
2	24	2	15	не выявлено	—
1. зять	19	1. невестка	11		
2. зятек	5	—			
		2. сноха	4		
1.1.3.4. Братья и сестры супругов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем
3	8	1	2	не выявлено	—
1. деверь	4	1. золовка	2		
2. шури	3	—	—		
3. свояк	1	—	—		

1.1.4. Некровное родство					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
2	25	4	72	1	3
1. кум – –	24 – –	1. кума 2. куманька 3. кумушка	54 1 4	1. кумовья	3
2. крестник –	1 –	– 4. мачеха	– 13		
1.1.5. Индивидуальный статус					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
3	22	4	17	не выявлено	–
1. холостой 2. вдовец – –	16 4 – –	– 1. вдова 2. вдовица 3. вдовушка 4. наследница	– 13 2 1 1		
3. наследник	2				
1.2. Профессиональные номинации					
Общие количественные показатели подгруппы профессиональных номинаций					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
99	666	9	13	не выявлено	–
1.2.1. Гражданские профессии					
1.2.1.1. Социономические профессии («Человек — Человек»)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем

20	110	3	5	не выявлено	–
1. судья	30	–	–		
2. дьяк	9	–	–		
3. подьячий	8	–	–		
4. лекарь	7	1. лекарка	1		
5. скоморох	7	–	–		
6. шут	7	–	–		
7. гонец	5	–	–		
8. приказчик	5	–	–		
9. законник	4	–	–		
10.палач	4	–	–		
11.пастырь	4	–	–		
12.подрядчик	4	–	–		
13.продавец	3	–	–		
14.сыщик	3	–	–		
15.целоваль- ник ²	3	–	–		
16.врач	2	–	–		
17.игрок	2	–	–		
18.доктор	1	–	–		
19.чиновник	1	–	–		
20.сторож	1	–	–		
–	–	2. плакуша	3		
–	–	3. нянька	1		
1.2.1.2. Технономические профессии («Человек — Техника»)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
19	89	3	4	не выявлено	–
1. мастер	26	–	–		
2. кузнец	17	–	–		
3. плотник	9	–	–		
4. повар	8	1. стряпуха	2		
5. сапожник	5	–	–		
6. мельник	5	–	–		
7. молотиль- щик	4	–	–		
8. гребец	2	–	–		
9. коваль	2	–	–		
10.мастеров-	2	–	–		

вой		–	–		
11.гробов- щик	1	–	–		
12.закрой- щики	1	–	–		
13.кашевар	1	–	–		
14.ключник	1	2. ключница	1		
15.санник	1	–	–		
16.тележник	1	–	–		
17.чеботарь	1	–	–		
18.шубники	1	–	–		
19.ямщик	1	–	–		
		3. прачка	1		
1.2.1.3. Бионимические профессии («Человек — Природа»)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
16	61	не выявлено		не выявлено	–
1. пастух	20				
2. рыбак	8				
3. огородник	5				
4. стрелец	5				
5. мясник	4				
6. ловец	3				
7. пахарь	3				
8. свинопас	3				
9. рыболов	2				
10.стрелок	2				
11.дровосек	1				
12.косец	1				
13.охотник	1				
14.повода- тарь	1				
15.погонщик	1				
16.стадковод- ник	1				
1.2.1.4. Артономические профессии («Человек — Художественный образ»)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	

КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
2	2	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–
1. музыкант	1				
2. поэт	1				
1.2.1.5. Сигнономические профессии («Человек — Знаковая система»)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
1	2	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–
1. писарь	2				
1.2.2. Военское звание (чин)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
23	171	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–	НЕ ВЫЯВЛЕНО	–
1. солдат	85				
2. солдатик	1				
3. воевода	19				
4. воин	14				
5. атаман	8				
6. матрос	5				
7. полковник	5				
8. батрак	4				
9. барабанщик	3				
10. вожак	3				
11. офицер	3				
12. рядовой	3				
13. генерал	2				
14. инвалид	2				
15. капрал	2				
16. командир	2				
17. комиссар	2				
18. прапор	2				
19. прапор-	2				

щик					
20.гусар	1				
21.капитан	1				
22.опричник	1				
23.ратник	1				
1.2.3. Духовное звание (чин)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
18	230	3	4	не выявлено	–
1. поп	155	–	–		
2. попишка	1	–	–		
3. монах	14	1. монахиня	1		
4. пономарь	13	–	–		
5. игумен	10	2. игуменья	2		
6. чернец	10	3. черница	1		
7. дьякон	6	–	–		
8. дьячок	5	–	–		
9. звонарь	4	–	–		
10.архимандрит	3	–	–		
11.патриарх	2	–	–		
12.архиерей	1	–	–		
13.архирей	1	–	–		
14.духовника	1	–	–		
15.клубучник	1	–	–		
16.папа римский	1	–	–		
17.рясник	1	–	–		
18.уставщик ³	1	–	–		
1.3. Аксиологические номинации					
Общие количественные показатели подгруппы аксиологических номинаций					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
82	576	13	33	2	13

3

Старший певчий на клиросе

1.3.1. Номинации с отрицательной коннотацией					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
69	516	10	26	1	9–
1. дурак	186	1. дура	16	–	–
2. дурень	5	–	–	–	–
3. дурачок	2	–	–	–	–
4. дурачина	1	–	–	–	–
5. вор	150	–	–	–	–
6. воришка	1	2. воровка	1	–	–
7. пьяница	21	–	–	–	–
8. болван	12	–	–	–	–
9. злодей	11	3. злодейка	1	1. злыдни	9
10. грешник	7	–	–	–	–
11. щеголь	7	–	–	–	–
12. щеголек	3	–	–	–	–
13. кутейник	5	–	–	–	–
14. обидчик	5	–	–	–	–
15. разбойник	5	–	–	–	–
16. расколь- ник	5	–	–	–	–
17. ябедник	5	–	–	–	–
18. мошенник	4	–	–	–	–
19. хам	4	–	–	–	–
20. болтун	3	–	–	–	–
21. должник	3	–	–	–	–
22. каналья	3	–	–	–	–
23. тать	3	–	–	–	–
24. трус	3	–	–	–	–
25. убийца	3	–	–	–	–
26. баловень	2	–	–	–	–
27. враль	2	–	–	–	–
28. доносчик	2	–	–	–	–
29. лежебока	2	–	–	–	–
30. лазутчик	2	–	–	–	–
31. неуч	2	–	–	–	–
32. незнайка	2	–	–	–	–

33.обжора	2	—	—	—	—
34.писака	2	—	—	—	—
35.потаков- щик	2	—	—	—	—
36.предатель	2	—	—	—	—
37.самолюб	2	—	—	—	—
38.спорник	2	—	—	—	—
39.спорщик	2	—	—	—	—
40.хапун	2	—	—	—	—
41.бездель- ник	1	—	—	—	—
42.белоручка (м. р.)	1	—	—	—	—
43.врун	1	—	—	—	—
44.горе- богатырь	1	—	—	—	—
45.горемыка	1	—	—	—	—
46.деревен- щина	1	—	—	—	—
47.драчун	1	—	—	—	—
48.зачинщик	1	—	—	—	—
49.картежник	1	—	—	—	—
50.ласкатель (злодей)	1	—	—	—	—
51.крючко- творец	1	—	—	—	—
52.лентяй	1	—	—	—	—
53.лжец	1	—	—	—	—
54.насмеш- ник	1	—	—	—	—
55.пересмеш- ник	1	—	—	—	—
56.писачка	1	—	—	—	—
57.поноров- щик	1	—	—	—	—
58.потвор- щик	1	—	—	—	—
59.преступ- ник	1	—	—	—	—
60.пройдоха	1	—	—	—	—
61.проказник	1	—	—	—	—
62.сплетник	1	—	—	—	—
63.табачник	1	—	—	—	—
64.фараон	1	—	—	—	—

65.фарисей	1	–	–	–	–
66.ханжа	1	–	–	–	–
67.хвастун	1	–	–	–	–
68.хитрец	1	–	–	–	–
69.чисто- плюйка (м. р.)	1	–	–	–	–
–		4. непряха	2	–	–
–		5. баламутка	1	–	–
–		6. клуша	1	–	–
–		7. неряха	1	–	–
–		8. несмеяна	1	–	–
–		9. черно- лапотница	1	–	–
–		10. чумичка	1	–	–

1.3.2. Номинации с положительной коннотацией

<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
13	60	3	7	1	4
1. милый (субст.)	33	1. милая (субст.)	3	–	–
2. миленек	1	2. милашка	1	–	–
3. миленок	1	–	–	–	–
4. миленькой (субст.)	1	–	–	–	–
5. праведник	8	–	–	–	–
6. богатырь	4	–	–	–	–
7. мудрец	3	–	–	–	–
8. грамотей	2	–	–	–	–
9. умник	2	–	–	1. умница	4
10.сластоеж- ка (м. р.)	2	–	–	–	–
11.озорник	1	–	–	–	–
12.пострел	1	–	–	–	–
13.удалец	1	–	–	–	–
–	–	3. душка	3	–	–

1.4. Социально-статусные номинации

Общие количественные показатели подгруппы социально-статусных номинаций

<i>мужское начало</i>	<i>женское начало</i>	<i>метагендерное начало</i>
-----------------------	-----------------------	-----------------------------

КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
45	626	20	86	5	45
1.4.1. Сословие					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
16	277	5	20	4	43
1. царь	85	1. царица	3	-	-
2. барин	34	2. барыня	7	1. бары	11
3. барчонок	1	-	-	-	-
4. казак	33	-	-	-	-
5. купец	28	-	-	-	-
6. купчик	1	-	-	-	-
7. князь	27	3. княгиня	6	-	-
-	-	4. княжна	3	-	-
8. пан	17	-	-	-	-
9. дворянин	15	-	-	2. дворяне	6
10. боярин	13	5. боярыня	1	3. бояре	14
11. государь	8	-	-	-	-
12. крестьянин	6	-	-	4. крестьяне	12
13. одно–дворец	3	-	-	-	-
14. король	2	-	-	-	-
15. помещик	2	-	-	-	-
16. хан	2	-	-	-	-
1.4.2. Социальное положение					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
15	252	5	36	1	2
1. хозяин	95	1. хозяйка	19	1. хозяйева	2
-	-	2. хозяйюшка	7	-	-
2. господин	38	3. госпожа	4	-	-
3. слуга	25	-	-	-	-

4. холоп	24	—	—	—	—
5. работник	15	4. работница	3	—	—
6. раб	12	5. раба	3	—	—
7. мирянин	11	—	—	—	—
8. сударь	6	—	—	—	—
9. владыка	5	—	—	—	—
10.староста	5	—	—	—	—
11.лакей	4	—	—	—	—
12.времен- щик	4	—	—	—	—
13.начальник	3	—	—	—	—
14.невольник	3	—	—	—	—
15.холуй	2	—	—	—	—
1.4.3. Имущественное положение					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
6	61	1	2	не выявлено	—
1. нищий	42	—	—		
2. богач	12	—	—		
3. бедняк	3	—	—		
4. бобыль	2	—	—		
5. бездомник	1	—	—		
6. тысячник	1	—	—		
—		1. беспридан- ница	2		
1.4.4. Общесемейный статус лица					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
1	2	6	25	не выявлено	—
1. попович	2	1.поповна	2		
—	—	2.попадья	18		
—	—	3.солдатка	2		
—	—	4.губернатор- ша	1		
—	—	5.пономариха	1		
—	—	6.ковалиха	1		
1.4.5. Сакральный статус					

1.4.5.1. Номинации лица, обладающего магическим знанием					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
4	9	2	3	не выявлено	–
1. пророк	4	–	–		
2. знахарь	3	–	–		
3. колдун	1	1. ворожея	1		
–	–	2. ведьма	2		
4. чудо-творец	1				
1.4.5.2. Номинации лица, принадлежащего загробному миру					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
3	25	1	1	не выявлено	–
1. покойник	23	1. покойница	1		
2. покойничек	1	–	–		
3. утопленник	1	–	–		
1.5. Функциональные номинации					
Общие количественные показатели подгруппы функциональных номинаций					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
33	66	3	6	не выявлено	–
1. указчик	9	–	–		
2. охотник ⁴	8	–	–		
3. кормилец	5	1. кормилица	4		
4. запевало	4	–	–		
5. плательщик	4	–	–		
6. свидетель	4	–	–		

⁴ «Охотник до чего, или делать что, любитель, у кого охота к чему, склонность, любовь, страсть. Он охотник до лошадей» [Даль 1881, с. 801].

7. ответчик	3	—	—		
8. вестовщик	2	—	—		
9. угадчик	2	—	—		
10. угодник	2	—	—		
11. шутник	1	—	—		
12. беглец	1		1		
13. богомоль- ник	1	2. богомоль- ница	—		
14. богослов	1	—	—		
15. встречник	1	—	—		
16. заимодав- цы	1	—	—		
17. заступник	1	—	—		
18. заступни- чек	1	—	—		
19. карауль- щик	1	—	—		
20. истец	1	—	—		
21. молеель- щики	1	—	—		
22. однослов	1	—	1		
23. печальник	1	3. печальница	—		
24. покрови- тель	1	—	—		
25. покупа- тель	1	—	—		
26. поминщик	1	—	—		
27. послан- ничек	1	—	—		
28. посланец	1	—	—		
29. пособник	1	—	—		
30. посол	1	—	—		
31. путник	1	—	—		
32. рассказ- чик	1	—	—		
33. самоучка	1	—	—		
<i>1.6. Национально-этнические номинации</i>					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
22	100	1	1	2	8
1. татарин	20	—	—	1. татары	7

2. цыган	20	1. цыганка	1	—	—
3. жид	9	—	—	—	—
4. немец	8	—	—	—	—
5. француз	7	—	—	—	—
6. москаль	6	—	—	—	—
7. грек	5	—	—	—	—
8. швед	4	—	—	—	—
9. русак	3	—	—	—	—
10. армянин	2	—	—	—	—
11. лях	2	—	—	—	—
12. мордвин	2	—	—	—	—
13. хохол	2	—	—	—	—
14. чуваш	2	—	—	—	—
15. грузин	1	—	—	—	—
16. еврей	1	—	—	—	—
17. калмык	1	—	—	—	—
18. молдаван	1	—	—	—	—
19. поляк	1	—	—	—	—
20. русский	1	—	—	—	—
21. самарянин	1	—	—	—	—
22. тунгус	1	—	—	—	—
—	—	—	—	2. самоеды	1
<i>1.7. Реляционные номинации (межличностные отношения)</i>					
Общие количественные показатели подгруппы реляционных номинаций					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
10	310	4	6	не выявлено	—
1.7.1. Дружба					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
4	147	2	3	не выявлено	—
1. друг	123	1. подруга	2		
2. дружок (дружка)	17	2. подружка	1		
3. товарищ	6	—	—		
4. приятель	1	—	—		
1.7.2. Вражда					

<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем
3	66	не выявлено	–	не выявлено	–
1. недруг	30				
2. враг	26				
3. ворог	10				
1.7.3. Близкое окружение					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем
3	97	2	3	не выявлено	–
1. гость	60	1. гостя	2		
2. сосед	34	2. соседка	1		
3. жилец	3	–	–		
2. Группа имен корпусфактов					
Общие количественные показатели группы имен корпусфактов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
28	421	17	336	2	153
2.1. Номинации по возрасту					
Общие количественные показатели подгруппы номинаций по возрасту					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
18	357	11	328	2	153
2.1.1. Молодость					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово– употр. лексем	КОЛ-ВО лексем	КОЛ-ВО слово–употр. лексем
12	176	5	165	1	1
1. молодец	79	-			

2. молодой (субст.)	2	-	2	1. молодежь	1
3. парень	48	2. девка	123		
4. паренек	3	3. девушка	23		
5. парнишка	3	4. девица	13		
6. паренек	3				
7. парнишка	3				
8. детина	9	-	-		
9. детинка	1	-	-		
10. детище	4	-	-		
11. мальчик	5	5. девочка	4		
12. мальчишка	1	-	-		
2.1.2. Зрелость					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем
3	155	3	145	1	152
1. мужик	146	1. баба	143	1. человек	152
2. мужичок	8	2. бабенка	1		
3. мужчина	1	3. женщина	1		
2.1.3. Старость					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово-употр. лексем
3	26	3	18	не выявлено	-
1. старик	14	1. старуха	12		
2. старец	11	2. старица	1		
3. старичок	1	3. старушка	5		
<i>2.2. Номинации по физиологическим данным</i>					
Общие количественные показатели подгруппы номинаций по физиологическим данным					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	

КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
10	64	6	8	не выявлено	–
2.2.1. Внешность					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
5	34	3	5	не выявлено	–
1. урод	23	–	–		
2. красавец	6	1. красавица	3		
3. красавчик	1	–	–		
4. усач	2	2. бородуля	1		
–	–	3. белоличка	1		
5. горбун	2	–	–		
2.2.2. Номинации лиц с физиологическими ограничениями					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
5	30	3	3	не выявлено	–
1. слепой	14	1. слепая	1		
2. глухой	11	2. глухая	1		
3. немой	2	3. немка ⁵	1		
4. хромой	2	–	–		
5. калека	1	–	–		
II. Номинации с опосредованным типом маркирования					
3. Группа имен натурфактов					
Общие количественные показатели группы имен натурфактов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
25	116	26	84	6	34
3.1. Животные					

Общие количественные показатели подгруппы животных					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
19	97	16	51	4	29
3.1.1. Млекопитающие					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
9	70	6	25	2	15
1. волк	17	–	–	–	–
2. собака	14	1. кошка	7	–	–
3. конь	13	2. кобыла	3	1. лошадь	9
4. медведь	10	–	–	–	–
5. баран	6	3. ярочка	5	–	–
6. козел	3	4. коза	4	–	–
7. пес	3	–	–	–	–
8. бык	2	5. корова	4	–	–
9. кобель	2	6. сука	2	–	–
				2. свинья	6
3.1.2. Птицы					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
7	26	8	22	1	8
1. сокол	8	1. лебедушка	1	–	–
2. петух (кочет)	6	2. курица	4	1. птица	8
3. ворон	5	3. ворона	2	–	–
4. воробей	3	4. сова	4	–	–
5. голубь	1	5. голубка (голубины)	4	–	–
6. гусь	2	–	–	–	–
7. ястреб	1	6. пава	3	–	–
–	–	7. сорока	2	–	–
–	–	8. кукушка	2	–	–
–	–				

3.1.3. Рыбы					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
1	1	1	1	1	6
1. карась	1	1. тарань	1	1. рыба	6
3.1.4. Рептилии					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
2	2	1	3	не выявлено	–
1. змей 2. уж	1 1	1. змея –	3 –		
3.2. Растения					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
2	4	4	12	2	5
1. яблочко 2. трава – –	2 2 – –	1. яблонька 2. цвет (цветок) 3. рожь 4. полынь	5 2 4 1	1. дерево 2. ягода – –	3 2 – –
3.3. Стихии мироздания					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
2	4	2	10	не выявлено	–
1. небо 2. огонь	2 2	1. земля 2. вода	8 2		
3.4. Астрономические объекты и явления					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	

КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
2	9	4	11	не выявлено	–
1. солнце	7	1. луна (месяц)	3		
2. день	2	2. ночь	5		
–	–	3. полночь	2		
—	–	4. заря	1		
4. Группа имен артефактов					
Общие количественные показатели группы имен артефактов					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
5	25	7	40	2	27
<i>4.1. Предметы быта</i>					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
4	21	5	35	1	2
1. хлеб	11	–	–	1. мешок	2
–	–	1. печь	13	–	–
2. топор	4	2. веретено	8	–	–
3. клин	4	–	–	–	–
4. рогатина	2	–	–	–	–
–	–	3. горшок	7	–	–
–	–	4. гребень	4	–	–
–	–	5. прялка	3	–	–
<i>4.2. Фольклорный локус</i>					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО ЛЕКСЕМ	КОЛ-ВО СЛОВО–УПОТР. ЛЕКСЕМ
1	4	2	5	1	25

1. двор –	4 –	1. изба 2. Русь / Россия	3 2	1. дом –	25 –
5. Группа имен ментефактов (мифологические существа)					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
3	12	2	2	не выявлено	–
1. леший 2. домовый 3. водяной –	7 3 2	– – русалка баба-яга	– – 1 1		
Общие количественные показатели системы гендерно маркированных лексем					
<i>мужское начало</i>		<i>женское начало</i>		<i>метагендерное начало</i>	
кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово– употр. лексем	кол-во лексем	кол-во слово–употр. лексем
390	3658	142	1287	25	324

Анализ системы гендерно маркированных номинаций предполагает ориентацию на особенности каждой из выявленных лексико-семантических групп с учётом воплощения в них гендерных парадигм.

I. Номинации с *непосредственным* типом маркирования.

1. **Группа имен социофактов** включает гендерно маркированные номинации, в семантике которых отражены различные типы социальных отношений, все сферы жизни человека как социокультурного существа. Вербализация гендерной информации осуществляется в рамках лексем, номинирующих *мужское, женское, метагендерное начала*.

Первая гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими три ипостаси гендера в подгруппе брачно-семейных номинаций со значением кровного родства по прямой линии родителей (*отец — мать — родитель*) и детей

(сын — дочь — дитя), в подгруппе социально-статусных номинаций лица со значением сословия (*боярин — боярыня — бояре*) и со значением социального положения (*хозяин — хозяйка — хозяйева*).

«Счастливая дочь — в отца, а сын — в мать» [Даль 2000, с. 187].

«Не хвались родительми, хвались добродетельми» [Даль 2000, с. 361].

«Сын да дочь — красные детки» [Даль 2000, с. 187].

«Умел дитя родить, умей и научить» [Даль 2000, с. 186].

«Всякий боярин свою милость хвалит» [Даль 2000, с. 281].

«По бабе и брага, по боярыне и говядина» [Даль 2000, с. 298].

«Слуги в шелках — бояре в долгах» [Даль 2000, с. 275].

«От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом» [Даль 2000, с. 183].

«Овчинку сняли, а хозяйева спали» [Даль 2000, с. 222].

Специфика первой гендерной парадигмы заключается в трансляции информации о трех гендерных началах как единой системе, включающей в себя родовидовые отношения между *метагендерным* и собственно гендерными началами. Триады лексем в рамках реконструированной системы гендерно маркированных номинаций, реализованных в текстах пословиц, репрезентируют гендерную симметрию, основанную на идее гармоничных гендерных отношений в брачно-семейных и социально-статусных сферах жизни человека.

Вторая гендерная парадигма представлена диадами лексем, вербализующих *мужское и женское начала*, актуальна для подгруппы брачно-семейных номинаций со значением кровного непрямого родства (*брат — сестра* и др.), свойства со значением супругов (*муж — жена* и др.) и родителей супругов (*свекор — свекровь* и др.), со значением супруга дочери или супруги сына (*зять — невестка* и др.), со значением братьев и сестер супругов (*золовка — деверь* и др.), некровного родства (*кум — кума* и др.), сословия (*князь — княгиня* и др.), социального положения (*раб — раба* и др.).

«Брат сестре не указ в стряпне» [Даль 2000, с. 289].

«Муж — голова, жена — душа» [Даль 2000, с. 183].

«Свекор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив» [Даль 2000, с. 190].

«Все в семье спят, а невестке молотъ велят» [Даль 2000, с. 190].

«Зять на двор — пирог на стол» [Даль 2000, с. 191].

«Кума да кум наставят на ум» [Даль 2000, с. 189].

«Не князь грешит, а думцы наводят» [Даль 2000, с. 129].

«Идет княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина» [Даль 2000, с. 368].

«Когда нет раба, так и сам по дрова» [Даль 2000, с. 53].

«Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет» [Даль 2000, с. 123].

Единичные случаи употребления гендерных пар встречаются среди профессиональных номинаций со значением гражданских профессий (лекарь — лекарка и др.) и духовного звания (монах — монахиня и др.), аксиологических номинаций лица с отрицательной и положительной коннотацией (дурак — дура, милый — милая), социально-статусных номинаций лица со значением общесемейного статуса (попович — поповна) и со значением сакрального статуса (покойник — покойница), функциональных номинаций лица (богомольник — богомольница), национально-этнических номинаций (цыган — цыганка), реляционных номинаций (друг — подруга).

«От духовника да от лекаря не таись» [Даль 2000, с. 103].

«Живи с разумом, так и лекарок не надо» [Даль 2000, с. 324].

«Монах (Монахиня) на свадьбе зловец для молодых» [Даль 2000, с. 389].

«Дураку везде счастье» [Даль 2000, с. 209].

«И наша дура коты обула» [Даль 2000, с. 275].

«Милый не злодей, а иссушил до костей» [Даль 2000, с. 375].

«Здравствуй ты, здравствуй я, здравствуй, милая моя!» [Даль 2000, с. 381].

«Распоп не поп, а поповичи распоповичи» [Даль 2000, с. 352].

«Торопится, как поповна замуж» [Даль 2000, с. 385].

«О покойнике худа не молви» [Даль 2000, с. 154].

«Хороша была покойница» [Даль 2000, с. 159].

«*Невольник не богомольник*» [Даль 2000, с. 358].

«*Днем денна́ моя печальница, в ночь ночная богомольница*» [Даль 2000, с. 188].

«*И у цыгана душа не погана*» [Даль 2000, с. 171].

«*Тут цыганка (старуха) надвое сказала*» [Даль 2000, с. 437].

«*На себя поступишь, а друга побереги*» [Даль 2000, с. 307].

«*Подруги косу плетут на часок, а сваха на век*» [Даль 2000, с. 386].

Специфика второй гендерной парадигмы заключается в трансляции информации о собственно гендерном уровне, представленном *мужским и женским началами* как единой бинарной системой, демонстрирующей взаимосвязь и взаимообусловленность противоположностей. Общая идея дихотомии гендера получает воплощение в текстах пословиц, содержащих номинации брачно-семейного статуса, социального положения и сословия. Институализированность гендерной симметрии, демонстрируемой в указанных группах номинаций, свидетельствует о том, что в патриархальной традиционной культуре, помимо идеи главенства *мужского начала* по сравнению с *женским началом*, имманентно развивается идея гармонизации гендерных отношений, основанная не на уравнивании мужчин и женщин в социальном или профессиональном аспектах, а на понимании равной значимости мужчин и женщин в комплементарном, взаимодополняющем объединении бинарных гендерных начал, что в рамках материала исследования прослеживается как в гендерных парах номинаций *мужского и женского начал*, так и в *бинарных (парных)* атрибутивных признаках и *бинарных (парных)* символах.

Третья гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими исключительно *мужское начало* или исключительно *женское начало*.

Исключительно *мужское начало* вербализовано в номинациях свойства (*шурин*), некровного родства (*крестник*), индивидуального статуса (*холостой и др.*), профессиональных номинациях (*полковник и др.*), аксиологических номинациях лица с отрицательной (*грешник и др.*) и положительной (*праведник и др.*) коннотацией, социального положения (*холон и др.*), имущественного

положения (*нищий* и др.), сакрального статуса (*утопленник* и др.), функциональных номинациях лица (*указчик* и др.), национальных номинациях (*немец* и др.), реляционных номинациях со значением вражды (*недруг* и др.).

«*Тесть любит честь, зять любит взять, а шурин глаза шурит*» [Даль 2000, с. 190].

«*Помер крестник, да кума жива*» [Даль 2000, с. 343].

«*Холостой — простой, женат — богат, а вдовец — что зяблец*» [Даль 2000, с. 178].

«*Старый полковник старше молодого генерала*» [Даль 2000, с. 366].

«*С грехом бранись, а с грешником мирись*» [Даль 2000, с. 111].

«*Бог любит праведника, а судья (или: а черт) ябедника*» [Даль 2000, с. 98].

«*Царь да нищий без товарищей*» [Даль 2000, с. 394].

«*Утопленника на меже хоронят*» [Даль 2000, с. 395].

«*Гость хозяину не указчик*» [Даль 2000, с. 398].

«*У немца на все струмент есть*» [Даль 2000, с. 171].

«*Недруг поддакивает, а друг спорит*» [Даль 2000, с. 392].

Исключительно женское начало вербализовано в единичных номинациях имущественного положения (*бесприданница*) и общесемейного статуса (*губернаторша* и др.).

«*Бесприданница — безответница*» [Даль 2000, с. 386].

«*Ей житье, как губернаторше: хочет — смеется, хочет — плачет*» [Даль 2000, с. 431].

Специфика третьей гендерной парадигмы заключается в трансляции информации исключительно об одном гендерном начале, соответствующие номинации других гендерных начал в корпусе текстов пословиц отсутствуют, вследствие чего образуется гендерная лакуна, свидетельствующая о наличии гендерной асимметрии в пределах системы гендерно маркированных номинаций. В группе имен социофактов гендерные лакуны зафиксированы в подгруппах со значением некровного родства, индивидуального статуса, профессии, аксиологических номинаций лица, социального и имущественного положения,

сакрального статуса, функциональных номинаций лица, национальных, реляционных номинаций со значением вражды. Институализированность гендерной асимметрии в указанных группах номинаций свидетельствует о доминировании *мужского начала* в профессиональном и социально-статусном аспектах, манифестации социального положения женщины через общесемейный статус (статус по мужу). Асимметрия гендера наблюдается в гендерных лакунарных единицах, *монопризнаках* и *моносимволах* (см. п. 1.2.1.

Социокультурные основы лингвистического исследования категории гендера).

2. «**Группа имен корпусфактов** включает гендерно маркированные лексемы со значением возрастных и физиологических данных» [Мудрая 2017, с. 144].

Первая гендерная парадигма, представленная номинациями, вербализующими три ипостаси гендера, реализуется в подгруппах возрастных номинаций со значением молодости (*молодой (субст.) – молодая (субст.) – молодежь*), зрелости (*мужчина / мужик – женщина / баба – человек*)

«*Молодой на битву, а старый на думу*» [Даль 2000, с. 175].

«*Погоди, молода, еще не выкуняла*» [Даль 2000, с. 126].

«*Ныне молодежь — погляди да брось*» [Даль 2000, с. 176].

«*Мужчина, коли хоть немножко казистее черта, — красавец*» [Даль 2000, с. 179].

«*Красна баба повоем, а корова удоем*» [Даль 2000, с. 346].

«*Красна птица перьем, а человек ученьем*» [Даль 2000, с. 201].

Специфика реализации первой гендерной парадигмы в рамках группы имен корпусфактов обусловлена наличием общей номинации *метагендерного начала* для двух возрастных категорий из трех, что свидетельствует о фиксации в сознании носителей языка возможности объединения людей не только по физиологическому показателю пола, но и по физиологическому показателю возраста.

Вторая гендерная парадигма, представленная номинациями, вербализующими *мужское и женское начала* и образующими гендерные пары, реализуется в подгруппах возрастных номинаций со значением молодости (*парень – девка* и др.), со значением старости (*старик — старуха* и др.), номинаций по физиологическим данным со значением внешности (*красавец — красавица* и др.) и со значением физиологических ограничений (*слепой — слепая*).

«Разорился парень бедный: купил девке перстень медный» [Даль 2000, с. 269].

«Старик со старухой на зиму печку делят» [Даль 2000, с. 141].

«Не урод, так и красавец» [Даль 2000, с. 179].

«Жена красавица — безочному (слепому) радость» [Даль 2000, с. 182].

«Слепой зрячего не водит» [Даль 2000, с. 203].

«Всякая слепая про себя смекает» [Даль 2000, с. 224].

Третья гендерная парадигма представлена лексемами, вербализующими исключительно *мужское начало*, реализуется в подгруппах возрастных номинаций со значением молодости (*детина*), номинаций по физиологическим данным со значением внешности (*горбун* и др.) и со значением физиологических ограничений (*калека* и др.).

«Работает, как ребенок, а ест, как детина» [Даль 2000, с. 233].

«Горбун прямика перехитрит» [Даль 2000, с. 163].

«Не бойся, калека, добра человека!» [Даль 2000, с. 192].

Специфика репрезентацией концептуальной информации о телесной сущности человека в рамках группы имен корпусфактов реализуется преимущественно во второй и третьей гендерных парадигмах, вербализация концептуальной информации осуществляется в пределах гендерных пар и лакунарных единиц *мужского и / или женского начал*, что соответствует собственно гендерному уровню (*мужского и женского начал*).

Номинации *метагендерного начала* со значением возраста (*молодёжь*) объединяют гендерные представления на общечеловеческом уровне.

II. Номинации с *опосредованным* типом маркирования.

Специфика вербализации гендера реализуется в конструкциях текстов, в которых номинации с непосредственным типом гендерного маркирования в денотативном значении языкового знака находятся в отношениях корреляции с номинациями с опосредованным типом гендерного маркирования в коннотативном значении языкового знака.

3. **Группа имен натурфактов** включает гендерно маркированные номинации представителей животного и растительного миров, имеющие символическое значение *мужского, женского или метагендерного начал*.

Первая гендерная парадигма представлена номинациями, вербализующими три ипостаси гендера в подгруппе со значением животных (*конь – кобыла – лошадь*).

«Молодец молодой конь, а с ним без хлеба будешь» [Даль 2000, с. 177].

«Одной женой да одной кобылой поля не удобрить» [Даль 2000, с. 426].

«Жених (Невеста) что лошадь: товар темный» [Даль 2000, с. 385].

Вторая гендерная парадигма, включающая номинации, вербализующие *мужское и женское начала*, представлена в подгруппах со значением животных (*баран — ярочка* и др.), растений (*травы — цветы*), стихий мироздания (*огонь — вода* и др.), астрономических объектов и явлений (*солнце — луна* и др.). Данный факт демонстрирует специфику гендерной символики в текстах пословиц, в которых символическое значение соотносится с *мужским* или *женским началами* и воплощает идею антропоморфной модели мира.

«Жених да невеста парочка, что твой баран да ярочка» [Даль 2000, с. 384].

«Солдатская голова, как под дождичком трава» [Даль 2000, с. 355].

«Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде» [Даль 2000, с. 378].

«Царь огонь да царица водица» [Даль 2000, с. 456].

«Солнце — князь земли, луна — княжна» [Даль 2000, с. 155].

Третья гендерная парадигма включает номинации, вербализующие исключительно *мужское* (*волк*) либо исключительно *женское* (*пава*) начала.

«*Не ставь неприятеля овцою, ставь его волком*» [Даль 2000, с. 322].

«*Красна пава перьем, а жена мужем*» [Даль 2000, с. 183].

Специфика организации гендерных парадигм номинаций группы имен натурфактов обусловлена символическим значением *мужского, женского и метагендерного начал*. В рамках номинаций животных соотнесенность с *мужским и женским началами* совпадает с грамматической категорией рода, например, лексема *бык* соотносится с *мужским началом*, *корова* — с *женским началом*.

«*Мужик богатый, как бык рогатый*» [Даль 2000, с. 368].

«*Выбирай корову по рогам, а девку по родам (по родителям)*» [Даль 2000, с. 384].

В рамках номинаций растений, стихий мироздания, астрономических объектов и явлений символическое значение *мужского / женского начал* не имеет строгой соотнесенности с грамматической категорией рода, например, лексема *солнце* (ср. р.) соотносится с *мужским началом*.

«*Солнце — князь земли, луна — княжна*» [Даль 2000, с. 155].

4. Группа имен артефактов включает гендерно маркированные номинации предметов быта, фольклорного локуса, имеющие символическое значение *мужского, женского или метагендерного начал*. Символика артефактной картины мира реализуется в рамках корреляции с номинациями *мужского, женского и метагендерного начал*.

Первая гендерная парадигма, включающая номинации, вербализующие три ипостаси гендера, представлена в подгруппе со значением фольклорного локуса (*двор — изба — дом*).

«*Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*» [Даль 2000, с. 173].

«*Хозяин в дому, что медведь в бору; хозяюшка в дому, что оладышек в меду*» [Даль 2000, с. 280].

Вторая гендерная парадигма, включающая номинации, вербализующие *мужское и женское начала*, представлена в подгруппах со значением предметов быта (*топор — веретено* и др.).

«*Топор дорогой товарищ*» [Даль 2000, с. 147].

«*Знай, баба, свое кривое веретено*» [Даль 2000, с. 291].

«*Смирен топор, да веретено бодливо*» [Даль 2000, с. 173].

Третья гендерная парадигма включает номинации, вербализующие исключительно *женское начало*, представлена в подгруппе со значением фольклорного локуса (*Русь / Россия*).

«*Прощай, матушка-Русь: я к теплу потянусь*» [Даль 2000, с. 168].

Специфика организации гендерных парадигм номинаций группы имен артефактов обусловлена символическим значением *мужского и женского начал*, номинации не имеют строгой соотнесенности с грамматической категорией рода, например, лексема *горшок* (м.р.) вербализует *женское начало*.

«*Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит*» [Даль 2000, с. 173].

5. «**Группа имен ментефактов** включает гендерно маркированные номинации мифологических существ» [Мудрая 2017, с. 145] в рамках репрезентации гендерной информации, основанной на трансцендентальном опыте человека. Условно возможно выделение гендерных пар и гендерных лакунарных единиц исходя из интегрального значения мифологических существ и дифференциального признака пола.

Первая гендерная парадигма не представлена.

В рамках второй гендерной парадигмы гендерной парой выступают номинации *водяной и русалка*, интегральным значением является принадлежность к водной стихии, дифференциация по полу, соответственно, *водяной* соотносится с *мужским началом*, *русалка* — с *женским началом*.

«*Леший пошутит — домой не пустит; водяной пошутит — утонит*» [Даль 2000, с. 450].

«*Не все то русалка, что в воду ныряет*» [Даль 2000, с. 343].

Третья гендерная парадигма представлена гендерными лакунарными единицами *леший, домовой, баба-яга*.

«Над черепками да угольями в межевых ямах домовой с лешим сходятся» [Даль 2000, с. 395].

«Чтоб тебя баба-яга в ступе прокатила!» [Даль 2000, с. 380].

Специфика организации гендерных парадигм номинаций группы имен ментефактов обусловлена гендерным маркированием: номинации ментефактов не вступают в отношения корреляции с номинациями с непосредственным типом гендерного маркирования, так как персонифицированные мифологические образы четко соотносятся с *мужскими* персонажами (*леший, домовой, водяной*) и *женскими* персонажами (*русалка, баба-яга*), а маркирование осуществляется на образно-символической основе в связи с отсутствием денотативного аспекта значения в структуре языкового знака.

Реконструкция системы гендерно маркированных номинаций позволяет выявить системные характеристики репрезентации гендера. В результате анализа лексического способа вербализации гендерной информации выявлены лексико-семантические группы, соответствующие концептуальным областям репрезентации гендера, три гендерные парадигмы, демонстрирующие системные отношения между номинациями *мужского, женского и метагендерного начал*.

С целью определения специфических черт репрезентации гендера в языке русского фольклора целесообразно сопоставить гендерные парадигмы, выявленные в исследуемом корпусе пословичных текстов и исследованные в настоящей работе, с прототипическими гендерными парадигмами, разработанными М.А. Кронгаузом на материале современного русского языка [Кронгауз 2005].

В текстах пословиц выявлены три гендерные парадигмы, которые являются универсальными для номинаций человека в его гендерной ипостаси и для номинаций антропоморфных символов. Применительно к номинациям человека в русском языке ученым выделено пять прототипических гендерных парадигм, для номинаций животных три парадигмы.

Первая гендерная парадигма в текстах пословиц включает триады номинаций *мужского, женского и метагендерного начал*, в которых представлены родовидовые отношения: *сын* (муж.) — *дочь* (жен.) — *чадо* (метагендер.); *конь* (муж.) — *кобыла* (жен.) — *лошадь* (метагендер.). В работах М.А. Кронгауза в первой парадигме номинации мужского рода используются как для наименования лица мужского пола, так и для наименования лица независимо от пола, то есть в функции общего или нейтрального наименования.

Вторая гендерная парадигма в текстах пословиц и в работах ученого применительно к номинациям человека и к номинациям животных на материале современного русского языка совпадает, так как номинации мужского и женского рода применяются для обозначения как людей, так и животных мужского и женского пола, общее наименование в единственном числе отсутствует, во множественном числе указанную функцию выполняет номинация мужского рода (*сосед — соседка — соседи, ворон — ворона — вороны*).

Третья гендерная парадигма в текстах пословиц соотносится с четвертой и пятой парадигмами номинаций собственно человека, выделенными М.А. Кронгаузом. В рамках указанных парадигм представлены номинации исключительно одного из гендерных начал.

Существенным различием является тот факт, что на материале языка пословиц лакунарная единица может быть компенсирована за счет создания неканонической гендерной пары (*купец — товар*), а в системе парадигм, выявленной ученым, номинации исключительно мужского (*усач*) и исключительно женского (*роженица*) не имеют гендерных пар в связи с отсутствием вербализованного признака у представителей противоположного пола.

В текстах пословиц можно констатировать доминанту первой и второй гендерных парадигм (триад и диад номинаций) при вербализации брачно-семейных отношений, социального статуса, дружественных отношений, возрастных характеристик, физиологических данных, гендерно маркированных символов мира природы и мира артефактов. Третья гендерная парадигма,

включающая в свой состав лакунарные единицы, является доминантой в рамках вербализации профессиональной сферы, аксиологических и функциональных характеристик, национально-этнической сферы, номинаций по признаку враждебности, мифологических образов.

Корреляция номинаций с различными типами гендерного маркирования, репрезентации гендерной информации в денотативном и коннотативном (символическом) значениях языкового знака «являются убедительными доказательствами антропоцентричности гендера, семантика которого вербализуется в целом спектре номинаций человека» [Мудрая 2017, с. 145] по отношению к социальной, телесной и ментальной его составляющим. Выявленные символические номинации *мужского, женского и метагендерного начал* в образах животных, растений, стихий мироздания, астрономических объектов и явлений, предметов быта, фольклорного локуса, мифологических персонажей свидетельствуют о всепроницаемости гендера и подтверждают культурно-этническую значимость концептуальной гендерной информации, репрезентируемой в обществе и культуре и вербализованной, в частности, в текстах пословиц.

2.4. Количественные и статистические характеристики гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц

Количественные и статистические показатели гендерно маркированных номинаций выявляются в комплексном квантитативном исследовании реконструируемой системы и включают два этапа (*характеристика методов и этапов представлена в п. 1.3.2. «Многоуровневая методика исследования репрезентации гендера в пословицах русского народа»*).

На первом этапе количественного анализа проводится систематизация количественных и частотных характеристик лексем с целью определения релевантности гендерно маркированных номинаций, лексико-семантических групп / подгрупп в пределах системы гендерно маркированных лексем, разграничения ядерных и периферийных лексем. В результате выявлены следующие показатели:

- 1) показатель количества лексем и количества словоупотреблений лексем, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*;
- 2) суммарный показатель количества словоупотреблений лексем в пределах группы / подгруппы;
- 3) показатель средней частоты лексем, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*, в пределах групп / подгрупп;
- 4) показатель ранга лексемы, на основании которого проводится разграничение ядерных и периферийных лексем.

Количественные и частотные показатели анализируемых лексем представлены в *Таблице №2 «Квантитативные показатели системы гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц»*.

Таблица №2

Квантитативные показатели системы гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц

<i>Мужское начало</i>			<i>Женское начало</i>			<i>Метагендерное начало</i>		
кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	<i>средняя частота</i>	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	<i>средняя частота</i>	кол-во лексем	кол-во словоупотр. лексем	<i>средняя частота</i>
1. Группа имен социофактов								
329	3085	9.3	90	825	9.2	15	110	7.3
<i>1.1. Брачно-семейные номинации</i>								
38	736	19.4	40	680	17	6	44	7.3
<i>1.2. Профессиональные номинации</i>								
99	667	6.7	9	13	1.4	–	–	–
<i>1.3. Аксиологические номинации</i>								
82	576	7	13	33	2.5	2	13	6.5

<i>1.4. Социально-статусные номинации</i>								
45	631	<i>14</i>	20	86	<i>4.3</i>	5	45	<i>9</i>
<i>1.5. Функциональные номинации</i>								
33	66	<i>2</i>	3	6	<i>2</i>	–	–	–
<i>1.6. Национально-этнические номинации</i>								
22	100	<i>4.5</i>	1	1	<i>1</i>	2	8	<i>4</i>
<i>1.7. Реляционные номинации (межличностные отношения)</i>								
10	309	<i>30.9</i>	4	6	<i>1.5</i>	–	–	–
2. Группа имен корпусфактов								
28	420	<i>15</i>	17	336	<i>19.7</i>	2	153	<i>76.5</i>
<i>2.1. Номинации по возрасту</i>								
18	357	<i>19.8</i>	11	328	<i>30</i>	2	153	<i>76.5</i>
<i>2.2. Номинации по физиологическим данным</i>								
10	63	<i>6.3</i>	6	8	<i>1.3</i>	–	–	–
4. Группа имен натурфактов								
25	116	<i>4.6</i>	26	84	<i>3.4</i>	6	34	<i>5.6</i>
<i>3.1. Животные</i>								
19	97	<i>5.1</i>	16	51	<i>3.4</i>	4	29	<i>7.2</i>
<i>3.2. Растения</i>								
2	4	<i>2</i>	4	12	<i>3</i>	2	5	<i>2.5</i>
<i>3.3. Стихии мироздания</i>								
2	4	<i>2</i>	2	10	<i>5</i>	–	–	–
<i>3.4. Астрономические объекты и явления</i>								
2	9	<i>4.5</i>	4	11	<i>2.7</i>	–	–	–
4. Группа имен артефактов								
5	25	<i>5</i>	7	40	<i>5.7</i>	2	27	<i>13.5</i>
<i>4.1. Предметы быта</i>								
4	21	<i>5.2</i>	5	35	<i>7</i>	1	2	<i>2</i>
<i>4.2. Фольклорный докус</i>								
1	4	<i>4</i>	2	5	<i>2.5</i>	1	25	<i>25</i>
5. Группа имен ментефактов								
3	12	<i>4</i>	2	2	<i>1</i>	–	–	–
Общие квантитативные показатели системы гендерно маркированных лексем								
390	3658	<i>9.4</i>	142	1287	<i>9.1</i>	25	324	<i>13</i>

В результате учета количества лексем и количества словоупотреблений лексем выявлено 557 гендерно маркированных номинаций в 5269 словоупотреблениях.

Мужское начало номинируют 390 единиц в 3658 словоупотреблениях, *женское начало* номинируют 142 единицы в 1287 словоупотреблениях, *метагендерное начало* номинируют 25 единиц в 324 словоупотреблениях.

Для получения показателя *средней частоты* необходимо «суммировать все выборочные частоты и разделить на число выборок» [Головин 1970, с. 22]. Для реализации целей исследования сопоставляются показатели средней частоты лексем, вербализующих *мужское, женское, метагендерное начала*. В результате учета и сопоставления показателей средней частоты лексических единиц, вербализующих *мужское начало*, и лексических единиц, вербализующих *женское начало*, установлены равнозначные показатели лексем *мужского (9.4) и женского начал (9.1)*, которые равны 9 при округлении до целого числа, что позволяет сделать вывод о наличии гендерной симметрии. Показатель средней частоты номинаций, вербализующих *метагендерное начало*, равен 13 (при округлении до целого числа), что свидетельствует о востребованности и значимости универсальных и общечеловеческих номинаций. В границах исследуемого материала доминирование указанного показателя *метагендерного начала* обусловлено его объединяющей функцией и стремлением к симметрии и унификации.

Анализ количественных и частотных показателей номинаций позволяет разграничить ядерные и периферийные лексемы. Научно обоснованным в лингвистике и лингвофольклористике критерием выявления ядерной лексики является показатель частотности употребления номинации в пределах исследуемого материала [Комлев 1992], [Климас 2005]. Гендерно маркированные номинации в частотном словнике (см. Приложение 2. «Частотный словник гендерно маркированных лексем по данным текстов пословиц») расположены по принципу понижения частотности от первого слова с максимальным показателем частотности в границах исследуемого материала до последнего слова с минимальным показателем частотности в границах исследуемого материала. Ранг номинации в частотном словаре соответствует порядковому номеру, следовательно, сто гендерно маркированных номинаций верхнего ранга (с 1 по

100), имеющих наиболее высокий показатель частотности словоупотребления, составляют ядро гендерно маркированной системы по данным текстов половиц.

На втором этапе количественного анализа проводится систематизация статистических показателей с целью определения гендерной симметрии и гендерной асимметрии в количественном аспекте в пределах системы гендерно маркированных номинаций. В результате применения статистического метода выявлены следующие показатели:

1) показатель процентного соотношения количества лексических единиц, а также количества словоупотреблений лексических единиц, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*, в рамках каждой группы;

2) показатель процентного соотношения количества лексических единиц и количества словоупотреблений лексических единиц, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*, в рамках реконструируемой системы в целом.

Общее количество лексем в **группе имен социофактов** представлено 434 единицами в 4020 словоупотреблениях. *Мужское начало* составляет 76% от количества лексем в группе имен социофактов и 76.7 % от количества словоупотреблений лексем в группе имен социофактов. *Женское начало* составляет 21% от количества лексем в группе имен социофактов и 20.5% от количества словоупотреблений лексем в группе имен социофактов. *Метагендерное начало* составляет 3% от количества лексем в группе имен социофактов и 3.8% от количества словоупотреблений лексем в группе имен социофактов.

Общее количество лексем в **группе имен корпусфактов** представлено 47 единицами в 909 словоупотреблениях. *Мужское начало* составляет 58.3% от количества лексем в группе имен корпусфактов и 46% от количества словоупотреблений лексем в группе имен корпусфактов. *Женское начало* составляет 37.5% от количества лексем в группе имен корпусфактов и 37% от количества словоупотреблений лексем в группе имен корпусфактов. *Метагендерное начало* составляет 4.2% от количества лексем в группе имен

корпусфактов и 17% от количества словоупотреблений лексем в группе имен корпусфактов.

Общее количество лексем в **группе имен натурфактов** представлено 56 единицами в 234 словоупотреблениях. *Мужское начало* составляет 44.6% от количества лексем в группе имен натурфактов и 50% от количества словоупотреблений лексем в группе имен натурфактов. *Женское начало* составляет 44.6% от количества лексем в группе имен натурфактов и 36% от количества словоупотреблений лексем в группе имен натурфактов. *Метагендерное начало* составляет 10.7% от количества лексем в группе имен натурфактов и 14% от количества словоупотреблений лексем в группе имен натурфактов.

Общее количество лексем в **группе имен артефактов** представлено 14 единицами в 92 словоупотреблениях. *Мужское начало* составляет 36% от количества лексем в группе имен артефактов и 27.2% от количества словоупотреблений лексем в группе имен артефактов. *Женское начало* составляет 50% от количества лексем в группе имен артефактов и 43.5% от количества словоупотреблений лексем в группе имен артефактов. *Метагендерное начало* составляет 14% от количества лексем в группе имен артефактов и 29.3% от количества словоупотреблений лексем в группе имен артефактов.

Общее количество лексем в **группе имен ментефактов** представлено 5 единицами в 14 словоупотреблениях. *Мужское начало* составляет 60% от количества лексем в группе имен ментефактов и 86% от количества словоупотреблений лексем в группе имен ментефактов. *Женское начало* составляет 40% от количества лексем в группе имен ментефактов и 14% от количества словоупотреблений лексем в группе имен ментефактов. *Метагендерное начало* в анализируемой группе не представлено.

В результате анализа процентного соотношения количества лексических единиц, а также количества словоупотреблений лексических единиц, вербализующих *мужское, женское и метагендерное начала*, в реконструируемой системе в целом получены показатели процентного соотношения, которые

демонстрируют сохранение пропорционального соответствия номинаций *мужского, женского и метагендерного начал*, что обусловлено наличием латентных связей и единых закономерностей, обеспечивающих стабильность системы.

1) показатель процентного соотношения количества единиц: *мужское начало 70%; женское начало 25.5%; метагендерное начало 4.5%* от общего количества лексем;

2) показатель процентного соотношения количества словоупотреблений: *мужское начало 69.5%; женское начало 24.5%; метагендерное начало 6%* от общего количества словоупотреблений лексем.

Результаты квантитативного анализа позволяют сделать выводы о специфике гендерной симметрии и гендерной асимметрии как характеристик системы гендерно маркированных номинаций. Симметрия *мужского и женского начал* характерна для показателей средней частоты лексем в пределах исследуемого материала в связи с тем, что установлены равнозначные показатели для единиц, вербализующих *мужское и женское начала*, которые равны 9, а асимметрия выявлена при статистическом сопоставлении количества лексем и количества словоупотребления лексем *мужского и женского начал*.

Квантитативные показатели вербализации *метагендерного начала* служат своего рода обоснованием наличия выявленной симметрии и асимметрии. В связи с тем, что *метагендерное начало* репрезентирует единое общечеловеческое начало, оно транслирует идею симметричности гендера. Показатель средней частоты номинаций *метагендерного начала* превышает равнозначные показатели средней частоты номинаций *мужского и женского начал*, а показатель количества лексических единиц, вербализующих *метагендерное начало* (25 номинаций), значительно меньше количества лексических единиц, вербализующих *мужское начало* (390 номинаций), и количества лексических единиц, вербализующих *женское начало* (142 номинации). Показатели количества номинаций *метагендерного начала* ниже аналогичных показателей *мужского и женского*

начал в связи с объединяющим и унифицирующим значением *метагендерного начала*, для которого характерна тенденция к интеграции.

Анализ гендерно маркированных номинаций в пределах исследуемого материала и сопоставление частотности словоупотребления лексем в рамках групп / подгрупп позволяют сделать вывод о прямой зависимости количественных показателей вербализации гендера от репрезентируемой области действительности. *Избирательность* вербализации гендера обусловлена культурной, социальной и исторической включенностью мужчин и женщин в определенные сферы жизни. Преобладание гендерной симметрии в **группе имен социофактов** со значением родственных, брачно-семейных отношений, в **группах имен натурфактов** и **артефактов**, содержащих символические номинации *мужского, женского и метагендерного начал*, свидетельствует о равной ценности и равной значимости гендерных ролей в указанных областях действительности. Соответственно, гендерная асимметрия, характерная для **группы имен социофактов** со значением профессиональных и национально-этнических номинаций, для **групп имен корпусфактов** и **ментефактов**, обусловлена доминированием *мужского начала* по сравнению с *женским началом* в профессиональной и гражданско-политической сферах жизни общества. Значимость реконструкции системы гендерно маркированных номинаций как лексического способа вербализации гендера определяется выявлением многообразия гендерных ролей и возможностью доступа к репрезентации концептуального знания о гендере, вербализованного в языке пословиц. Выявленные закономерности отражают специфику языкового образа человека в его гендерных ипостасях в соответствующий фиксации текстов исторический период. Экстраполяция методов исследования на тексты других жанров и иных исторических эпох позволит выявить динамику языковых репрезентаций гендерной информации.

2.5. Репрезентация гендерной информации в атрибутивных признаках и символических воплощениях *мужского, женского* и *метагендерного* начал в пословицах с ядерными лексемами

Лексическое ядро системы гендерно маркированных номинаций включает 100 слов верхнего ранга (количество словоупотреблений указано в скобках) в границах исследуемого материала: *жена (217), дурак (183), муж (156), поп (155), человек (152), мужик (146), баба (143), вор (138), девка (123), друг (123), отец (104), хозяин (95), брат (91), солдат (85), сын (85), царь (85), молодец (79), мать (73), гость (60), кума (54), парень (48), нищий (42), господин (38), невеста (36), барин (34), сосед (34), казак (33), милый (33), бабушка (31), дед (31), жених (31), недруг (30), сват (30), судья (30), дочь (29), купец (28), князь (27), враг (26), мастер (26), дом (25), мать (25), слуга (25), кум (24), холоп (24), батька (23), девушка (23), матушка (23), покойник (23), урод (23), дядя (22), пьяница (21), матка (20), пастух (20), татарин (20), цыган (20), воевода (19), зять (19), молодой (19), хозяйка (19), бабушка (18), дитя (18), попадья (18), сестра (18), волк (17), дружок (17), кузнец (17), пан (17), дура (16), холостой (16), дворянин (15), работник (15), сваха (15), теща (15), бояре (14), воин (14), монах (14), слепой (14), собака (14), старик (14), боярин (13), вдова (13), внук (13), девица (13), конь (13), мачеха (13), печь (13), пономарь (13), богач (12), болван (12), крестьяне (12), раб (12), старуха (12), бары (11), батюшка (11), злодей (11), мирянин (11), невестка (11), родитель (11), старец (11), хлеб (11).*

Частотность словоупотребления ядерных лексем в текстах обусловлена значимостью, смысловым потенциалом гендерно маркированных номинаций в семантическом пространстве пословиц.

Результаты анализа количественных характеристик представлены в *Таблице №3* «Количественные показатели ядерной лексики по данным текстов пословиц». В графах под заголовком «Количество лексем» содержится суммарный показатель количества ядерных лексем в пределах группы / подгруппы.

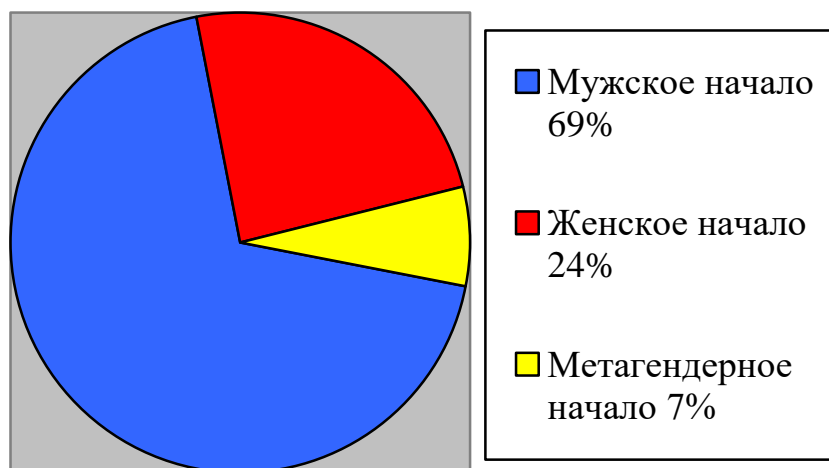
Количественные показатели ядерной лексики по данным текстов пословиц

<i>Название группы / подгруппы</i>	<i>Мужское начало</i>	<i>Женское начало</i>	<i>Метагендерное начало</i>
	Количество лексем	Количество лексем	Количество лексем
1. Группа имен социофактов	57	18	5
<i>1.1. Брачно-семейные номинации</i>	15	15	2
<i>1.2. Профессиональные номинации</i>	10	–	–
<i>1.3. Аксиологические номинации</i>	6	1	–
<i>1.4. Социально-статусные номинации</i>	18	2	3
<i>1.5. Национально-этнические номинации</i>	2	–	–
<i>1.6. Реляционные номинации</i>	6	–	–
2. Группа имен корпусфактов	8	5	1
<i>2.1. Номинации по возрасту</i>	6	5	1
<i>2.2. Номинации по физиологическим данным</i>	2	–	–
3. Группа имен натурфактов	3	–	–
<i>Животные</i>	3	–	–
4. Группа имен артефактов	1	1	1
<i>4.1. Предметы быта</i>	1	1	–
<i>4.2. Фольклорный локус</i>	–	–	1
5. Группа имен ментефактов	–	–	–

Процентное соотношение ядерной лексики, вербализующей *мужское / женское / метагендерное начала*, представлено в виде круговой Диаграммы 1.

Диаграмма 1

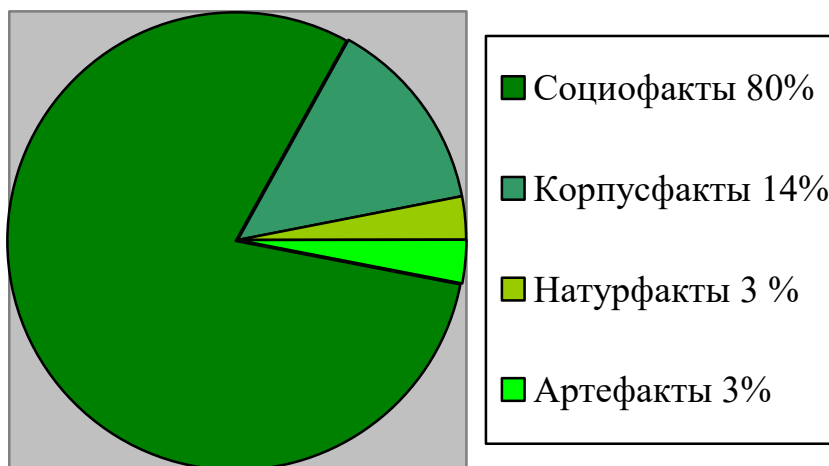
Процентное соотношение ядерной лексики по гендерному показателю на материале пословиц

Процентное соотношение ядерной лексики по группам имен представлено в виде круговой Диаграммы 2.

Диаграмма 2

Процентное соотношение ядерной лексики по групповому показателю на материале пословиц

Реконструированная система гендерно маркированных номинаций имеет концептуальный центр, представленный семантикой ключевых лексем собственно гендерного уровня, номинирующих *мужское и женское начала*. Понимание ключевых лексем-репрезентантов основывается на данных когнитивной лингвистики [Попова, Стернин 2001].

В современном русском литературном языке ключевыми словами (лексемами), называющими человека по признаку биологического и социокультурного пола, что не всегда совпадает, являются номинации *мужчина* и *женщина*. В пословицах более частотны стилистические синонимы: просторечные лексемы *мужик* и *баба*, которые номинируют человека как телесное существо, обладают социальной маркированностью, так как имеют значение *крестьянин / крестьянка*, а также *мужчина / женщина из простонародья* [Даль 1800]. Лексема *мужик* встречается в текстах 146 раз, «лексема *мужчина* употребляется лишь в одной пословице. Лексема *баба* упоминается в пословицах 143 раза, лексема *женщина* встречается один раз» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176].

С целью подтверждения репрезентативности материала исследования сопоставлены показатели общей частоты ключевых номинаций по данным текстов пословиц с аналогичными номинациями по данным частотного словаря современного русского языка. Для достижения указанной цели применяется общепринятый в мировой практике показатель общей частоты, который характеризует количество словоупотреблений лексемы на миллион слов корпуса или *ipm / унам* (*instances per million words / употребление на миллион слов*), данный показатель является универсальным и вычисляется по формуле « $ipm(x) = freq(x) * 1\,000\,000 / corp$, где $freq(x)$ — частота единицы в корпусе, а $corp$ — объем реального корпуса» [Копотев 2014, с.86].

Объем сборника В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» [Даль 2000] составляет 131586 словоупотреблений лексем» [Доброва, Мудрая 2017, с. 176-177].

Общая частота ключевой номинации *мужского начала* составляет $146 * 1000000 / 131586 = 1109.5$ ipm. Общая частота лексемы *мужик*, по данным частотного словаря современного русского языка, составляет 124.7 ipm [Ляшевская 2009].

Общая частота ключевой лексемы *женского начала* в границах исследуемого материала составляет $143 * 1000000 / 131586 = 1086.7$ ipm. По данным

частотного словаря современного русского языка, лексема *баба* характеризуется общей частотой 81.2 ipm [Ляшевская 2009].

Результаты анализа частотности ключевых лексем представлены в *Таблице №4* «Сопоставление показателей общей частоты лексем по данным текстов пословиц и частотного словаря современного русского языка».

Таблица №4

Сопоставление показателей общей частоты лексем по данным текстов пословиц и частотного словаря современного русского языка

Лексемы	Показатели общей частоты ipm	
	Сборник В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа»	Частотный словарь современного русского языка
<i>Мужик</i>	1109.5	124.7
<i>Баба</i>	1101.9	81.2

Следовательно, показатель общей частоты ключевой номинации *мужского начала* в текстах пословиц *в девять раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка, а показатель общей частоты ключевой номинации *женского начала* в текстах пословиц *в тринадцать раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка. Многократное превышение показателей общей частоты ключевых лексем по данным текстов пословиц доказательно демонстрируют репрезентативность исследуемого материала.

Анализ характерных черт репрезентации гендерной информации на материале пословиц с ядерными лексемами проведен путем определения и интерпретации символических воплощений и атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал*.

Символические воплощения *мужского, женского и метагендерного начал* в рамках общих символов, репрезентирующих три ипостаси гендера, бинарных символов, репрезентирующих дихотомию *мужского и женского начал*, и моносимволов, репрезентирующих одно из гендерных начал, анализируются на

материале пословиц, транслирующих корреляцию номинаций с *непосредственным* и *опосредованным* типами гендерного маркирования. Полный перечень гендерных символов представлен в реконструированной системе гендерно маркированных номинаций (см. п. 2.3 «Реконструкция системы гендерно маркированных номинаций по данным текстов пословиц» с. 92-114).

Атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* анализируются в рамках общих признаков, характерных для репрезентации трех ипостасей гендера, бинарных признаков, свойственных *мужскому и женскому началам*, и монопризнаков, присущих исключительно *мужскому началу* или исключительно *женскому началу*. В рамках репрезентации *метагендерного начала монопризнаки* не выявлены, что подтверждает универсальный / объединяющий характер *метагендерного начала*.

Основу классификации атрибутивных признаков составил спектр характеристик гендера, включающий биометрические, институциональные, психосоциальные, эмотивные признаки. Ментально-функциональные признаки гендера выделены впервые И.В. Палаевой в диссертационном исследовании «Реконструкция гендерной концептосферы в картине мира среднеанглийского периода» [Палаева 2005], на материале исследуемых текстов пословиц указанные признаки также обнаружены.

Анализ атрибутивных признаков проводится по данным текстов пословиц, содержащих ядерные лексемы. В связи с тем, что анализ пословиц строится в соответствии с системным подходом, исследование атрибутивных признаков осуществляется в рамках *внутригруппового* и *внутрисистемного* этапов.

Этап *внутригруппового* анализа атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* осуществляется на материале пословиц, содержащих номинации отдельной лексико-семантической группы. Например, анализ атрибутивных признаков по данным пословиц, в состав которых входят брачно-семейные номинации, рассматривается в рамках анализа группы имен социофактов. На этапе *внутригруппового* анализа атрибутивных признаков высвечивается часть системы, узкая проекция, которая позволяет соотнести

выявленные атрибутивные признаки с общими, бинарными или моно-структурами в отдельной лексико-семантической группе / подгруппе.

Этап внутрисистемного анализа атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* осуществляется на материале всего корпуса текстов по данным системы в целом. Внутрисистемный этап анализа становится возможным исключительно в рамках сопоставления и обобщения результатов внутригруппового анализа, что позволяет соотнести выявленные атрибутивные признаки с общими, бинарными или моно- структурами в системе в целом.

Результат внутрисистемного анализа атрибутивных признаков представлен в *Таблице №5 «Система атрибутивных признаков мужского, женского и метагендерного начал в семантике пословиц с ядерными лексемами»*.

Таблица №5

Система атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал* в семантике пословиц с ядерными лексемами

Атрибутивные признаки <i>мужского начала</i>	Атрибутивные признаки <i>женского начала</i>	Атрибутивные признаки <i>метагендерного начала</i>
1. Группа биометрических атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки</i>		
А) внешность		
Б) возраст		
В) здоровье		
Г) физическая неполноценность		
Д) гастрономические пристрастия (еда и питье)		
<i>Бинарные атрибутивные признаки не выявлены</i>		
<i>Атрибутивные монопризнаки не выявлены</i>		
2. Группа институционально-ролевых атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки</i>		
А) общность поколений (сходство родителей и детей)		
Б) созидаящая роль родителей		
В) послушание		
Г) непослушание		
Д) коммуникативное поведение		
Е) семейная роль		
Ж) гендерная локализация (по вертикали и горизонтали):		

а) мужское / свое / верхнее / внешнее пространство б) женское / чужое / нижнее / внутреннее пространство в) абсолютное расширение <i>метагендерного</i> пространства (Вселенная)		
<i>Бинарные атрибутивные признаки</i>		
А) дихотомия доминирования (главенства, власти) — подчинения Б) неравный брак В) хозяйственность Г) гостеприимство		
<i>Атрибутивные монопризнаки</i>		
<i>мужского начала</i>	<i>женского начала</i>	<i>метагендерного начала</i>
А) защита Б) наказание В) обеспечение Г) репутация Д) профессионализм Е) отсутствие опыта Ж) патриотизм З) досуг	А) необходимость опеки Б) гендерная темпорализация	не выявлены
3. Группа психосоциальных атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки</i>		
А) положительность Б) отрицательность В) доброта Г) злоба Д) бережливость Е) трудолюбие Ж) лень З) отзывчивость И) греховность К) лживость Л) фатализм М) жадность Н) непредсказуемость		
<i>Бинарные атрибутивные признаки</i>		
А) дихотомия силы — слабости Б) духовное единство В) неполноценность (не человек) Г) одиночество		

Д) активность Е) пассивность Ж) упрямство З) расточительность И) льстивость		
<i>Атрибутивные монопризнаки</i>		
<i>мужского начала</i>	<i>женского начала</i>	<i>метагендерного начала</i>
А) строгость Б) духовная (внутренняя) красота В) ответственность Г) смелость Д) выносливость Е) находчивость Ж) удачливость З) справедливость И) надежность К) ненадежность Л) противоречивость М) жестокость	А) заботливость Б) праведность В) лукавство Г) своеволие Д) спесивость	не выявлены
4. Группа эмотивных атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки не выявлены</i>		
<i>Бинарные атрибутивные признаки</i>		
А) лихость		
<i>Атрибутивные монопризнаки</i>		
<i>мужского начала</i>	<i>женского начала</i>	<i>метагендерного начала</i>
А) агрессивность Б) влюбленность	А) раздражительность Б) чувствительность	не выявлены
5. Группа ментально-функциональных атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки</i>		
А) сила слова Б) ум В) глупость		
<i>Бинарные атрибутивные признаки</i>		
А) дихотомия рационального — духовного Б) интуиция (иррациональное знание)		
<i>Атрибутивные монопризнаки</i>		
<i>мужского начала</i>	<i>женского начала</i>	<i>метагендерного начала</i>

А) хитрость Б) простота	не выявлены	не выявлены
6. Группа социально-экономических атрибутивных признаков		
<i>Общие атрибутивные признаки не выявлены</i>		
<i>Бинарные атрибутивные признаки не выявлены</i>		
<i>Атрибутивные монопризнаки</i>		
<i>мужского начала</i>	<i>женского начала</i>	<i>метагендерного начала</i>
А) богатство Б) бедность	не выявлены	не выявлены

I. Пословицы, содержащие ядерные номинации с *непосредственным* типом маркирования гендерной информации.

1. Приоритетной в рамках вербализации гендера является **группа имен социофактов**. «Всего в группе представлено 80% от общего числа ядерных лексем, которые распределяются следующим образом: 57 лексем номинируют *мужское начало*, 18 лексем номинируют *женское начало*, 5 лексем номинируют *метагендерное начало*» [Мудрая 2018, с. 151]. Количество словоупотреблений лексемы в пределах материала исследования указано в круглых скобках.

1.1. В подгруппе «*Брачно-семейные номинации*» к ядерным относятся «номинации родителей: *отец (104), мать (73), дед (31), бабушка (31), мать (25), батька (23), матушка (23), матка (20), дедушка (18), батюшка (11), родитель (11)*; детей: *сын (85), дочь (29), дитя (18), внук (13)*; кровного непрямого родства: *брат (91), дядя (22), сестра (18)*; супругов: *жена (217), муж (156), невеста (36), жених (31)*; родителей супругов: *сват (30), сваха (15), теща (15)*; супруг(и) дочери / сына: *зять (19), невестка (11)*; некровного родства: *кума (54), кум (24), мачеха (13)*; индивидуального статуса: *холостой (16), вдова (13)*» [Мудрая 2018, с. 151].

Ядерная гендерно маркированная лексика включает в свой состав номинации брачно-семейных отношений, а высокий ранг в системе обусловлен значимым в традиционной культуре ценностным статусом семьи, транслируемым в текстах пословиц.

Специфика репрезентации гендерной информации в рамках брачно-семейных отношений раскрывается в *общих, бинарных* атрибутивных признаках и *монопризнаках*.

Результаты внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа атрибутивных признаков позволяют выявить *общие* институционально-ролевые (общность родителей и детей, созидаящая роль родителей) и ментально-функциональные (сила слова) признаки.

Атрибутивный признак общности родителей и детей формируется на основе понимания связи между поколениями, передачи традиционных ценностей.

«Каков батюшка, таковы у него и детки» [Даль 2000, с. 362].

«Какова матка, таковы и детки» [Даль 2000, с. 362].

«Как родители жили, так и нас благословили» [Даль 2000, с. 29].

Отсутствие родителей как основной созидющей силы приводит к разрушению семьи, сиротству.

«Без отца — полсироты, а без матери и вся сирота» [Даль 2000, с. 188].

Особой силой наделяется родительское слово: в случае принадлежности *мужскому началу* оно приобретает опасные свойства, может погубить, а в случае принадлежности *женскому началу* слово придает силу, оберегает, спасает.

«Отцовская клятва сушит, а материна коренит» [Даль 2000, с. 188].

«Материнская молитва со дна моря вынимает (достаёт)» [Даль 2000, с. 188].

«Родительское слово мимо (на ветер) не молвится» [Даль 2000, с. 187].

В результате внутригруппового этапа анализа выявлен *бинарный* атрибутивный признак гендерной локализации (*мужское / верхнее* пространство — *женское / нижнее* пространство).

В результате внутрисистемного этапа анализа в исследуемом корпусе текстов установлено, что гендерная локализация характерна для трёх ипостасей гендера, поэтому в системе атрибутивных признаков указана как общий атрибутивный признак (*мужское / свое / верхнее / внешнее пространство* —

женское / чужое / нижнее / внутреннее пространство — абсолютное расширение метагендерного пространства (Вселенная).

Признак гендерной локализации транслируется в текстах пословиц, в которых номинации родителей с непосредственным типом гендерного маркирования вступают в отношения корреляции с символическими номинациями с опосредованным типом гендерного маркирования.

В текстах пословиц расширение семантики номинаций *отец / батюшка* реализовано в параллелизмах, транслирующих систему символов, связанных с понятием *родитель*, среди которых *небо, хлеб* и др. Компоненты параллелизмов объединяет семантика первоосновы, главенствующей роли, а также включенность в мифологическую картину мира, в которой *мужское начало* соотносится с верхним, светлым пространством.

«Огонь — царь, вода — царица, земля — матушка, небо — отец, ветер — господин, дождь — кормилец, солнце — князь, луна — княгиня» [Даль 2000, с. 456].

«Хлеб — дар божий, отец, кормилец» [Даль 2000, с. 414].

Символическое расширение семантики номинаций *мать / матушка* как женской ипостаси родителя реализовано в параллельных конструкциях с символами *ночи, земли, воды и др.* Компоненты параллелизмов объединяет семантика созидающего природного начала, а также соответствие мифологической картине мира, в которой *женское начало* соотносится с нижним, темным пространством. Ночь как темное время суток наравне с землей — нижним миром являются мифологическими символами *женского начала*, так как «согласно мифопоэтической традиции, женщина символизировала тьму, а мужчина — свет» [Маковский 1996, с. 148].

«Ночь matka — все гладко» [Даль 2000, с. 440].

«Упал, так целуй мать сыру землю, да становись на ноги!» [Даль 2000, с. 223].

Специфика символического расширения семантики номинаций *мать / матушка* обусловлено восприятием Родины, земли и ее плодов как матери,

женского, рождающего начала, что является базовой константой мировосприятия этноса. Параллельная структура *матушка Россия* в текстах может выступать как грамматически зависимая, объектная конструкция с символическим характером расширения гендерного начала.

«*Мы у матушки России детки, она наша матка — ее и сосем*» [Даль 2000, с. 128].

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа репрезентации *мужского и женского начал* со значением родителей выявлены психосоциальные атрибутивные *монопризнаки*.

Для *мужского начала* характерна строгость, связанная с наказанием; для *женского начала* характерна заботливость, праведность.

«*Не слушался отца, послушаешься кнутца*» [Даль 2000, с. 120].

«*Не наказанный сын — бесчестие отцу*» [Даль 2000, с. 187].

«*Как у матушки под крылышком (или: за пазушкою)*» [Даль 2000, с. 51].

«*Мать праведна — ограда каменна*» [Даль 2000, с. 188].

В пословицах, вербализующих представления о детях, выявлены *общие* атрибутивные признаки, *бинарные* признаки, *монопризнаки*.

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа в текстах пословиц выявлены *общие* институционально-ролевые атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* (послушание / непослушание).

Общие атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал* отражают иерархию семейных ролей, в рамках которой транслируется идея подчинения, послушания детей.

«*Кто отца, матери не слушается, послушается телячьей шкуры*» [Даль 2000, с. 299].

«*Ты, матушка, грози; а ты, девушка, гуляй*» [Даль 2000, с. 120].

«*Покорному дитяти все кстати*» [Даль 2000, с. 130].

Метагендерное начало, номинированное в текстах пословиц лексемой *дитя*, репрезентирует идею любви и заботы родителей по отношению к ребенку, пол которого нивелируется так же, как и внешние недостатки и дефекты.

«*Всякому свое дитя милее*» [Даль 2000, с. 187].

«*Дитя хоть и криво (хило), да отцу, матери мило*» [Даль 2000, с. 281].

В результате внутригруппового этапа анализа выявлен бинарный институционально-ролевой признак гендерной локализации (*мужское / свое пространство — женское / чужое пространство*).

В результате внутрисистемного этапа анализа установлено, что гендерная локализация характерна для трёх ипостасей гендера, поэтому в системе атрибутивных признаков выступает как общий атрибутивный признак (*мужское / свое пространство — женское / чужое пространство — метагендерное / общее пространство Вселенной*).

В текстах пословиц транслируется культурно-историческая специфика семейных отношений. Сын в традиционной культуре выполнял функцию кормильца, на него возлагались надежды по обеспечению родителей в преклонном возрасте. Дочь выдавали замуж, следовательно, воспитывали для реализации вне семьи / в чужой семье. Восприятие сына и дочери при их общем высоком ценностном статусе, репрезентируемом в пословицах, реализуется в оппозиции «свой — чужой».

«*Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям надобится*» [Даль 2000, с. 267].

«*Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет*» [Даль 2000, с. 267].

Символическое расширение семантики номинаций *сын / дочь* реализовано в параллельных конструкциях с антропоморфными символами *дня, солнца* как *мужского начала*, соответственно, *ночи и месяца* как *женского начала*, что демонстрирует этническую специфику мировосприятия.

«*Сын да дочь — день да ночь*» [Даль 2000, с. 266].

«*Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц*» [Даль 2000, с. 266].

Символы *мужского начала* *солнце* и *огонь* находятся в бинарной связи с символами *женского начала* *луной* и *водой*. Соответственно, с одной стороны, они продолжают астрономическую линию, связанную с символами дня и ночи, а с другой стороны, реализуют астрологическое соотнесение солнца со стихией огня, а луны со стихией воды. Гендерная маркированность символов в мифологии и фольклоре проявляется в том, что «Солнце и Луна составляют неразрывное единство — как муж и жена, брат и сестра, холод и жар, огонь и вода, мужчина и женщина» [Рошаль 2008, с. 254].

Солнце, выступая символом *мужского начала*, связано с концепцией власти, силы, созидающего начала, жизни и знания; *луна*, выступая символом *женского начала*, связана с концепцией циклического обновления, магии, изменчивости, интуиции и сферы эмоций.

Символы *мужского* и *женского начал*, вербализованные в формулах параллелизмов, транслируют общефольклорную мифопоэтическую традицию. Центральные бинарные оппозиции соотносятся с гендерными парами *мужского* и *женского начал*: *небо — земля, день — ночь, солнце — луна, огонь — вода*. В выявленных оппозициях репрезентирована взаимосвязь и дихотомия гендера.

В результате внутригруппового этапа анализа в пословицах, содержащих гендерно маркированные номинации со значением детей, выявлены *монопризнаки мужского начала*, которые представлены в рамках ментально-функциональных (ум и глупость), институционально-ролевых (обеспечение (кормилец), психосоциальных (доброта, блуд, упрямство, расточительность) атрибутивных признаков.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что ум, глупость и доброта являются *общими* атрибутивными признаками, так как в рамках корпуса текстов характерны для *мужского, женского* и *метагендерного начал*, а расточительность и упрямство — *бинарными* атрибутивными признаками, так как в рамках корпуса текстов характерны для *мужского* и *женского начал*.

«Умный сын — отцу замена, глупый — не помощь» [Даль 2000, с. 188].

«Корми сына до поры: придет пора — сын тебя покормит» [Даль 2000, с. 188].

«Добрый сын всему свету завидище» [Даль 2000, с. 187].

«Блудный сын — ранняя могила отцу» [Даль 2000, с. 187].

«Матушкин сынок, а батюшкин горбок (упрям)» [Даль 2000, с. 187].

«Отец накопил, а сын раструсил» [Даль 2000, с. 57].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, содержащих гендерно маркированные номинации со значением детей, выявлены институционально-ролевые (необходимость опеки) и психосоциальные (положительность) атрибутивные *монопризнаки женского начала*.

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак положительности характерен для трёх ипостасей гендера, поэтому в системе атрибутивных признаков указан как *общий* атрибутивный признак.

В пословицах находит отражение забота родителей о незамужней дочери, опека.

«Береги дочь до венца» [Даль 2000, с. 378].

«Дочку в колыбельку — приданое в коробейку» [Даль 2000, с. 385].

Психосоциальный атрибутивный *монопризнак* положительности *женского начала* реализуется в рамках семьи.

«Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка» [Даль 2000, с. 187].

В пословицах, транслирующих информацию о супругах, *общие* атрибутивные признаки не выявлены, определены *бинарные* атрибутивные признаки и атрибутивные *монопризнаки*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлены *бинарные* атрибутивные признаки *мужского и женского начал*: биометрические (возраст, внешность), институционально-ролевые (неравный брак), психосоциальные (положительность, отрицательность, доброта, духовное единство, одиночество без супруга / супруги, трудолюбие, лень, бережливость, греховность, лживость), ментально-функциональные (ум, глупость).

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что возраст, внешность, положительность, отрицательность, доброта, трудолюбие, лень, бережливость, греховность, лживость, ум и глупость являются *общими* атрибутивными признаками, так как характерны для трёх ипостасей гендера.

Атрибутивный признак возраста, свойственный и *мужскому*, и *женскому* началам, в текстах пословиц реализуется в рамках оппозиции молодости — старости. В пословицах транслируется негативное отношение к неравному браку.

«Муж стар, а жена молода — дожидайся детей; муж молод, а жена стара — дожидайся плетей» [Даль 2000, с. 182].

«По старом муже молода жена не тужит» [Даль 2000, с. 182].

В текстах пословиц репрезентировано как соответствие, так и противопоставление возрастных характеристик и психосоциальных качеств.

«Стар муж, так удушлив; молод, так не сдружлив» [Даль 2000, с. 182].

«Молода годами жена, да стара норовом» [Даль 2000, с. 184].

Внешняя красота жены воспринимается как отрицательное качество, наличие которого влечет за собой негативные последствия. В пословицах транслируется значимость поступков, а не внешних характеристик.

«Хорошая (пригожая) жена — лишняя сухота» [Даль 2000, с. 182].

«Не хвали жену телом, а хвали делом!» [Даль 2000, с. 182].

Внешняя и внутренняя красота супругов обладает взаимной детерминированностью.

«Жена мужем красна» [Даль 2000, с. 183].

«Подчас и жена мужа красит» [Даль 2000, с. 183].

Психосоциальные атрибутивные признаки супругов (положительность, доброта и отрицательность) также обладают взаимной детерминированностью, взаимообусловленностью *мужского и женского начал*.

«Доброю женою и муж честен» [Даль 2000, с. 183].

«У плохого мужа жена всегда дура» [Даль 2000, с. 182].

Созидательная сила, нейтрализующая зло и приумножающая добро, имеет положительную коннотацию; разрушительная сила холода и нужды наделяется в текстах пословиц отрицательной коннотацией.

«С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне» [Даль 2000, с. 183].

«Стужа да нужда, а лучше худого мужа» [Даль 2000, с. 182].

Духовное единство супругов восходит к христианской концепции андрогинной природы брака, неделимого единства *мужского и женского начал* в семейном союзе [Аврелий 1994; Нисский 2010].

«Муж да жена — одна душа» [Даль 2000, с. 183].

«Промеж мужа и жены нитки не продернешь» [Даль 2000, с. 183].

В текстах пословиц транслируются признаки одиночества, неполноценности *мужского и женского начал* в ситуации нарушения единства семьи, вследствие разрыва отношений или смерти одного из супругов.

«Без мужа, что без головы; без жены, что без ума» [Даль 2000, с. 183].

«Без мужа жена — всегда сирота (кругом сирота)» [Даль 2000, с. 182].

Бинарные атрибутивные признаки трудолюбия и лени, свойственные и *мужскому*, и *женскому началам*, в текстах пословиц противопоставлены друг другу в ситуации, когда один из супругов работает, а другой отдыхает.

«Муж в поле пахать, а жена руками махать» [Даль 2000, с. 184].

«Муж пашет (плачет), а жена пляшет (скачет)» [Даль 2000, с. 184].

«Жена мелет, а муж спит» [Даль 2000, с. 182].

«Жена прядет, а муж пляшет» [Даль 2000, с. 182].

С *бинарным* атрибутивным признаком трудолюбия напрямую связан признак бережливости, свойственный и *мужскому*, и *женскому началам*, но степень проявления указанного признака выше в рамках трансляции *женского начала*.

«Не столько муж мешком, сколько жена горшком (сберегает, приносит в дом)» [Даль 2000, с. 182].

«Муж возом не навозит, что жена горшком наносит» [Даль 2000, с. 182].

Греховность, выступая *бинарным* признаком, характерным и для *мужского*, и для *женского начал*, имеет четкую гендерную дифференциацию, которая реализована в рамках символа дома, обладающего объединяющей *метагендерной* семантикой и представляющего *свое* пространство. Греховность мужа остается в пределах *чужого* пространства, за порогом, а греховность жены проникает в *свое* пространство, в дом.

«*Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет*» [Даль 2000, с. 182].

Другим *бинарным* атрибутивным признаком является лживость, свойственная в равной степени и *мужскому*, и *женскому началам*.

«*Не всяку правду муж жене (или: жена мужу) сказывает (прибавка: а сказывает, так обманывает)*» [Даль 2000, с. 266].

Бинарные ментально-функциональные *признаки* ума и глупости обусловлены не интеллектуальными способностями *мужского* или *женского начал*, а психосоциальными качествами заботы и бережливости.

«*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*» [Даль 2000, с. 182].

«*Умная жена, как нищему сума (все сбережет)*» [Даль 2000, с. 183].

Бинарные атрибутивные признаки доминирования и подчинения, рационального и духовного обусловлены дихотомией *мужского* и *женского начал*, представляющей собой комплементарное объединение противоположностей.

«*У нас не в Польше, муж жены больше*» [Даль 2000, с. 171].

«*Муж — голова, жена — душа*» [Даль 2000, с. 183].

Монопризнаками мужского начала являются институционально-ролевые атрибутивные признаки (защита и наказание).

Атрибутивный признак защиты, свойственный *мужскому началу*, в традиционной культуре имеет ритуальное значение. Отец оберегает и защищает дочь и передает это право и обязанность в дальнейшем законному супругу, на

темпоральном уровне *мужское начало* получает функцию защиты *женского начала* после вступления в брак, исключительно в семейных отношениях.

«*За мужнину жену есть кому вступиться*» [Даль 2000, с. 182].

«*Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца*» [Даль 2000, с. 182].

В текстах пословиц транслируется отношение к семейному насилию как к проявлению любви, как к необходимости, совершаемой в благих целях, что восходит к отношениям доминирования и подчинения, являющимся знаковой дихотомией патриархального общества.

«*Любить жену — держать грозу*» [Даль 2000, с. 184].

«*Жена без грозы — хуже козы*» [Даль 2000, с. 184].

«*Обошел муженек женушку дубинным корешком*» [Даль 2000, с. 184].

В результате внутригруппового этапа анализа выявлены биометрические (здоровье) и эмотивные (активность, лихость) *монопризнаки женского начала*.

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак здоровья является *общим* атрибутивным признаком, свойственным трём ипостасям гендера, а лихость — *бинарным* признаком, свойственным *мужскому и женскому началам*.

Здоровье жены является приоритетным атрибутивным признаком, более значимым, чем материальный достаток, богатство.

«*На что корова, была бы жена здорова*» [Даль 2000, с. 183].

«*Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую*» [Даль 2000, с. 191].

Активность *женского начала* имеет и положительную коннотацию (удалость), и отрицательную коннотацию (лихость).

«*Утро вечера мудренее, жена мужа удалее*» [Даль 2000, с. 184].

«*Не пройдет без греха, у кого жена лиха*» [Даль 2000, с. 185].

Символическое расширение семантики *мужского и женского начал* со значением супругов реализуется в параллельной структуре, в которой номинации с *непосредственным* типом маркирования вступают в отношения корреляции с

номинациями с *опосредованным* типом маркирования (антропоморфные символы).

В пословицах атрибутивный признак внешней красоты вербализован в параллельной структуре *жена — пава, жена — лебедушка*, атрибутивный признак горечи, зла вербализован в параллельной структуре *жена — полынь, жена — змея*.

«Красна пава перьем, а жена мужем» [Даль 2000, с. 183].

«Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая» [Даль 2000, с. 266].

«Лучше жить со змею, чем со злою женою» [Даль 2000, с. 266].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, вербализующих отношения жениха и невесты, выявлены психосоциальные *бинарные* атрибутивные признаки *мужского и женского начал* (фатализм, непредсказуемость).

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак фатализма является *общим* атрибутивным признаком, свойственным трём ипостасям гендера.

Атрибутивный признак фатализма, веры в предопределенность обусловлен представлениями о браке как о таинстве, «совершающемся на небесах» и, как следствие, имеющем сакральный статус. В свадебном обряде взаимосвязь, единство жениха и невесты сопровождается магическими, ритуальными действиями (см. «Свадебный обряд» [Славянские древности 2009, с. 544-546]).

«Всякая невеста для своего жениха родится» [Даль 2000, с. 385].

«У невесты женихов сто один, а достанется один» [Даль 2000, с. 385].

Бинарный атрибутивный признак непредсказуемости в тексте пословицы вербализован в конструкции параллелизма, в которой номинации с *непосредственным* типом маркирования *жених* или *невеста* вступают в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *лошадь*. Взаимозаменяемость номинаций *мужского и женского начал* является инструментом репрезентации *метагендерного начала*, демонстрирует

универсальность символа, восходящего к представлениям о семье как едином целом.

«Жених (Невеста) что лошадь: товар темный» [Даль 2000, с. 385].

В результате анализа пословиц, в состав которых входят брачно-семейные номинации, установлено, что концептуальное содержание терминов родства объединяет словарное и символическое значения.

1.2. В подгруппе *«Профессиональные номинации»* представлены лексемы, вербализующие преимущественно мужское начало, к ядерным относятся номинации гражданских профессий: *судья (30), мастер (26), пастух (20), кузнец (17)*; воинских званий: *солдат (85), воевода (19), воин (14)*; духовных званий: *поп (157), монах (14), пономарь (13)*.

Отсутствие номинаций *женского начала* обусловлено тем, что «роль женского населения в профессиональной, социально-экономической и политической сферах жизни была несущественной вплоть до начала женского движения в России. В анализируемых фольклорных текстах вербализация гендера как социокультурного конструкта отражает асимметрию общественного положения мужчин и женщин» [Доброва, Мудрая 2017, с. 157-158].

Отличительной особенностью *профессиональных номинаций* является репрезентация атрибутивных *монопризнаков мужского начала*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлено, что репрезентация *мужского начала* в рамках семантики пословиц, характеризующих людей гражданских профессий, обусловлена трансляцией институционально-ролевых (профессионализм), психосоциальных (жадность, ответственность, смелость, выносливость), ментально-функциональных (ум, глупость), социально-экономических (богатство, бедность) атрибутивных *монопризнаков*.

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признаки жадности, ума и глупости являются *общими* атрибутивными признаками, свойственными трём ипостасям гендера.

Носителем исключительно отрицательных характеристик по данным текстов пословиц является судья. Он наделен атрибутивным признаком жадности.

«Судьям то и полезно, что в карман полезло» [Даль 2000, с. 89].

«Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит» [Даль 2000, с. 89].

Лексема *мастер* не соотносится с определенной профессией, а определяется высоким уровнем профессиональных качеств.

«Каков мастер, таково и дело» [Даль 2000, с. 298].

«Всякая работа мастера хвалит» [Даль 2000, с. 202].

Профессия пастуха в текстах наделяется значимостью, обусловленной высокой ответственностью, а также проявлением заботы.

«Добрый пастух не о себе печется, о скотине» [Даль 2000, с. 270].

«Без пастуха овцы не стадо» [Даль 2000, с. 131].

Репрезентация *мужского начала* в семантике пословиц, характеризующих людей военных профессий, обусловлена трансляцией атрибутивных признаков смелости и выносливости.

«Воин врагов побивает, а трус корысть подбирает» [Даль 2000, с. 138].

«Нешто солдату и без шубы деется: идет да греется» [Даль 2000, с. 354].

Отрицательными атрибутивными признаками жадности (склонность к воровству) наделяются солдат и воевода. При этом отрицательные качества солдата в текстах пословиц оправданы его бедностью и низким социальным статусом, жадность воеводы как представителя власти имеет в пословицах ярко выраженную отрицательную коннотацию.

«Солдат не украл, а просто взял (а так взял)» [Даль 2000, с. 355].

«Солдату не украсть, так негде взять» [Даль 2000, с. 355].

«На мир беда, а воеводе нажиток» [Даль 2000, с. 89].

«Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (или: судья) принос» [Даль 2000, с. 89].

Репрезентация *мужского начала* в семантике пословиц, характеризующих людей духовного звания, обусловлена трансляцией их особого статуса, связанного с религией. При этом подчеркивается условность внешних атрибутов духовного чина.

«Не всяк монах, на ком клобук» [Даль 2000, с. 30].

«*Не все пономари, а редко кто не званивал*» [Даль 2000, с. 202].

В пословицах поп наделяется атрибутивными признаками жадности и глупости, но при этом признается его власть, связанная со служением Богу.

«*Деньга и попа в яму заведет*» [Даль 2000, с. 51].

«*Плохой (Глупый) поп свенчает, и хорошему (умному) не развенчать*» [Даль 2000, с. 384].

1.3. В подгруппе «*Аксиологические номинации лица*» вербализованы и мужское, и женское начала. Отрицательной коннотацией наделяются следующие ядерные номинации: *дурак (183)*, *вор (138)*, *пьяница (21)*, *дура (16)*, *болван (12)*, *злодей (11)*; положительной коннотацией наделяется ядерная номинация *милый (субст.) (33)*.

В пословицах, содержащих аксиологические номинации лица, не выявлены общие атрибутивные признаки, выявлены бинарные признаки и монопризнаки.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлено, что бинарным атрибутивным признаком, репрезентирующим мужское и женское начала в семантике пословиц со значением отрицательной коннотации лица, является ментально-функциональный признак глупости.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов обнаружено, что ментально-функциональный признак глупости является общим атрибутивным признаком, свойственным трём ипостасям гендера.

Наиболее частотная номинация *дурак* имеет парную номинацию *дура*. Гендерная пара содержит отрицательную коннотацию, обусловленную несоответствием социальным нормам поведения. Сфера употребления номинации *дурак* шире сферы употребления номинации *дура*. Номинация *дурак*, вербализующая мужское начало, выступает как оценочная в рамках общества в целом, номинация *дура*, вербализующая женское начало, выступает как оценочная в рамках семьи.

В пословицах транслируется статичность и постоянство качеств *дурака*, невозможность исправления *дурака* или воздействия на него.

«*Дурака учить — что мертвого лечить*» [Даль 2000, с. 208].

«*Пьян простится, а дурак никогда*» [Даль 2000, с. 208].

Специфика репрезентации *женского начала* обусловлена трансляцией семейной роли. Номинация *дура* выступает в качестве оценочной при терминах родства и свойства (*мать, жена*), что обусловлено семейной сферой активности *женского начала*.

«*И дура-жена мужу правды не скажет*» [Даль 2000, с. 184].

«*Три года не баил парнишко, "да: дура мать"*» [Даль 2000, с. 206].

Исключением являются случаи употребления номинации *дура* в символическом значении (*пуля дура*).

«*Пуля дура, штык молодец*» [Даль 2000, с. 138].

«*Пуля дура, а виноватого найдет*» [Даль 2000, с. 138].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, содержащих аксиологические номинации лица, выявлены *монопризнаки мужского начала*, среди которых психосоциальные (удачливость, справедливость, льстивость, внутренняя красота, доброта), эмотивные (лихость, влюбленность), ментально-функциональные (интуиция (иррациональное знание), социально-экономические (богатство, бедность) атрибутивные признаки.

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак доброты относится к *общим* признакам, свойственным трём ипостасям гендера; признаки льстивости, лихости и интуиции (иррационального знания) являются *бинарными* атрибутивными признаками, свойственными *мужскому и женскому началам*.

В исследуемом материале культурно-национальная специфика атрибутивных признаков *дурака* связана со счастьем и удачливостью.

«*Дураку везде счастье*» [Даль 2000, с. 209].

«*На дурака у бога милости много. Дурак — божий человек*» [Даль 2000, с. 209].

Монопризнак справедливости, понимаемый как наказание за совершенные деяния, транслируется в пословицах с номинацией *вор*.

«*Сколько вору ни воровать, а виселицы не миновать*» [Даль 2000, с. 124].

«Вор ворует не для прибыли, а для гибели» [Даль 2000, с. 84].

Атрибутивные *монопризнаки* бедности и богатства, свойственные *мужскому началу*, прямо противоположны признаку справедливости и демонстрируют исторически и культурно обусловленную ситуацию, в которой материальный статус влияет на степень наказания за совершенные преступления.

«Алтынного вора вешают, полтинного чествуют» [Даль 2000, с. 100].

«Что ворам с рук сходит, за то воришек бьют» [Даль 2000, с. 85].

В текстах пословиц отражаются представления о несоответствии внешнего эффекта внутреннему содержанию.

«С рожки болван, а во всем талан» [Даль 2000, с. 40].

Атрибутивные признаки лживости и лживости (в значении злодейства) транслируются в пословицах с номинацией *мужского начала злодей*.

«Лестью и душу вынимают. Ласкатель — тот же злодей» [Даль 2000, с. 315].

«Не всяк злодей, кто часом лих» [Даль 2000, с. 67].

Значение положительной коннотации лица вербализовано в текстах пословиц с ядерной номинацией *милый* (33), которая входит в состав гендерной пары *милый* — *милая*, однако номинация *милая* (3) не является ядерной.

«Не спится, не ложится, все про милого грустится» [Даль 2000, с. 375].

«Не пил бы, не ел, все б на милую глядел» [Даль 2000, с. 567].

Номинация *милый* имеет значение возлюбленный, в связи с этим основным атрибутивным признаком выступает влюбленность.

«Тепла рука у милого, так любит» [Даль 2000, с. 375].

«С милым во любви жить хорошо» [Даль 2000, с. 374].

Красота милого не имеет четкой дифференциации по внешним показателям, в пословицах подчеркнута внутренняя духовная красота, согласно традиционным воззрениям отражающаяся в глазах.

«Речисты у милого глаза» [Даль 2000, с. 376].

Атрибутивный признак доброты вербализован в конструкции параллелизма, в которой номинация с *непосредственным* типом маркирования *милый* вступает в

отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *солнце / солнышко*.

«Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить» [Даль 2000, с. 374].

1.4. В подгруппу «Социально-статусные номинации» входят лексемы, вербализующие три ипостаси гендера. В составе ядерной лексики представлены номинации сословий: *царь (85), барин (34), казак (33), купец (28), князь (27), пан (17), дворянин (15), бояре (14), боярин (13), крестьяне (12), бары (11)*; социального положения: *хозяин (95), господин (38), слуга (25), холоп (24), хозяйка (19), работник (15), раб (12), мирянин (11)*; имущественного положения: *нищий (42), богач (12)*; общесемейного статуса лица – попадья (18); сакрального статуса – покойник (23).

«Лексемы, вербализующие *мужское / метагендерное начала*, транслируют высокую степень социально-статусной дифференциации общества, ядерные лексемы номинируют представителей большинства сословий» [Мудрая 2018, с. 155], людей с различным социальным статусом и имущественным положением.

В пословицах, содержащих социально-статусные номинации лица, не выявлены *общие* атрибутивные признаки, выявлены *бинарные* атрибутивные признаки и атрибутивные *монопризнаки*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлен *бинарный* институционально-ролевой атрибутивный признак гендерной локализации, который транслируется в пословицах с номинациями *хозяин* и *хозяйка*. Мужское пространство и женское пространство дифференцированы, реализуют идею бинарности внешнего (природного) / внутреннего (домашнего) локусов.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак гендерной локализации характерен для трёх ипостасей гендера, поэтому в системе атрибутивных признаков относится к *общим* признакам.

«От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом» [Даль 2000, с. 183].

В результате внутригруппового этапа анализа выявлены *монопризнаки мужского начала*, среди которых институционально-ролевые (власть (главенство), подчинение (зависимое положение) и социально-экономические (богатство, бедность).

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признаки власти и подчинения являются *бинарными* атрибутивными признаками, репрезентирующими дихотомию *мужского — женского начал*.

Атрибутивный признак власти (главенства) противопоставлен атрибутивному признаку подчинения (зависимого положения), указанная оппозиция актуализирует культурно и исторически обусловленную ситуацию социального неравенства, которая в текстах пословиц имеет отрицательную коннотацию.

«Крестьянскими мозолями и бары сыты живут» [Даль 2000, с. 359].

«Не куплен — не холоп, не закабален — не работник» [Даль 2000, с. 105].

«Сколько рабов, столько врагов» [Даль 2000, с. 358].

Положительной коннотацией атрибутивный признак власти наделяется в текстах пословиц с лексемой *царь*. Отношение к царю связано с его статусом «помазанника Божьего»:

«Бог на небе, царь на земле» [Даль 2000, с. 129].

«Светится одно солнце на́ небе, а царь русский на земле» [Даль 2000, с. 129].

Атрибутивный *монопризнак* главенства, свойственный *мужскому началу*, вербализован в текстах пословиц с номинацией *хозяин*, которая тесно связана с понятиями дома, главы дома (большака или большого).

«Всяк хозяин в своем дому большой» [Даль 2000, с. 270].

«Всякий дом хозяином хорош (красится, славится)» [Даль 2000, с. 270].

Атрибутивные *монопризнаки* богатства и бедности, свойственные *мужскому началу*, вербализованы в текстах пословиц, содержащих ядерные номинации со значением имущественного и социального положения. В пословицах находят отражение культурно-этнические представления о духовном богатстве и духовной

бедности, которые зачастую противопоставляются материальному достатку: признаком бедности наделяются представители «высшего» сословия, а признаком богатства – представители «низшего» сословия.

«Скупой богач беднее нищего» [Даль 2000, с. 54].

«Слуги в шелках — бояре в долгах» [Даль 2000, с. 257].

1.5. В подгруппе «*Национально-этнические номинации*» ядерными являются лексемы, вербализующие *мужское начало*, *татарин* (20) и *цыган* (20). Отличительной особенностью национально-этнических номинаций является наделение представителей различных национальностей типизированными атрибутивными качествами.

В пословицах, содержащих национально-этнические номинации лица, не выявлены *общие и бинарные* атрибутивные признаки, выявлены атрибутивные *монопризнаки*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлены *монопризнаки мужского начала*, среди которых психосоциальные (противоречивость характера, лживость) и ментально-функциональные (хитрость) атрибутивные признаки.

В результате внутрисистемного этапа анализа по данным корпуса текстов установлено, что атрибутивный признак лживости является *общим* атрибутивным признаком, свойственным трём ипостасям гендера.

«Татарин в текстах пословиц соотносится с областью «чужого» пространства, исторически связанного с порабощением Руси» [Мудрая 2018, с. 156].

«Рано татарам на Русь идти» [Даль 2000, с. 300].

«Неволей только татары берут» [Даль 2000, с. 430].

В текстах пословиц транслируется информация о противоречивом характере *татарина*.

«Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник» [Даль 2000, с. 172].

В пословицах репрезентированы национально-этнические особенности цыган, которые наделяются признаками хитрости и лживости.

«Цыгану без обману дня не прожить» [Даль 2000, с. 171].

«Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается» [Даль 2000, с. 171].

«Несмотря на типизацию национально-этнического характера, в половицах транслируется понимание ценности общечеловеческих качеств вне зависимости от национальной принадлежности» [Мудрая 2018, с. 157].

«И у цыгана душа не погана» [Даль 2000, с. 171].

«Люблю молодца и в татарине» [Даль 2000, с. 100].

1.6. В подгруппе «*Реляционные номинации*» к ядерным относятся лексемы, вербализующие *мужское начало* со значением дружбы: *друг* (123), *дружок* (17); вражды: *недруг* (30), *враг* (26); близкого окружения: *гость* (60), *сосед* (34).

В указанной подгруппе не выявлены ядерные лексемы, вербализующие *женское начало*, что свидетельствует не об отсутствии информации о женской дружбе / вражде в реконструируемой системе по данным текстов пословиц, «а об акцентуализации женской роли внутри семьи, в отличие от мужской роли во внешнем «социуме», что в текстах пословиц получает отражение, в частности, в соотносительности гендера с *внешним / внутренним локусом*» [Мудрая 2018, с. 153].

В пословицах, содержащих реляционные номинации лица, не выявлены *общие и бинарные* атрибутивные признаки, выявлены атрибутивные *монопризнаки*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлены *монопризнаки мужского начала*, среди которых институционально-ролевые (гостеприимство) и психосоциальные (надежность / ненадежность) атрибутивные признаки.

В результате внутрисистемного этапа анализа по данным корпуса текстов установлено, что атрибутивный признак гостеприимства относится к *бинарным* признакам, свойственным *мужскому и женскому началам*.

Институционально-ролевой признак гостеприимства связан с традицией хлебосольства и вербализован в пословицах с номинацией *гость*. В случае

употребления номинации *гость* во множественном числе деление по половой принадлежности оказывается нерелевантным.

«*Хозяин весел, и гости радостны*» [Даль 2000, с. 278].

Психосоциальные *монопризнаки* надежности / ненадежности вербализованы в пословицах с номинацией *друг*. В текстах пословиц транслируется идея проверки надежности друга в испытаниях.

«*Друг познается на рати да при беде*» [Даль 2000, с. 392].

Символическое расширение семантики номинации *друг* реализовано в конструкции параллелизма, в которой номинация с *непосредственным* типом маркирования *друг*, вербализующая *мужское начало*, вступает в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *конь*.

«*Коня в рати узнаешь, а друга в беде*» [Даль 2000, с. 392].

Номинации *друг* и *враг (недруг)* в текстах пословиц выступают как антонимическая пара, но в ряде случаев сближаются по значению на основании общего признака *ненадежности*, который является опасным для человека.

«*Бойся друга, как врага*» [Даль 2000, с. 391].

«*С другом дружись, а как недруга берегись*» [Даль 2000, с. 391].

В гендерно маркированных номинациях, входящих в состав группы имен социофактов, вербализована гендерно маркированная информация о различных аспектах социальных отношений. Наиболее значимой в исследуемом материале является идея непреложной ценности семьи, чем обусловлены многообразие и частотность брачно-семейных номинаций. Гендерная симметрия, основанная на равнозначном ценностном статусе *мужского* и *женского начал*, не вступает в противоречие с главенствующей ролью мужчины в брачно-семейных отношениях.

«Учет многообразия и разноаспектности вербализованных в текстах пословиц гендерно маркированных номинаций членов семьи, представителей различных сословий, профессий и национальностей свидетельствует о том, что категории *мужского, женского и метагендерного начал* участвуют в организации всей системы социальных отношений» [Мудрая 2018, с. 157] и упорядочивают фольклорно-языковую картину мира.

2. В группе имен корпусфактов представлено 14% от общего числа ядерных лексем, которые распределяются следующим образом: 8 лексем номинируют *мужское начало*, 5 лексем номинируют *женское начало*, 1 лексема номинирует *метагендерное начало*.

Группа имен корпусфактов включает подгруппу номинаций по возрасту, в которую входят ядерные лексем со значением молодости: *девка (123)*, *молодец (79)*, *парень (48)*, *девушка (23)*, *молодой (19)*, *девица (13)*; зрелости: *человек (152)*, *баба (143)*, *мужик (142)*; старости: *старик (14)*, *старуха (12)*, *старец (11)*; подгруппу номинаций по физиологическим данным, в которую входят ядерная лексема со значением внешности урод (*23*), а также ядерная лексема со значением физиологических ограничений слепой (*14*).

2.1. В подгруппе «*Номинации по возрасту*» представлены все возрастные периоды жизни человека. Высокий ранг в системе обусловлен высоким ценностным статусом *человека телесного*, его биологического роста, развития и взросления, транслируемых в текстах пословиц.

Номинации по возрасту со значением молодости характеризуются отсутствием *общих* атрибутивных признаков в связи с отсутствием номинаций *метагендерного начала*, наличием атрибутивных *бинарных и монопризнаков*.

В результате внутригруппового этапа анализа выявлен *бинарный* атрибутивный биометрический признак внешности *мужского и женского начал* со значением молодости в рамках пословиц.

В результате внутрисистемного этапа анализа установлено, что в пределах исследуемого корпуса текстов признак внешности является *общим* атрибутивным признаком, характерным для трёх ипостасей гендера.

Атрибутивный признак внешности в рамках репрезентации *мужского и женского начал* в текстах пословиц обусловлен представлениями об индивидуальных особенностях внешности. В текстах транслируется недоверие к внешней красоте, которая взаимосвязана с отрицательными внутренними качествами.

«*Молодец красив, да на душу крив*» [Даль 2000, с. 341].

«Иссушила молодца чужая девичья краса» [Даль 2000, с. 384].

Женская красота в текстах пословиц характеризуется как недолговечная, рано увядающая, возможная исключительно в период девичества до замужества.

«Девка красна до замужества» [Даль 2000, с. 178].

«Какова ни будь красна девка, а придет пора — выцветет» [Даль 2000, с. 158].

Указанная специфика атрибутивного признака внешности *мужского и женского начал* получает символическое расширение в конструкциях параллелизма.

Атрибутивный признак непривлекательной внешности *мужского начала* оценивается как нерелевантный для характеристики личности в целом, вербализован в параллельной структуре *конь — молодец*.

«Лыс конь — не увечье; плешив молодец — не бесчестье» [Даль 2000, с. 345].

Атрибутивный признак внешности *женского начала* обусловлен яркостью, но недолговечностью красоты, вербализован в параллельной структуре *девка — маков цвет*.

«Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде» [Даль 2000, с. 378].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, содержащих возрастные номинации, выявлены *монопризнаки мужского начала* со значением молодости, среди которых институционально-ролевые (отсутствие опыта, коммуникативное поведение, репутация, досуг (забавы), психосоциальные (находчивость, удачливость), социально-экономические (бедность) атрибутивные признаки.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что институционально-ролевой признак коммуникативного поведения выступает в качестве *общего* атрибутивного признака, характерного для трёх ипостасей гендера.

Атрибутивный *монопризнак мужского начала* отсутствие опыта вербализован, в частности, в конструкциях параллелизма, в которых номинации с

непосредственным типом *молодец* или *парень* вступают в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *конь*.

«*Молодец* молодой *конь*, а с ним без хлеба будешь (в соху не годится)» [Даль 2000, с. 177].

«*Конь* добр, да не езжен; *дорог* *парень*, да не учен» [Даль 2000, с. 201].

Атрибутивный *монопризнак* коммуникативного поведения, свойственного *мужскому началу*, связан со спецификой речи, которая идентифицирует *молодца*. Вербализация осуществляется на основе конструкции параллелизма, в которой номинация с *непосредственным* типом маркирования *молодец* вступает в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *птица*.

«*Знать* *птицу* по перьям, а *молодца* по речам» [Даль 2000, с. 346].

Специфика *монопризнака* репутации обусловлена, с одной стороны, доверием к поступкам, с другой стороны, недоверием как к положительной (похвале), так и к отрицательной оценке поступков.

«По заслуге *молодца* и жалуют» [Даль 2000, с. 123].

«*Похвала* *молодцу* — *пагуба*» [Даль 2000, с. 371].

«*Не* *заслонишь* *солнце* *рукавицей*, *не* *убьешь* *молодца* *небылицей*» [Даль 2000, с. 339].

Атрибутивный *монопризнак* досуга, отдыха связан с представлениями о забавах.

«У нашего *молодца* нет забавам конца» [Даль 2000, с. 422].

Удачливость и находчивость как атрибутивные *монопризнаки* молодого *мужского начала* имеют положительную коннотацию, выступают в роли компенсаторов отрицательно коннотированных качеств, в ряде пословиц сопровождаются ироническими замечаниями.

«*Не* *хитер* *парень*, да *удачлив*; *не* *казист*, да *таланен*» [Даль 2000, с. 40].

«*Не* *kozyрнист* *парень*, да *мастист* (*находчив*, *догадлив*)» [Даль 2000, с. 226].

«*Находчив* *парень*: на *крутую кашу* *распоясался*» [Даль 2000, с. 221].

Атрибутивный *монопризнак* бедности характерен для *мужского начала* с семантикой молодости, обусловлен отсутствием собственности, материального достатка. В пословицах транслируется преимущество социально-экономического положения в семье.

«Хорош молодец: ни коз, ни овец» [Даль 2000, с. 47].

«Отец мой жил не ровно: хлеб есть — так соли нет; соль есть — так хлеба нет; а я, добрый молодец, живу ровно: ни хлеба, ни соли» [Даль 2000, с. 136].

В текстах пословиц транслируется антитеза молодости — старости, которая сопровождается оценочностью возрастных категорий: категория *молодости* имеет положительную коннотацию, категория *старости* — отрицательную коннотацию.

«Старое стареется, а молодое растет» [Даль 2000, с. 158].

«Молодой стареет — умнеет; старый стареет — глупеет (дуреет)» [Даль 2000, с. 175].

Положительной коннотацией категория старости наделяется в связи с представлениями о мудрости старшего поколения.

«Молодость плечами покрепче, старость головой» [Даль 2000, с. 176].

«Чем старее, тем правее; а чем моложе, тем дороже» [Даль 2000, с. 175].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц с возрастными номинациями выявлены *монопризнаки женского начала* со значением молодости, среди которых институционально-ролевые (гендерная локализация и темпорализация), психосоциальные (своеволие, спесивость) и ментально-функциональные (иррациональное знание) атрибутивные признаки.

В рамках внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак гендерной локализации характерен для каждого из гендерных начал, поэтому в системе атрибутивных признаков выступает в качестве *общего признака*; а иррациональное знание характерно для *мужского и женского начал*, поэтому в системе атрибутивных признаков является *бинарным* признаком.

В пословицах находит отражение специфика гендерной локализации, которая обусловлена запретом контакта незамужней девушки с внешним миром, ограниченностью женского пространства внутри дома.

«*Всяк бы про девку слышал (ведал), да не всяк бы ее видел*» [Даль 2000, с. 378].

«*Казаная девка денежная (серебряная), неказаная рублевая (золотая)*» [Даль 2000, с. 378].

«*Не видена — девица, а увидена — девушка*» [Даль 2000, с. 378].

В текстах находит отражение нарушение гендерной локализации.

«*Замок да запор девки не удержат*» [Даль 2000, с. 378].

Гендерная темпорализация отражает значимость переходных этапов в жизни женщины: темпоральные характеристики наравне с ритуалом расплетания косы и покрытия головы связаны со сменой социального статуса.

«*С вечера девка, со полуночи молодка, а по заре хозяйушка*» [Даль 2000, с. 180].

«*Девке век обыденный (сутки)*» [Даль 2000, с. 377].

«*Как ни заплетай косу, девка, не миновать, что расплестать*» [Даль 2000, с. 385].

Психосоциальными *монопризнаками женского начала* являются своеволие и спесивость, которые имеют отрицательную коннотацию.

«*Девка парня извела, под свой норов подвела*» [Даль 2000, с. 375].

«*Девка спесива не скажет спасибо*» [Даль 2000, с. 378].

Ментально-функциональный *монопризнак женского начала* (интуиция / иррациональность) в текстах половиц связан с постижением смысла без опоры на знания.

«*Девка ничего не знает, а все разумеет*» [Даль 2000, с. 378].

«*У парня догадка, у девки смысл*» [Даль 2000, с. 378].

В пословицах с возрастными номинациями со значением зрелости транслируются атрибутивные *общие, бинарные и монопризнаки*. Вербализовано значение зрелого этапа жизни человека в пословицах с номинациями *мужик /*

мужчина и баба / женщина, которые являются ключевыми номинациями гендера, также в пословицах с номинацией *метагендерного начала человек*. Номинация *человек* не имеет строгой соотнесенности с конкретной возрастной категорией, но находится в родовидовых отношениях с номинациями *мужик / мужчина и баба / женщина*.

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа пословиц, вербализующих представления о человеке в зрелом возрасте, выявлены *общие* атрибутивные признаки *мужского, женского и метагендерного начал*, среди которых биометрические (внешность, возраст, гастрономические пристрастия), институционально-ролевые (семейная роль, коммуникативное поведение), психосоциальные (трудолюбие, лень, отзывчивость, жадность, греховность, фатализм), ментально-функциональные (ум, глупость) атрибутивные признаки.

В текстах пословиц репрезентировано отношение к внешности человека применительно к *мужскому и метагендерному началам* как к природной данности, не нуждающейся в корректировке. В целом к внешности мужчины предъявляются невысокие требования.

«*Мужчина, коли хоть немножко казистее черта, — красавец*» [Даль 2000, с. 179].

«*Каков родился, таков и есть: сверху не закрасишь (о человеке, о хлебе)*» [Даль 2000, с. 361].

Атрибутивный признак внешности применительно к *женскому началу* в текстах пословиц демонстрирует восприятие женского облика как формируемого, конструируемого.

«*Красна баба повоем, а корова удоем*» [Даль 2000, с. 346].

Атрибутивный признак гастрономических пристрастий (еда и питье) связан с представлениями о простой пище, позволяет составить общее впечатление о культурно-историческом отношении к еде как источнику жизни.

«*Русского мужика без каши не накормишь*» [Даль 2000, с. 359]

«*Кисель да сыта — бабья еда*» [Даль 2000, с. 416]

«Человек из еды живет» [Даль 2000, с. 410].

В рамках атрибутивного признака *возраста*, свойственного категориям *мужского, женского и метагендерного начал*, актуализированы этапы жизни человека. Следует отметить, что количественное ограничение получает исключительно *женский* возраст.

«*Сорок лет — бабий (женский) век*» [Даль 2000, с. 377].

В целом признак возраста связан с представлениями о концентрации качеств человека с течением времени.

«*Под старость человек либо умней, либо глупей бывает*» [Даль 2000, с. 175].

Репрезентация гендера в рамках *общих* институционально-ролевых атрибутивных признаков связана с распределением гендерных ролей в институте семьи и представлена *общими* признаками семейной роли, коммуникативного поведения и гендерного пространства.

В пословицах репрезентирована информация о мужских и женских ролях в семье, о мужской и женской работе.

«*Торгуй мужик пшеницей, баба чечевицей!*» [Даль 2000, с. 291].

«*У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит*» [Даль 2000, с. 183].

«Культурологической базой институционально-ролевых атрибутивных признаков гендера являются патриархальные установки, в рамках которых регламентированы основные представления о мужских и женских качествах, нормах поведения» [Доброва, Мудрая 2017, с. 179]. Историко-культурологическая обусловленность гендерной идентификации транслируется в анализируемых текстах в связи с тем, что пословицы — «прескрипции-стереотипы народного самосознания, дающие достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации» [Телия 1996, с. 240].

Репрезентация *общего* атрибутивного признака коммуникативного поведения определяется двумя тенденциями.

Первая тенденция — уравнивание моделей мужского и женского коммуникативного поведения. Указанная тенденция наблюдается в пословицах,

тождественных по контекстному окружению и различающихся гендерно маркированными номинациями.

«С мужиком не скоро сговоришь» [Даль 2000, с. 359].

«С бабой не сговоришь» [Даль 2000, с. 173].

Вторая тенденция — противопоставление моделей мужского и женского коммуникативного поведения. Указанная тенденция обусловлена стереотипными представлениями о гендерных коммуникативных моделях. «Активная, сильная позиция мужчины в ситуации коммуникации имеет высокий ценностный статус по сравнению с коммуникативной позицией женщины, рассматриваемой в рамках идеи женской многословности и имеющей низкий ценностный статус» [Доброва, Мудрая 2017, с. 179].

«Не гром грянул, что бедный (или: что мужик) слово молвил» [Даль 2000, с. 101].

«Бабий язык, куда ни завались, достанет» [Даль 2000, с. 173].

Значимость коммуникативного поведения, сила слова транслируются в текстах пословиц, что обуславливает табуированность бранных слов.

«Мал язык, да человеком ворочает» [Даль 2000, с. 251].

«Не бранись: что исходит из человека, то его и поганит» [Даль 2000, с. 141].

Гендерная локализация в текстах пословиц определяется *мужским / внешним / социально открытым* пространством (двор) и *женским / внутренним / социально ограниченным* пространством (дом).

«Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе» [Даль 2000, с. 173].

Объединение в рамках *метагендерного начала* дихотомии *мужского и женского начал* определяется абсолютным расширением *метагендерного пространства*. Для репрезентации *метагендерного пространства*, вербализованного в конструкции параллелизма, характерно объединение названных локусов в целостное пространство *Земли, Отчизны*, расширяющее свои топографические границы до статуса круга Вселенной.

«Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля» [Даль 2000, с. 161].

«Рыбам — море, птицам — воздух, а человеку отчизна вселенный круг» [Даль 2000, с. 294].

Исследования русской языковой картины мира подтверждают значимость «пространственной беспредельности», которая выступает как «один из структурообразующих элементов русской культуры» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012, с. 35]

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа выявлены *общие* психосоциальные атрибутивные признаки, характеризующие три ипостаси гендера, среди которых трудолюбие, лень, отзывчивость, жадность, греховность и фатализм.

Атрибутивный признак трудолюбия напрямую связан с бытом эпохи патриархата, содержит информацию о трудовой деятельности.

«Купец торгом, поп горлом, мужик горбом (берет)» [Даль 2000, с. 248].

«Из водицы да из мучицы баба пироги печет» [Даль 2000, с. 242].

«Труд человека кормит, а лень портит» [Даль 2000, с. 234].

Общий атрибутивный признак отзывчивости (эмпатии) связан с умением сопереживать, воспринимать эмоциональное состояние другого как собственное.

«На вдовий плач глядя, и мужик убивается» [Даль 2000, с. 185].

«Без плачу у бабы дело не спорится» [Даль 2000, с. 173].

«Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу» [Даль 2000, с. 64].

В текстах пословиц транслируется информация об основных отрицательных *общих* атрибутивных признаках жадности и зависти.

«Сыта свинья, а все жрет; богат мужик, а все копит» [Даль 2000, с. 44].

«Баба нехотя целого поросенка съела» [Даль 2000, с. 401]

«Сытый волк смирнее завистливого человека» [Даль 2000, с. 68].

Атрибутивный признак греховности напрямую связан с религиозными представлениями. В текстах пословиц греховность понимается как всеобщее свойство, неизбежное для каждого человека.

«Нет такого человека, чтоб век без греха прожил» [Даль 2000, с. 28].

«Больше баб в семье, больше греха» [Даль 2000, с. 189]

«И первый человек греха не миновал (и последний не забудет)» [Даль 2000, с. 111].

Представлениям о греховности человека противопоставлена концепция божественной сущности человека, основанная на православной традиции, вере в предопределенность, судьбу человека. В рамках указанных воззрений формируется атрибутивный признак фатализма.

«Бог — что захочет, человек — что сможет» [Даль 2000, с. 161].

«Божеское не от человека, а человек от бога» [Даль 2000, с. 24].

«Человек гадает, а бог совершает» [Даль 2000, с. 24].

Общие ментально-функциональные атрибутивные признаки ума и глупости характерны для трёх ипостасей гендера, но для каждого из начал специфичны. *Мужское и женское начала* наделены умом вопреки недостаткам внешнего мира и рациональным суждениям (думам).

«Мужик умен, да мир дурак» [Даль 2000, с. 194].

«Женский ум лучше всяких дум» [Даль 2000, с. 205].

Признак глупости *мужского начала* компенсируется хитростью, которая характерна исключительно для *мужского начала*; компенсация глупости как атрибутивного признака *женского начала* не выявлена в исследуемом материале. Противопоставление длинных волос и короткого ума применяется для создания контраста.

«Мужик глуп, как свинья, а хитер, как черт» [Даль 2000, с. 359].

«Волос долог (у бабы), а ум короткий» [Даль 2000, с. 164].

В рамках репрезентации *метагендерного начала* формируется представление об отрицательном опыте человека как источнике мудрости, а также о компенсации глупости человека мудростью высших сил.

«Беды человека научают мудрости» [Даль 2000, с. 77].

«На человеческую глупость есть божья премудрость» [Даль 2000, с. 24].

Символическое расширение семантики номинации *человек* происходит в рамках репрезентации значимости разума и знания. Вербализация в текстах

пословиц осуществляется в конструкции параллелизма, в которой номинация с *непосредственным* типом маркирования *человек* вступает в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *птица*.

«*Птице крылья, человеку разум*» [Даль 2000, с. 294].

«*Красна птица перьем, а человек ученьем*» [Даль 2000, с. 201].

Символическая номинация *птица*, реализующая семантику *метагендерного начала*, в текстах пословиц выступает в качестве родовой категории по отношению к видовым символическим номинациям *петуха* и *курицы*, представляющим, соответственно, *мужское и женское начала*.

«*Курице не быть петухом, а бабе мужиком*» [Даль 2000, с. 173].

«*Курица не птица, а баба не человек*» [Даль 2000, с. 173].

Следует отметить, что в «Собрании 4291 древних Российских пословиц» [Барсов 1770] указанные пословицы отсутствуют, что косвенно свидетельствует о том, что они не относятся к древним пословицам.

Значимым для понимания репрезентации гендера является факт противопоставления *женского начала* не только *мужскому*, что служит основой дихотомии, но и *метагендерному началу*, что, на первый взгляд, противоречит объединяющей сути *метагендерного начала*.

Противопоставление *мужского и женского начал* традиционно, в приведенном тексте имеет логические основания в обеих частях параллельной конструкции: *курица* не может быть *петухом*, а *женское начало* не может быть *мужским началом*.

Противопоставление *женского и метагендерного начал (курица и птица)* не имеет логических оснований в связи с тем, что *курица* формально является птицей, следовательно, во второй части параллельной конструкции наблюдается аналогичное формальное соответствие *женского начала метагендерному (баба и человек)*. Родовидовая связь, устанавливаемая в рамках репрезентации собственно гендерного (*мужского и женского*) и *метагендерного начал*, сохраняется в рамках символических номинаций.

Указанное противоречие может иметь несколько вариантов толкования.

Существует точка зрения, согласно которой рассматриваемая пословица является неверным переводом украинской пословицы «курка не пташка, баба не чоловік», так как «слово "чоловік" имеет в украинском языке значение "муж" и "мужчина", соответственно, последняя часть рассматриваемой нами поговорки должна быть переведена как "баба не мужчина"» [Полищук 2013, с. 30].

Корпус исследуемых текстов позволяет выдвинуть иное объяснение указанного противопоставления (*баба не человек*). Мужское и женское начала в текстах пословиц представлены как видовые половины цельного родового *метагендерного начала*, поэтому каждое из собственно гендерных начал обретает полноту и цельность исключительно в рамках контаминации, объединения, следовательно, и *мужское*, и *женское начала* трактуются (вне связи друг с другом) как «не вполне человеческие», следовательно, мужчина без женщины так же, как и женщина без мужчины, не может быть признан человеком.

«*Не женат — не человек*» [Даль 2000, с. 384].

«*Холостой — полчеловека*» [Даль 2000, с. 384].

В данном аспекте актуальным видится представление об андрогинности *метагендерного начала*, в рамках которого человек достигает полного развития только в соединении *мужского и женского начал*. Таким образом, *метагендерное начало*, вербализованное в номинации *человек*, предполагает контаминацию *мужского и женского начал*, в котором не двое, а единое целое.

«*Я думал, идут двое, а н мужик с бабой*» [Даль 2000, с. 173].

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа выявлены *бинарные* институционально-ролевые (дихотомия доминирования и подчинения, пассивность, активность) атрибутивные признаки *мужского и женского начал*.

В пословицах, вербализующих представления о человеке в зрелом возрасте, *бинарная* дихотомия доминирования — подчинения отражает социокультурную модель гендерных отношений в эпоху патриархата. «Доминирование всегда соотносено с *мужским началом*, а подчинение, соответственно, — с *женским началом*» [Доброва, Мудрая 2017, с. 179].

«Что к чему покорно: щи к пирогу, хлеб к молоку, баба к мужику, девка к парню» [Даль 2000, с. 305].

Иная гендерная модель транслируется в пословицах, вербализующих *бинарный* атрибутивный признак пассивности, обусловленный отрицательным отношением к воле. В пословицах, тождественных по контекстному окружению и различающихся гендерно маркированными номинациями, реализуется тенденция уравнивания *мужского* и *женского* начал.

«Воля и добра мужи́ка портит» [Даль 2000, с. 443].

«Воля и добрую жeну портит» [Даль 2000, с. 443].

Бинарный атрибутивный признак активности по отношению к *мужскому началу* обусловлен стремлением к улучшению жизненных условий, а по отношению к *женскому началу* демонстрирует стремление к нарушению традиционной модели, в которой женщина занимает второстепенную позицию.

«Мужик хлопчет, себе добра хочет» [Даль 2000, с. 224]

«Женский обычай — что вперед забежать» [Даль 2000, с. 174]

«*Монопризнаки* манифестируют специфические атрибуты, качества *мужского* начала и *женского* начала» [Доброва, Мудрая 2017, с. 180].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц с возрастными номинациями со значением зрелости выявлены атрибутивные *монопризнаки мужского* начала, среди которых «биометрические (здоровье), институционально-ролевые (патриотизм), психосоциальные (лень, выносливость, упрямство, жестокость), ментально-функциональные (хитрость, простота), эмотивные (агрессивность), социально-экономические (богатство, бедность)» [Доброва, Мудрая 2017, с. 180].

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признаки здоровья и лени являются *общими* атрибутивными признаками, характерными для трёх ипостасей гендера.

Атрибутивный признак здоровья в пословицах с номинациями зрелого периода жизни характерен исключительно для репрезентации *мужского* начала и соотносится с понятиями силы и крепости.

«*Барская хворь — мужицкое здоровье*» [Даль 2000, с. 358]

«*Мужик сделан, что овин, а сбойлив, что жидовин*» [Даль 2000, с. 359].

«Признаки возраста и здоровья, являясь показателями физического состояния человека, тесно взаимосвязаны, но наблюдаемая в текстах пословиц дифференциация названных признаков для мужского и женского начала позволяет предположить большую ценность молодости для женщины и, соответственно, более высокий ценностный статус силы и здоровья для мужчины» [Доброва, Мудрая 2017, с. 179].

Атрибутивный институционально-ролевой *монопризнак* патриотизма основан на православной концепции царской власти, в которой «государь воспринимается как наместник Бога на земле. Мужчина, являясь защитником Отечества, наделяется атрибутивным признаком патриотизма, основанного на служении Богу и государю» [Доброва, Мудрая 2017, с. 180].

«*Мужик — богу свеча, государю слуга*» [Даль 2000, с. 360].

Атрибутивный психосоциальный *монопризнак* лени характеризует мужчину в зрелом возрасте.

«*Лень мужика не кормит*» [Даль 2000, с. 234].

Монопризнаки выносливости (гибкости) и упрямства определяются в контексте символических образов растительного мира (кипарис, вяз, рогатина).

«*Бары кипарисовые, мужики вязовые (и гнутся, и тянутся)*» [Даль 2000, с. 357].

«*Мужик, что рогатина: как упрется, так и стоит*» [Даль 2000, с. 359].

Монопризнаки агрессивности и жестокости определяются в контексте символических образов животного мира (рычит).

«*Не мазана арба скрытит; не сечен мужик рычит*» [Даль 2000, с. 135].

«*Мужик волостель — пуций живодер*» [Даль 2000, с. 358].

Атрибутивные ментально-функциональные *монопризнаки* хитрости и простоты в фольклорно-языковой картине мира противопоставлены друг другу, так как простой человек — это человек *бесхитростный*. Понятие простоты раскрывает В.В. Колесов в книге «Язык и ментальность»: «Простой — по смыслу

слова "открытый" навстречу всем влияниям и зависимый от обстоятельств жизни... Как толкует слово Владимир Даль, «*простой* — ничем не занятый, сам по себе, не сложный по натуре, но слишком прямой, чтобы сгибаться перед всяким» [Колесов 2004, с. 154-155].

В текстах половиц простота в совокупности с разумом наделяются положительной коннотацией и воспринимаются в качестве силы, способной спасти мир.

«*Кабы не боярский разум да не мужичья простота, все бы пропали*» [Даль 2000, с. 357].

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа пословиц, включающих возрастные номинации со значением зрелости, выявлены атрибутивные социально-экономические *монопризнаки* богатства и бедности, характеризующие исключительно *мужское начало*, в связи с незначительной ролью женщин в социально-экономической и общественно-политической сферах.

Атрибутивный признак богатства, ассоциирующийся с добром и силой, имеет положительную коннотацию. Символическое воплощение *мужского начала* вербализовано в текстах пословиц, в которых номинация с *непосредственным* типом маркирования *мужик* вступает в отношения корреляции с номинациями с *опосредованным* типом маркирования: *пес* и *бык*.

«*Пес космат, ему тепло, а мужик богат, ему ж добро*» [Даль 2000, с. 289].

«*Мужик богатый, как бык рогатый*» [Даль 2000, с. 368].

Атрибутивный признак богатства имеет отрицательную коннотацию в том случае, когда ассоциируется с жадностью. В тексте пословицы номинация с *непосредственным* типом маркирования *мужик* вступает в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *свинья*.

«*Сыта свинья, а все жрет; богат мужик, а все копит*» [Даль 2000, с. 44].

«Атрибутивный признак *бедность* связан с понятиями горба и горбатости, указывающими на тяжелый физический труд, непосильную работу» [Доброва, Мудрая 2017, с. 180].

«*Мужик не живет богат, а живет горбат*» [Даль 2000, с. 237].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, включающих возрастные номинации со значением зрелости, выявлены атрибутивные *монопризнаки женского начала*, к которым относятся психосоциальные признаки лукавства, лести и эмотивный признак чувствительности.

В результате внутрисистемного этапа анализа по данным корпуса текстов установлено, что признак лукавства является *бинарным* атрибутивным признаком, свойственным *мужскому и женскому началам*.

В пословицах транслируется тотальный характер лукавства и лести *женского начала*.

«*Лукавой бабы и в ступе не истолчешь*» [Даль 2000, с. 173].

«*Женская лесть без зубов, а с костями сгложет*» [Даль 2000, с. 174].

Атрибутивный *монопризнак* чувствительности, «характерный для *женского начала*, в текстах пословиц связан с плачем, отношение к которому имеет снисходительный или иронический характер» [Доброва, Мудрая 2017, с. 179-180].

«*У баб да у пьяных слезы дешевы*» [Даль 2000, с. 173].

«*Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже*» [Даль 2000, с. 173].

Специфика репрезентации гендерной информации со значением старости раскрывается в атрибутивных *бинарных* признаках, атрибутивных *монопризнаках*. *Общие* атрибутивные признаки не выявлены.

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, включающих возрастные номинации со значением старости, выявлен атрибутивный *бинарный* биометрический признак здоровья, который в рамках репрезентации *мужского и женского начал* обусловлен актуализацией заботы о старшем поколении, выбором наиболее комфортного места для отдыха (печь).

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак здоровья характерен для трёх ипостасей гендера и является *общим* атрибутивным признаком.

«*Старухе ноги подымает, старику глаза протирает*» [Даль 2000, с. 403].

«*Старик со старухой на зиму печку делят*» [Даль 2000, с. 141].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, включающих возрастные номинации со значением старости, выявлен институционально-ролевой атрибутивный *монопризнак мужского начала* (признак неравного брака), который имеет отрицательную коннотацию.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что признак неравного брака является *бинарным*, свойственным *мужскому и женскому началам*.

«Молодица у старика — ни девка, ни баба, ни вдова» [Даль 2000, с. 182].

В пословицах с номинацией *старуха* транслируется знание о том, что даже опытный человек может допустить ошибку.

«И на старуху живет проруха» [Даль 2000, с. 111].

«У всякой старухи свои прорухи» [Даль 2000, с. 111].

В подгруппе номинаций по физиологическим данным представлены лексемы, вербализующие *мужское начало*. Номинация *слепой* в текстах пословиц имеет гендерную пару *слепая*, которая не входит в число ядерных лексем.

«Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой» [Даль 2000, с. 323].

«Всякая слепая про себя смекает» [Даль 2000, с. 224].

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, включающих номинации по физиологическим данным, выявлены атрибутивные *монопризнаки мужского начала*, среди которых биометрические (физическая неполноценность, гастрономические пристрастия) и ментально-функциональные (интуиция).

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что физическая неполноценность, гастрономические пристрастия являются *общими* атрибутивными признаками, свойственными трём ипостасям гендера; признак интуиции (иррационального знания) — *бинарным* признаком, характерным для *мужского и женского начал*.

Признак физической неполноценности связан с *уродством*, понимаемым как «любое отклонение от нормы, телесной или психической», в частности,

уродство приписывалось «демоническим существам и чужим народностям» [Славянские древности 2012, с. 373].

В пословицах транслируется информация о высокой распространенности уродства. Однако физическая неполноценность не оказывает влияния на естественные потребности человека.

«В семье не без уро́да, а на уро́да все не в угоду» [Даль 2000, с. 364].

«Живет урод и от красавца» [Даль 2000, с. 364].

«Каков ни будь урод, а хлеб несет в рот» [Даль 2000, с. 414].

Урод в текстах пословиц выступает носителем отрицательных атрибутивных признаков *мужского начала*, которые обусловлены не физическими отклонениями от нормы, а качествами характера, в первую очередь, невозможностью угодить.

«Нашему уроду все не в угоду» [Даль 2000, с. 70].

«На уро́да все не угода» [Даль 2000, с. 445].

Атрибутивным ментально-функциональным *монопризнаком* лица с физиологическими ограничениями является интуиция, обусловленная обострением восприятия мира органами чувств.

«Глухому много чутся, а слепому много видится» [Даль 2000, с. 165].

«Слепой хоть оцупью, да бродит; а зря и зрячий спотыкается» [Даль 2000, с. 224].

Указанная специфика восходит к мифологическим представлениям о связи слепого (человека или животного) с иным миром и возможности выполнения им функции посредника [Славянские древности 2012, с. 46-49], которая в текстах пословиц трансформируется в роль слепого вожака.

«Слепой в вожак подал» [Даль 2000, с. 370].

«Слепого в вожак не берут» [Даль 2000, с. 203].

«Слепой слепца водит, а оба зги не видят» [Даль 2000, с. 288].

II. В пословицах, содержащих ядерные номинации с *опосредованным* типом маркирования гендерной информации, реализуются символические воплощения гендера. Формирование гендерных символов детерминировано типом гендерного

маркирования, а механизмом формирования символов в текстах пословиц выступает корреляция номинаций с разными типами маркирования. В исследуемом корпусе текстов представлены две лексико-семантические группы, содержащие ядерные гендерно маркированные символы: натурфакты и артефакты. В группе имен ментефактов ядерные лексеммы не выявлены.

3. В **группе имен натурфактов** представлено 3% от общего числа ядерных лексем. К символическим гендерно маркированным номинациям относятся следующие: *волк (17), собака (14), конь (13)*. Названные номинации вербализуют представления о *мужском начале*, в ряде пословиц — о *метагендерном начале*.

Репрезентация гендера осуществляется в рамках *опосредованного* типа маркирования гендерной информации на образно-символической основе. Гендерные символы в **группе имен натурфактов** реализуются в контексте параллелизма мира человека (микрокосма) и мира природы (макркосма), текстовый способ выступает в качестве основного способа вербализации.

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа корпуса текстов установлено, что *общими атрибутивными признаками* являются психосоциальные (непредсказуемость, ненадежность).

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц, содержащих ядерные номинации натурфактов, выявлены атрибутивные *монопризнаки мужского начала* (в ряде случаев *метагендерного начала*), среди которых биометрические (гастрономические пристрастия), психосоциальные (жадность, жестокость, духовная красота, доброта, сила, надежность), институционально-ролевых (отсутствие опыта), а также атрибутивные *монопризнаки женского начала*, среди которых психосоциальные (неполноценность (не человек), упрямство) и эмотивные (раздражительность).

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов установлено, что в границах исследуемого материала биометрические (гастрономические пристрастия), психосоциальные (жадность, доброта) являются *общими признаками мужского, женского и метагендерного начал*, а признаки

неполноценности и упрямства являются *бинарными*, так как характерны и для *мужского*, и для *женского начал*.

Общие психосоциальные атрибутивные признаки непредсказуемости (ненадежности) характерны для триады номинаций: *конь, кобыла, лошадь*, которая в текстах пословиц вербализует три составляющих категории гендера: *мужское, женское и метагендерное начала*.

Контаминация *общих* атрибутивных признаков транслируется в пословицах с гендерно маркированным символом *лошадь*.

«*Жених (Невеста) что лошадь: товар темный*» [Даль 2000, с. 385].

«*Лошадь холь, корми, как сына, а берегись, как ворога (как вора)*» [Даль 2000, с. 458].

«*За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену*» [Даль 2000, с. 314].

Гендерно маркированный символ *конь* в пословицах наделяется психосоциальными (духовная красота, добро, сила, надежность) и институционально-ролевыми (отсутствие опыта) атрибутивными *монопризнаками мужского начала*.

В славянском фольклоре конь выступает в качестве атрибута Свентовита, бога плодородия и белого света, также существуют представления о связи коня с потусторонним миром, что находит отражение в символике культовых сооружений, ритуалах, жертвоприношениях, гаданиях. Как отмечают исследователи, «в обрядах семейного цикла конь участвовал, прежде всего, в ритуалах «перехода» [Славянские древности 1999, с. 592].

В пословицах реализуется специфика этнического мировидения, в рамках которого утверждается значимость духовной, а не внешней красоты, проявления истинных качеств в период испытаний (в беде и в рати), ценность передачи знания и др. Способом вербализации является конструкция параллелизма, в которой номинации с *непосредственным* типом маркирования (*друг, парень и др.*), вербализующие *мужское начало*, вступают в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *конь*.

«Коня в рати узнаешь, а друга в беде» [Даль 2000, с. 392].

«Конь добр, да не езжен; дорог парень, да не учен» [Даль 2000, с. 201].

Гендерно маркированный символ *кобыла* в пословицах наделяется преимущественно отрицательными психосоциальными (неполноценность, упрямство) и эмотивными (раздражительность) атрибутивными признаками *женского начала*.

Способом вербализации выступает ряд различных по организации параллелизмов.

Эксплицитная (внутритекстовая) модель параллелизма характеризуется корреляцией номинаций с *опосредованным* и *непосредственным* типами гендерного маркирования в рамках одной пословицы.

«Кобыла не лошадь, баба не человек» [Даль 2000, с. 173].

Имплицитная (общетекстовая) модель параллелизма характеризуется корреляцией номинаций с *опосредованным* и *непосредственным* типами гендерного маркирования, расположенных в различных текстах пословиц, выявляется в рамках анализа корпуса текстов.

«Сердита кобыла на воз, а прет его под гору и в гору» [Даль 2000, с. 67].

«Сердилась баба на торг, а торг про то не ведает» [Даль 2000, с. 67].

В текстах пословиц транслируется взаимозаменяемость номинаций *жена* и *кобыла*, что обусловлено идентичностью характерного для них атрибутивного признака упрямства.

«Ехал бы прямо, да жена (да кобыла) упряма» [Даль 2000, с. 427].

Монопризнаки мужского и метагендерного начал жадность и жестокость вербализованы в пословицах с символической номинацией *волк*.

Волк в рамках славянской культуры является наиболее мифологизированным персонажем среди представителей животного мира. Символ волка связан с нечистой силой, с миром мертвых, с различными переходными периодами жизни человека. «Определяющим в символике волка является признак "чужой"» [Славянские древности 1995, с. 411].

Волк в пословицах наделяется преимущественно отрицательными психосоциальными атрибутивными признаками *мужского* и *метагендерного* начал (жадностью и жестокостью). Специфическим способом вербализации выступает конструкция параллелизма, в которой номинации с *непосредственным* типом маркирования *человек, недруг, солдат* вступают в отношения корреляции с номинацией с опосредованным типом маркирования *волк*. При этом в рамках проводимой параллели противопоставляется естественность природных качеств животного и искусственность социально обусловленных качеств человека.

«Волк по утробе вор, а человек по зависти» [Даль 2000, с. 93].

«Сытый волк смирнее ненасытного человека» [Даль 2000, с. 489].

«Не ставь недруга овцою, ставь его волком» [Даль 2000, с. 570].

«Солдат, как волк: где попало, там и рвет» [Даль 2000, с. 355].

Проявление скорби и печали символически связано с волчьим воем.

«Были были (Была быль), и бояре волком были (от стрельцов, от опричников)» [Даль 2000, с. 356].

«Хоть волком выть» [Даль 2000, с. 107].

Гендерно маркированный символ *собака* в пословицах наделяется преимущественно отрицательными биометрическими (гастрономические пристрастия) и психосоциальными (жадность) атрибутивными признаками *мужского* начала (в ряде случаев *метагендерного* начала).

В конструкции параллелизма номинации с *непосредственным* типом маркирования *солдат, бурлак*, вербализующие *мужское* начало, и номинации *человек, бары*, вербализующие *метагендерное* начало, вступают в отношения корреляции с номинацией с *опосредованным* типом маркирования *собака*.

«Цыц, собака, не съешь солдата: солдат сам собака» [Даль 2000, с. 355].

«Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака» [Даль 2000, с. 360].

«Не бей собаки, и она была человеком (обращена во пса за прожорливость)» [Даль 2000, с. 704].

«Скоромничают бары да собаки» [Даль 2000, с. 26].

В народных представлениях собака наделяется двойственной символикой и зачастую выступает в паре с кошкой. Амбивалентность символики собаки и кошки обусловлена наделением их как божественными свойствами, так и демоническими, зачастую собака и кошка противопоставляются как «мужское и женское», как «чистое и нечистое» [Славянские древности 2012, с. 93-95].

Специфическим способом вербализации гендерной пары *собака – кошка* выступает конструкция параллелизма, в которой номинации с *непосредственным* типом маркирования *мужик / муж* и *баба / жена* вступают в отношения корреляции с номинациями с *опосредованным* типом маркирования *собака и кошка*.

«Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе» [Даль 2000, с. 173].

«Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки (т. е. некому оберегать)» [Даль 2000, с. 178].

4. В **группе имен артефактов** представлено 3% от общего числа ядерных лексем, которые вербализуют три ипостаси гендера. Группа имен артефактов включает подгруппу номинаций предметов быта, в которую входят ядерная лексема *хлеб (11)*, вербализующая *мужское начало*, и ядерная лексема *печь (13)*, вербализующая *женское начало*; подгруппу номинаций фольклорного локуса, в которую входит ядерная лексема *дом (25)*, вербализующая *метагендерное начало*.

Специфика репрезентации гендерной информации раскрывается в *общих, бинарных* атрибутивных признаках и атрибутивных *монопризнаках*.

В результате внутригруппового и внутрисистемного этапов анализа текстов пословиц выявлены *общие* институционально-ролевые (семейная роль) и психосоциальные (доброта и злоба) атрибутивные признаки.

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц с символическими номинациями артефактов выявлен *бинарный* признак гендерной локализации.

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов пословиц установлено, что признак гендерной локализации является *общим* атрибутивным признаком, характерным для трёх ипостасей гендера.

В результате внутригруппового этапа анализа пословиц с символическими номинациями артефактов выявлены атрибутивный *монопризнак мужского начала* (главенство) и атрибутивный *монопризнак женского начала* (материнство).

В результате внутрисистемного этапа анализа корпуса текстов пословиц установлено, что дихотомия доминирования (главенства) и подчинения выступает *бинарным* атрибутивным признаком.

Общие атрибутивные признаки реализуются в пословицах с символом дома, который имеет объединяющее значение *мужского и женского начал* и входит в триаду номинаций: *двор, изба, дом*, вербализующих три составляющих категории гендера: *мужское, женское и метагендерное начала*.

Дом в представлениях славян является символом центра мира, понимается как «жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставлен внешнему миру (ср. свой — чужой) и потому является объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил» [Славянские древности 1999, с. 116]. Дом связан с семьей, родом, поэтому он соотносится, с одной стороны, с *мужским началом* в значении главы семьи и хозяина дома, с другой стороны, с *женским началом* в значении хранительницы домашнего очага, хозяйки дома.

В связи с контаминацией признаков *хозяина / хозяйки локуса* дом в текстах пословиц наделяется *общими признаками* доброты и злобы, семейной роли. Средством вербализации выступает параллелизм, основанный на уподоблении.

«Хозяин добр — и дом хорош; хозяин худ — и в доме тож» [Даль 2000, с. 270].

«Хозяин в дому, что медведь в бору; хозяйюшка в дому, что оладышек в меду» [Даль 2000, с. 280].

Двор в представлениях славян выступает «как часть жилого, освоенного пространства. Вместе с тем двор примыкает к чужому, внешнему миру» [Славянские древности 1999, с. 31], что обуславливает соотнесенность локуса с *мужским началом*, ориентируемым, в отличие от *женского начала*, во внешний мир, социум. В свою очередь изба символизирует *женское начало*, жилой дом, локус хозяйки, ориентирована на внутренний мир, семью.

«Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе» [Даль 2000, с. 248]

«Без хозяина двор и сир и вдов» [Даль 2000, с. 277].

«Коли изба крива — хозяйка плоха» [Даль 2000, с. 279].

Атрибутивными *монопризнаками мужского начала* в текстах пословиц обладает символ хлеба, который наделяется признаками отцовства и главенства в связи с небесной и божественной символикой, в традиционной культуре имеет сакральное значение «дара Божьего», а все действия с хлебом ритуализированы [Славянские древности 2012, с. 417-420].

«Хлеб батюшка, водица матушка» [Даль 2000, с. 413].

«Хлеб всему голова» [Даль 2000, с. 410].

«Не земля хлеб родит, а небо» [Даль 2000, с. 452].

«Хлеб — дар божий, отец, кормилец» [Даль 2000, с. 414].

Атрибутивными *монопризнаками женского начала* в пословицах обладает печь, которая в традиционной славянской культуре символизирует «средоточие семейно-родовых ценностей, источник жизни и здоровья, вместилище сакрально чистого огня», печь в качестве ритуального предмета используется в ряде свадебных и родильных обрядов [Славянские древности 2009, с. 39-43]. В текстах пословиц печь наделяется признаками материнства, соотносится с пространством внутри дома, характеризующимся как «свое» пространство и актуализирующим ограниченность *женского* локуса.

«Печь нам мать родная» [Даль 2000, с. 277].

«Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой» [Даль 2000, с. 396].

«Бабе доро́га — от печи до порога» [Даль 2000, с. 173].

5. В группе имен ментефактов ядерные лексемы не выявлены.

Символы *мужского, женского и метагендерного начал* транслируются в пословицах в рамках параллельной связи, в которой реализуются отношения корреляции между номинациями предметов и явлений мира внешнего (мира природы и артефактов) и мира собственно человеческого (социофактов и корпусфактов).

Символы собственно гендерного уровня бинарны, манифестируют дихотомию *мужского и женского*, что отражает универсальный дуализм антропоморфной модели мира, представленной в мифологии и фольклоре.

Репрезентация гендера, осуществляющаяся в рамках *непосредственного и опосредованного* типов гендерного маркирования, концептуализируется в атрибутивных признаках *мужского, женского и метагендерного начал*, вербализованных в гендерно маркированных номинациях и конструкциях текстов пословиц.

Характерные черты репрезентации гендера раскрываются в исследованных *общих, бинарных* атрибутивных признаках и *монопризнаках*, а также в выявленных *общих, бинарных* символах и *моносимволах*.

В рамках *общих* атрибутивных признаков репрезентированы *мужское и женское начала* как родовые половины цельного, общечеловеческого *метагендерного начала*.

Всего обнаружено 80 атрибутивных признаков по результатам внутрисистемного анализа.

Выявлено 28 *общих* атрибутивных признаков *мужского, женского и метагендерного начал*, что составляет 36% от общего количества признаков: биометрические атрибутивные признаки (внешность, возраст, здоровье, физическая неполноценность, гастрономические пристрастия (еда и питье); институционально-ролевые атрибутивные признаки (общность поколений, созидательная роль родителей, послушание, непослушание, семейная роль, коммуникативное поведение, гендерная локализация; психосоциальные атрибутивные признаки (положительность, отрицательность, доброта, злоба,

фатализм, бережливость, трудолюбие, лень, непредсказуемость, отзывчивость, греховность, жадность, лживость); ментально-функциональные атрибутивные признаки (сила слова, ум, глупость).

Выявлено 19 *бинарных* атрибутивных признаков *мужского и женского начал*, что составляет 23% от общего количества признаков: институционально-ролевые атрибутивные признаки (доминирование и подчинение, неравный брак, хозяйственность, гостеприимство); психосоциальные атрибутивные признаки (сила и слабость, духовное единство, неполноценность (не человек), одиночество, активность, пассивность, упрямство, расточительность, льстивость); эмотивные атрибутивные признаки (лихость); ментально-функциональные атрибутивные признаки (рациональное и духовное, интуиция (иррациональное знание).

Выявлено 25 *монопризнаков мужского начала*, что составляет 31% от общего количества признаков: институционально-ролевые атрибутивные признаки (защита, наказание, обеспечение, досуг, репутация, профессионализм, отсутствие опыта, патриотизм); психосоциальные атрибутивные признаки (строгость, духовная (внутренняя) красота, ответственность, смелость, выносливость, находчивость, удачливости, справедливости, надежность, ненадежность, противоречивость характера, хитрость, жестокость); эмотивные атрибутивные признаки (агрессивность, влюбленность); социально-экономические атрибутивные признаки (богатство, бедность).

Выявлено 8 *монопризнаков женского начала*, что составляет 10% от общего количества признаков: институционально-ролевые (необходимость опеки, гендерная темпорализация), психосоциальные (заботливость, праведность, своеволие, спесивость); эмотивные (чувствительность, раздражительность).

Всего обнаружено 76 символических воплощений гендера, представленных в группах имен натурфактов, артефактов и ментефактов.

Выявлено 18 *общих* символов *мужского, женского и метагендерного начал*, что составляет 24% от общего количества символов: *конь — кобыла — лошадь; петух — курица — птица; карась — тарань — рыба; яблочко — яблонька — дерево; трава — цветок — ягода; двор — изба — дом.*

Выявлено 32 бинарных символов мужского и женского начал, что составляет 42% от общего количества символов: *собака — кошка; баран — ярочка; козел — коза; бык — корова; кобель — сука; сокол — лебедушка; ворон — ворона; воробей — сова; голубь — голубка; змей — змея; небо — земля; огонь — вода; солнце — луна; день — ночь; топор — веретено, водяной — русалка.*

Выявлено 11 моносимволов мужского начала, что составляет 14% от общего количества символов: *волк, медведь, пес, ястреб, гусь, уж, хлеб, клин, рогатина, леший, домовой.*

Выявлено 13 моносимволов женского начала, что составляет 17% от общего количества символов: *пава, сорока, кукушка, рожь, полынь, полуночь, заря, горшок, гребень, прялка, печь, Русь, баба-яга.*

Выявлено 2 универсальных метагендерных символа, репрезентирующих и мужское, и женское начала, что составляет 3% от общего количества: *мешок, свинья.*

К ядерным относятся общие символы: *конь и дом, бинарный символ собака (гендерная пара собака — кошка), моносимволы мужского начала: волк и хлеб, а также моносимвол женского начала — печь.*

Указанные результаты исследования свидетельствуют, во-первых, о системности репрезентации гендера, в рамках которой собственно гендерный уровень, представленный мужским и женским началами, имеет и бинарные атрибутивные признаки и символы, и атрибутивные монопризнаки и моносимволы, а при объединении собственно гендерного и метагендерного начал формируются общие атрибутивные признаки и символы; во-вторых, о приоритетности симметрии, которая транслируется в максимальных показателях общих и бинарных атрибутивных признаков и символов. Значение гендерной симметрии заключается в организации гармоничного взаимодействия собственно гендерного (мужского и женского) и метагендерного начал, что составляет основу национально-культурной специфики концептуальной репрезентации гендера в русской фольклорно-языковой картине мира.

Выводы по второй главе

В рамках исследования анализу подверглось более 10000 пословиц, выявлено 557 номинаций в 5269 словоупотреблениях. Гендерно маркированные номинации представлены существительными и субстантивированными прилагательными, вербализующими образ человека в фольклорно-языковой картине мира русских пословиц, а семантика номинаций репрезентирует концептуальные области, которые в своей совокупности, системности воспроизводят коллективное знание этноса о *человеке* в категориях *мужского, женского и метагендерного начал*.

Существование в фольклорно-языковой картине мира гендерных номинаций реального и символического миров обусловило формирование двух типов гендерного маркирования: *непосредственного*, имеющего денотативно-языковую основу, и *опосредованного*, имеющего коннотативно-символическую основу.

Вербализация гендерной информации в текстах пословиц реализуется двумя основными способами: *лексическим* (на материале отдельных лексем) и *текстовым* (на материале моделей и конструкций текста).

Специфика лексического способа вербализации гендерной информации обусловлена вербализацией гендера в рамках трёх гендерных парадигм, для которых характерны два способа образования триад и диад (гендерных пар) гендерно маркированных номинаций: квазисупплетивный способ и морфологический способ словообразования. Гендерные парадигмы формируются на базе системных отношений между вербальными средствами репрезентации собственно гендерных (*мужского и женского*) и *метагендерного начал* и обладают рядом отличий от прототипических гендерных парадигм, реализуемых в системе современного русского языка [Кронгауз 2005; Янко-Триницкая 1982].

Специфика текстового способа вербализации гендерной информации заключается в отношениях корреляции между номинациями с непосредственным

и опосредованным типами гендерного маркирования, которые реализуются в рамках параллельных конструкций. В результате расширяется концептуальное значение номинаций с непосредственным гендерным маркированием и реализуется символическое значение *мужского, женского и метагендерного начал* в номинациях с опосредованным типом маркирования. Специфика взаимодействия, корреляции гендерно маркированных единиц в текстах пословиц обусловлена существующей в фольклорно-языковой картине мира связью макро- и микрокосма.

Реконструированная система гендерно маркированных номинаций демонстрирует четкую дифференциацию гендерно маркированных единиц в соответствии с их принадлежностью к конкретной лексико-семантической группе, что в определенной мере свидетельствует о достоверности выявленных закономерностей по двум основным типами гендерного маркирования. Номинации с непосредственным типом маркирования входят в состав групп имен социофактов и корпусфактов. Номинации с опосредованным типом маркирования входят в состав групп имен натурфактов, артефактов и ментефактов.

Результаты анализа специфики репрезентации гендера и способов его вербализации в текстах пословиц, исследование ядерных номинаций, выявление и интерпретация классов атрибутивных признаков, определение языковых механизмов символического воплощения гендерной информации и формирования гендерных символов демонстрируют национально-культурное знание о гендере. Концептуальное содержание гендерной информации свидетельствует об органично взаимодействующих в фольклорно-языковой картине мира *мужском, женском и метагендерном началах*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование направлено на системное изучение репрезентации гендера в фольклорном тексте на материале пословиц русского народа. Теоретическую основу предпринятого исследования составляет концепция антропоориентированного анализа языка, которая «предполагает усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке» [Кирилина 2002, с. 239], что определяет подход к изучению гендерного аспекта языка русских пословиц как подсистемы в системе русского языка. В процессе работы выявлены языковые и образно-символические основы репрезентации гендерной информации посредством реконструкции системы гендерно маркированных лексем, анализа элементов системы, её структуры, типов отношений элементов. Квантитативные и качественные характеристики системы получены на основе поэтапного применения многоуровневой методики исследования репрезентации гендера в языке русских пословиц, которая может быть экстраполирована на изучение иного фактического материала.

Выявленные основы репрезентации гендерной информации в языке пословиц позволили описать два типа гендерного маркирования: непосредственный и опосредованный.

Непосредственный тип маркирования реализуется в денотативном значении языкового знака и включает 481 гендерно маркированную лексему, что составляет 86% от общего количества гендерно маркированных лексем, и содержит 357 номинаций *мужского начала*, 107 номинаций *женского начала* и 17 номинаций *метагендерного начала*. Номинации с непосредственным типом маркирования транслируют информацию о социальных отношениях, возрастных и физиологических характеристиках человека. Наиболее значимыми в текстах пословиц являются брачно-семейные отношения, в которых репрезентирована идея непреложной ценности семьи, характеризующейся в плане квантитативных

показателей гендерной симметрией, обусловленной равнозначным ценностным статусом и *мужского*, и *женского начал*, что не вступает в противоречие с главенствующей ролью мужчины в патриархальной традиции.

Опосредованный тип маркирования реализуется в коннотативном значении языкового знака и включает 76 гендерно маркированных лексем, что составляет 14% от общего количества гендерно маркированных лексем, и содержит 33 номинации *мужского начала*, 35 номинаций *женского начала* и 8 номинаций *метагендерного начала*. Номинации с опосредованным типом маркирования транслируют информацию о культурных символах, в том числе общефольклорных. В текстах пословиц номинации с различными типами маркирования вступают в отношения корреляции, в результате которых расширяется концептуальное / символическое содержание номинаций *мужского*, *женского* и *метагендерного начал*, репрезентируется идея единства макро- и микрокосма.

Объединяет номинации с различными типами маркирования применение двух способов вербализации гендерной информации: *лексического* (на материале отдельных лексем) и *текстового* (на материале моделей и конструкций текста), а дифференцирует — доминирование одного из способов вербализации гендера: в денотативном значении языкового знака — доминирование лексического способа, а на символическом — доминирование текстового способа. Корреляция номинаций с различными типами маркирования и реализация двух способов вербализации гендера свидетельствуют о системном характере репрезентации гендера в языке русских пословиц.

Чёткая дифференциация номинаций с различными типами маркирования прослеживается в структуре реконструированной системы в рамках лексико-семантических групп. Лексемы, обладающие маркированием на денотативной основе (*непосредственный* тип гендерного маркирования), входят в состав **групп имен социофактов** (329 номинаций *мужского начала* в 3085 словоупотреблениях, 90 номинаций *женского начала* в 825 словоупотреблениях, 15 номинаций *метагендерного начала* в 110 словоупотреблениях) и **корпусфактов** (28

номинаций *мужского начала* в 420 словоупотреблениях, 17 номинаций *женского начала* в 336 словоупотреблениях, 2 номинации *метагендерного начала* в 153 словоупотреблениях). Лексемы, обладающие маркированием на коннотативной (образно-символической) основе (*опосредованный* тип гендерного маркирования), входят в состав групп **имен натурфактов** (25 номинаций *мужского начала* в 116 словоупотреблениях, 26 номинаций *женского начала* в 84 словоупотреблениях, 6 номинаций *метагендерного начала* в 34 словоупотреблениях), **артефактов** (5 номинаций *мужского начала* в 25 словоупотреблениях, 7 номинаций *женского начала* в 40 словоупотреблениях, 2 номинации *метагендерного начала* в 27 словоупотреблениях) и **ментефактов** (3 номинации *мужского начала* в 12 словоупотреблениях, 2 номинации *женского начала* в 2 словоупотреблениях, номинации *метагендерного начала* отсутствуют).

Концептуальным центром реконструированной системы гендерно маркированных номинаций являются ядерные и ключевые гендерно маркированные номинации, имеющие максимальные показатели словоупотребления в исследуемых текстах (100 слов верхнего ранга). Репрезентативность пословичного материала для исследования гендера подтверждается результатами сопоставления показателей общей частоты ключевых номинаций *мужик* и *баба* по данным текстов пословиц с аналогичными показателями номинаций по данным «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [Ляшевская 2009]. Показатель общей частоты *ipm/унам* (употреблений на миллион) ключевой номинации *мужского начала* в текстах пословиц *в девять раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка, а показатель общей частоты ключевой номинации *женского начала* в текстах пословиц *в тринадцать раз* превышает показатель общей частоты аналогичной номинации по данным частотного словаря современного русского языка.

Универсальными для каждой лексико-семантической группы являются типы отношений между номинациями: гендерная триада, включающая номинации

мужского и женского начал как видовых по отношению к родовой номинации *метагендерного начала*; гендерная диада (пара), которая включает в себя номинации *мужского и женского начал*; гендерная лакунарная единица, вербализующая одно из *гендерных начал*.

Культурно-историческая специфика репрезентации гендерной информации в текстах пословиц находит отражение в системе симметрично-асимметричных характеристик гендера в качественном и количественном аспектах.

Система гендерно маркированных номинаций характеризуется наличием *гендерной симметрии* в пределах гендерных триад и диад (пар). Приоритетность гендерной симметрии проявляется в преодолении асимметрии с помощью компенсации лакунарности путем образования неканонических гендерных пар.

Симметрия гендера в рамках качественных показателей основана на гармоничном взаимодействии *мужского и женского начал* как комплементарной дихотомии гендера, на репрезентации *метагендерного начала*, объединяющего *мужское и женское начала* как родовые половины единого общечеловеческого начала.

Преобладание гендерной симметрии в качественном и количественном аспектах репрезентации гендерной информации о *мужском, женском и метагендерном началах* подтверждается приоритетностью *общих и бинарных* атрибутивных признаков и символов по сравнению с *монопризнаками и моносимволами*.

Симметрия гендера предпочтительнее асимметрии в репрезентируемом коллективном народном самосознании в связи со стремлением к гармонизации отношений между *мужским и женским началом* в социокультурном пространстве.

Качественные показатели асимметрии гендера определяются доминированием *мужского начала*, реализуются в оппозиционной дихотомии *мужского и женского начал, монопризнаках и моносимволах*. Гендерная асимметрия на вербальном уровне установлена в рамках лакунарных единиц, выявлены биологические, социальные и языковые факторы образования гендерных лакун.

Результаты количественного анализа позволяют сделать выводы о специфике гендерной симметрии и гендерной асимметрии в частотных и количественных показателях.

Симметрия *мужского* и *женского* начал характерна для показателей средней частоты лексем в пределах исследуемого материала в связи с тем, что установлены равнозначные показатели для единиц, вербализующих *мужское* и *женское* начала, которые равны 9, а асимметрия выявлена в связи с доминированием количества лексем и количества словоупотребления лексем, вербализующих *мужское* начало, по сравнению с количеством лексем и количеством словоупотреблений лексем, вербализующих *женское* и *метагендерное* начала. Количественные показатели вербализации *метагендерного* начала (средняя частота лексем в пределах исследуемого материала равна 13) служат обоснованием наличия выявленной симметрии. В связи с тем, что *метагендерное* начало репрезентирует единое общечеловеческое начало, оно транслирует идею симметричности гендера.

Приоритетность симметрии как характеристики системы гендерно маркированных номинаций свидетельствует о гармонизации социально и культурно обусловленного традиционно-народного образа человека, вербализованного в языке пословиц.

Исследование репрезентации концептуальной гендерной информации о *мужском*, *женском* и *метагендерном* началах, а также анализ способов вербализации (языкового и речевого воплощения) гендера в фольклорном тексте являются перспективным направлением развития гендерных исследований в лингвистике и лингвофольклористике в связи с тем, что способствуют углубленному системному изучению репрезентации гендерной информации на материале пословиц, обогащению знаний о языке русских пословиц, репрезентирующих исторически обусловленную, социально и культурно гендерно маркированную информацию о человеке в языке фольклора как особой эстетически маркированной подсистеме в рамках системы русского языка. Дальнейшим направлением исследования видится сопоставительный анализ

репрезентации гендера и способов его вербализации на материале фольклорных текстов различных жанров.

Материалы исследования

1. Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц / А. А. Барсов. – Москва : Императорский Московский университет, 1770. – 244 с.
2. Бобунова М. А. Конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск : Издательство КГУ, 2007. – 258 с.
3. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Москва : Эксмо-Пресс, 2000. – 468 с.
4. Соболевский А. И. Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. — Санкт-Петербург : Государственная типография. –, 1895—1907. — Т. 1—7.
Т. 1. — 1895. — XII, 628 с.
Т. 2. — 1896. — XVI, 588 с.
Т. 3. — 1897. — XVI, 512 с.
Т. 4. — 1898. — XXVI, 722 с.
Т. 5. — 1899. — XVI, 644 с.
Т. 6. — 1900. — XVI, 544 с.
Т. 7. — 1902. — XX, 708 с.

Словари и энциклопедии

5. Большой психологический словарь / под редакцией: Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко – Санкт-Петербург : Прайм-еврознак, 2003. – 672 с.
6. Энциклопедия символов / Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко, А. Н. Гордиенко ; под редакцией О. В. Перзашкевича. – Москва : Эксмо, 2007. – 304 с.
7. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / О. В. Белова. – Москва : Индрик, 1999. – 320 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1880. – Т. 1. – 723 с.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 18801. – Т. 2. – 814 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1882. – Т. 3. – 576 с.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1882. – Т. 4. – 704 с.
12. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1168 с.
13. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : около 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Русский язык, 1998. – 846 с.
14. Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – 1190 с.
15. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1983. – 816 с.
17. Рошаль В. М. Энциклопедия символов / В. М. Рошаль. – Москва : Санкт-Петербург : Издательство АСТ : Сова, 2008. – 1007 с.
18. Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – Москва : Международные отношения, 2002. – 512 с.
19. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1: Август – Гусь. – 584 с.

20. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2: Давать – Крошки. – 702 с.
21. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2004. – Т. 3: Круг – Перепелка. – 704 с.
22. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2009. – Т. 4: Переправа через воду – Сито. – 656 с.
23. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2012. – Т. 5: Сказка – Ящерица. – 736 с.
24. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
26. Фелицына В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – Москва : Русский язык, 1979. – 240 с.
27. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург : Семеновская типолитография, 1900. – Т. XXIX (57): Сахар – Семь мудрецов. – 483 с.
28. Языкознание : большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Изд. 2-е. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Литература

29. Аврелий А. О супружестве и похоти / А. Аврелий // Трактаты о любви / редактор О. П. Зубец. – Москва : ИФ РАН, 1994. – 187 с.

30. Адоньева С. Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции / С. Б. Адоньева // Живая старина. – 1998. – № 1. – С. 26–28.
31. Адоньева С. Б. Суженый – ряженный – animus – бес.../ С. Б. Адоньева // Категория ненастоящего времени. Антропологические очерки. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001. – С. 77–100.
32. Алексеева М. П. Явление лакунарности в семантизации гендерного компонента / М. П. Алексеева, Е. Г. Басалаева // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск : Издательство НГПУ, 2009. – С. 173–179.
33. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 344 с.
34. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
35. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.
36. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
37. Амроян И. Ф. Семантический и синтаксический параллелизм в славянских заговорно-заклинательных формулах (на примере русских, болгарских и чешских заговорных текстов) / И. Ф. Амроян // Филологические науки. – 2003. – № 4. – С. 41–50.
38. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор : пособие для учителя / В. П. Аникин. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 240 с.
39. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

40. Арапов М. В. Употребительность и многозначность слова / М. В. Арапов // Ученые записки Тартуского университета. – 1987. – Вып. 774. – С. 15–28.
41. Аристотель. О возникновении животных / Аристотель. – Москва : Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1940. – 250 с.
42. Артеменко Е. Б. Концепт. Образ. Язык (часть I) / Е. Б. Артеменко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 85-91.
43. Артеменко Е. Б. Концепт. Образ. Язык (часть II) / Е. Б. Артеменко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 5–10.
44. Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е. Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы научной Региональной конференции. 2004 г. – Воронеж, 2006. – С. 138–150.
45. Артеменко Е. Б. Миф – фольклор: аспект модальности в концептуальной и языковой презентации / Е. Б. Артеменко // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2012. – Вып. 12. – С. 262–280.
46. Артеменко Е. Б. Пословица как знак / Е. Б. Артеменко // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: проблемы и перспективы. – Петрозаводск, 2007. – С. 90–98.
47. Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е. Б. Артеменко. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1988 – 173 с.
48. Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации / Е. Б. Артеменко. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1977. – 159 с.
49. Артеменко Е. Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации. Опыт структурно-когнитивного анализа / Е. Б. Артеменко // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сборник докладов. – Москва, 2006. – Т. 2. – С. 6–24.
50. Артеменко Е. Б. Фольклорная категоризация мира и мифологическое мышление (к вопросу о генетических основах фольклорных синонимических

парадигм) / Е. Б. Артеменко // Традиционная культура : научный альманах. – 2004. – № 3. – С. 3–12.

51. Артеменко Е. Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет / Е. Б. Артеменко // Традиционная культура : научный альманах. – 2001. – № 2 (4). – С. 11–17.

52. Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) / Е. Б. Артеменко // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научной конференции. – Москва. – 2003. – Вып. 5. – С. 7–21.

53. Артеменко Е. Б. Язык фольклора в аспекте когнитивной лингвистики / Е. Б. Артеменко // Теоретические проблемы современного языкознания : сборник научных статей в честь юбилея заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора З. Д. Поповой. – Воронеж : ВГУ, 2009. – С. 81–87.

54. Артеменко Е. Б. Образный параллелизм в его концептуальном и языковом воплощении / Е. Б. Артеменко, С. И. Доброва // Филологические записки. – Воронеж, 2000. – Вып. 14. – С. 132–147.

55. Артеменко Е. Б. Эстетически обусловленные модификации структурных схем предикативных единиц в стихотворном фольклоре / Е. Б. Артеменко, Л. Е. Писарева // Синтагматика и парагматика фольклорного слова. – Курск, 1992. – С. 20–37.

56. Атрощенко Ю. Ю. Гендерная проблематика современной фольклористики / Ю. Ю. Атрощенко // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. – 2010. – № 3 – С. 9–15.

57. Байрамова Л. К. Лакунарные единицы и лакуны // Лакуны в языке и речи : сборник научных трудов. – Благовещенск, 2006. – Вып. 3. – С. 3–7.

58. Белозерова А. В. Языковая репрезентация коммуникативного поведения инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Белозерова. – Иваново, 2016. – 210 с.

59. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый ; составитель, вступительная статья и примечания Л. А. Сугай. – Москва : Республика, 1994. – 528 с.
60. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
61. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Республика, 1993. – 383 с.
62. Бердяев Н. А. Русский соблазн: по поводу «Серебряного голубя» А. Белого / Н. А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. ; составитель, вступительная статья и примечания Р. А. Гальцева. – Москва : Искусство, 1994. – С. 425–438.
63. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев ; составитель и ответственный редактор О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
64. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы / М. А. Бобунова. – Курск : Издательство Курского государственного университета, 2004. – 240 с.
65. Богатырев П. Г. Народная культура славян / П. Г. Богатырев ; составители: Е. С. Новик, Б. С. Долгин ; под редакцией Е. С. Новик. – Москва : ОГИ, 2007. – 368 с.
66. Богатырев П. Г. Язык фольклора / П. Г. Богатырев // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106–116.
67. Борискина О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. – 211 с.
68. Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригена / А. И. Бриллиантов. – Москва : Мартис, 1998. – 446 с.
69. Брысина Е. В., Супрун В. И. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании // Вестник Волгоградского государственного

университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 16–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.2>.

70. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

71. Варфоломеев А. П. Психосемантика слова и лингвостатистика текста : методические рекомендации к спецкурсу / А. П. Варфоломеев. – Калининград : Калининградский университет, 2000. – 37 с.

72. Введение в гендерные исследования : учебное пособие для студентов вузов / И. В. Костиков и др. ; под общей редакцией И. В. Костиковой. – Москва : Аспект Пресс, 2005. – 235 с.

73. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 2006. – 416 с.

74. Веселовский А. Н. Избранные статьи / А. Н. Веселовский ; под общей редакцией: М. П. Алексеева, В. А. Десницкого, В. М. Жирмунского и А. А. Смирнова ; вступительная статья В. М. Жирмунского ; комментарии М. П. Алексеева. – Ленинград : Художественная литература, 1939. – 572 с.

75. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – Москва : Русский язык, 2001. – 720 с.

76. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 3–29.

77. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; составители: И. С. Добронравов, Д. Г. Лахути, В. Н. Садовский ; перевод с немецкого: И. С. Добронравов, Д. Г. Лахути ; общая редакция и предисловие В. Ф. Асмуса. – Москва : Наука, 1958. – 133 с.

78. Воронина О. А. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / О. А. Воронина. – Москва : МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.

79. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Изд. 5-е, испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.

80. Гацак В. М. Пространство этнопоэтических констант / В. М. Гацак // Народная культура Сибири : материалы 8-го научно-практического семинара

- Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 1999. – С. 109–115.
81. Головин Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1970. – 190 с.
82. Горбацкая О. Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей : автореф дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Горбацкая. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 20 с.
83. Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования / М. Д. Городникова // Гендер как интрига познания : сборник статей. – Москва, 2000. – С. 81–92.
84. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма : монография / Е. И. Горошко. – Харьков : Инжек, 2003. – 440 с.
85. Гоффман Э. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Э. Гоффман ; перевод с английского: Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко ; под редакцией: Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. – Москва : Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
86. Гоффман Э. Гендерный дисплей / Э. Гоффман // Введение в гендерные исследования : хрестоматия / под редакцией С. В. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ : Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – Ч. 2. – С. 306–335.
87. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гоффман ; перевод с английского и вступительная статья А. Д. Ковалева. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
88. Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Э. Гоффман ; перевод с английского: С. С. Степанов, Л. В. Трубицына ; под редакцией: Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2009. – 319 с.
89. Григорян А. А. Дискурс и гендер / А. А. Григорян // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады 3-й Международной конференции. — Москва, 2003. – С. 36–38.
90. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Е. С. Гриценко. – Новгород, 2005. – 48 с.

91. Гришаева Л. И. Дискурсивный фактор «гендер» и организация информации в тексте / Л. И. Гришаева // Гендер: язык, культура, коммуникация : Доклады 3-й Международной конференции. – Москва, 2003. – С. 38–39.
92. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; перевод с немецкого языка под редакцией и с предисловием Г. В. Рамишвили. – 2-е. изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с.
93. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Идрик, 1997. – 912 с.
94. Декатова К. И. Фразеологические единицы как средства вербализации политических мифов / К. И. Декатова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2(145). – С. 131-134.
95. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт. – Москва : Мысль, 1989. — Т. 1. – 654 с.
96. Деррида Ж. О грамматиологии / Ж. Деррида ; перевод с французского и вступительная статья Н. Автономовой. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
97. Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма / А. С. Десницкий. – Москва : Библейско-богословский институт, 2007. – 299 с.
98. Доброва С. И. Гендерный аспект формул параллелизмов-перечней в любовных заговорах / С. И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы 9-й Международной научно-практической конференции / научный редактор А. Д. Черенкова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 202–215.
99. Доброва С. И. Два сценария реализации заговорной формулы отсылки к болезни / С. И. Доброва // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – 2016. – № 2-2 (8). – С. 99–102.
100. Доброва С. И. Концептуальные основы феномена формализации приема поэтического мышления в фольклорном тексте / С. И. Доброва // Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период : сборник научных статей. – Москва, 2011. – Вып. 14. – С. 160–178.

101. Доброва С. И. Полвека Воронежской школе лингвофольклористики / С. И. Доброва, В. А. Черванева // Традиционная культура : научный альманах. — Москва, 2007. — № 2 (26). — С. 74–78.
102. Доброва С. И. Репрезентация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц) / С. И. Доброва, М. В. Мудрая // Известия ВГПУ. — 2017. — Т. 275, № 2. — С. 175–181.
103. Доброва С. И. Семантика субъективного плана и типология формул параллелизмов биномов (на материале заговорных текстов) / С. И. Доброва // Известия ВГПУ. — 2013. — Т. 260, № 1. — С. 192–198.
104. Доброва С. И. Семиотические основы параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С. И. Доброва // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 34–37.
105. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия : монография / С. И. Доброва. — Воронеж : ВГПУ, 2004. — 175 с.
106. Доброва С. И. Параллелизм мира природы и мира человека в свете философской теории познания / С. И. Доброва // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике : материалы 5-й Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 26 июня 2015 г.) / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары, 2015. — С. 307–311.
107. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. — Москва, 1990. — С. 90–96.
108. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; перевод с французского и послесловие А. Б. Гоффмана. — Москва : Наука, 1990. — 575 с.
109. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. / А. П. Евгеньева. — Москва : Ленинград : Издательство АН СССР. Ленинградское отделение, 1963. — 348 с.
110. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 26–38.

111. Закирова Ю. А. Лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий: на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Закирова. – Москва, 2012. – 22 с.
112. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2012. – 696 с.
113. Звегинцев В. А. Проблема взаимоотношения языка и мышления и НТР / В. А. Звегинцев // Вопросы философии. 1977. – № 4. – С. 88–94.
114. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под редакцией: Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. – Москва, 1993. – С. 90–136.
115. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18–20 вв.) / Р. Зидер. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 301 с.
116. Зыкова И. В. Гендер – конструкт фразеосферы русской и английской культур (о проблеме межкультурного общения) / И. В. Зыкова // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады 3-й Международной конференции. – Москва, 2003. – С. 50–51.
117. Ибрагимова Л. К. Отражение гендерных отношений в таджикских народных сказках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Ибрагимова. – Душанбе, 2004. – 22 с.
118. Иванов В. И. О достоинстве женщины / В. И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы / В. И. Иванов. – Санкт-Петербург : Оры, 1909. – С. 377–392.
119. Иванов В. И. Спорады / В. И. Иванов // Родное и вселенское. – Москва : Республика, 1994. – 428 с.
120. Йонас Г. Гностицизм / Г. Йонас. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 384 с.
121. Казнин Л. Н. Гендерное измерение пола / Л. Н. Казнин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2011 – № 3 (1). – С. 387–392.

122. Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Калугина. – Ставрополь, 2008. – 24 с.
123. Калугина Е. Н. Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике: состояние и перспективы / Е. Н. Калугина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (25), ч. 1. – С. 79–81.
124. Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего / О. Л. Каменская // Гендер как интрига познания. Пилотный выпуск. – Москва : Издательство Рудомино, 2002. – С. 13–20.
125. Кант И. Сочинения : в 8 т. / И. Кант ; под общей редакцией А. В. Гулыги. – Москва : Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
126. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант. – Москва : Наука, 1980. – 710 с.
127. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
128. Каркищенко Е. А. Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Каркищенко. – Москва, 2013. – 24 с.
129. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа / Ю. Ю. Карпов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001. – 416 с.
130. Кащеева А. В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике / А. В. Кащеева // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 3 (049). – С. 155–162.
131. Кирилина А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации. / А. В. Кирилина // Кавказоведение. Caucasiology. – 2002. – № 2. – С. 134–141.
132. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва : Институт социологии РАН, 1999. – 155 с.

133. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. В. Кирилина. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 252 с.
134. Кирилина А. В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 18–27.
135. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – С. 112–132.
136. Китайгородская М. В. Вариативность в выражении роду существительных при обозначении женщин по профессии / М. В. Китайгородская // Социально-лингвистические исследования / под редакцией: Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. – Москва, 1976. – С. 144–155.
137. Клецин А. А. Предисловие редактора / А. А. Клецин // Гендерные тетради. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 1. – С. 5–11.
138. Климас И. С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. С. Климас. – Орел, 2005. – 40 с.
139. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Е. А. Климов. – Москва : Академия, 2004. – 304 с.
140. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник. / И. М. Кобозева. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : Книжный дом «Либриком», 2012. – 312 с.
141. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
142. Комлев Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты / Н. Г. Комлев. – Москва : Издательство МГУ, 1992. – 216 с.
143. Кон И. С. Ребенок и общество. / И. С. Кон. – Москва : Наука, 1988. – 336 с.
144. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Э. Кон. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 344 с.

145. Коновалова С. А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Коновалова. – Москва, 2005. – 22 с.
146. Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику / М. В. Копотев. – Прага : Animedia Company, 2014. – 230 с.
147. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – 2-е изд. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2010. – 192 с.
148. Коростелева Л. В. Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке (по материалам лексикографии) : монография / Л. В. Коростелева. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013. – 115 с.
149. Кошарная С. А. Языковая личность в контексте этнокультуры / С. А. Кошарная. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 219 с.
150. Кретов А. А. Исследование языка сказок / А. А. Кретов // История собирания и изучения фольклора и этнографии в Воронежском крае. – Воронеж, 2016. – С. 60–67.
151. Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке / М. А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – Москва, 1996. – С. 510–525.
152. Кронгауз М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2005. – 352 с.
153. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной / Т. Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики. – Москва, 1975. – С. 186–200.
154. Ладов В. А. Семантика и онтология: Проблема реальности в аналитической философии : учебное пособие / В. А. Ладов. – Томск : Издательство Томского университета, 2010. – 134 с.
155. Лазутин С. Г. Сравнения в пословицах и поговорках / С. Г. Лазутин // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. – Воронеж, 1986. – С. 3–9.

156. Лайтман М. Основы каббалы / М. Лайтман. – Москва : НПФ «Древо Жизни», 2003. – 640 с.
157. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – Москва : Гнозис, 1995. – 106 с.
158. Лакофф Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф // Введение в гендерные исследования. / под редакцией С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001 ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 784–798.
159. Ларина Л. И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Ларина. – Курск, 1990. – 19 с.
160. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс ; перевод с французского В. В. Иванова. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
161. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Г. В. Лейбниц // Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
162. Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения : в 2 т. – Москва, 1983. – Т. 2. – С. 251–261.
163. Леонтьев А. А. Психоллингвистика / А. А. Леонтьев. – Ленинград : Наука, 1967. – 118 с.
164. Лисицына Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия / Т. А. Лисицына // Фигуры Танатоса: философский альманах. Специальный выпуск. – Санкт-Петербург, 1995. – Вып. 5. – С. 56–58.
165. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1985. – 575 с.
166. Лихт Г. Отрочество и греческий идеал красоты / Г. Лихт // Сексуальная жизнь в Древней Греции / Г. Лихт ; перевод с английского В. В. Федорина. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1995. – 400 с.
167. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – Москва : Издательство МГУ, 1982. – 479 с.

168. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 542 с.
169. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.
170. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия ; под редакцией Е. Д. Хомской. – Москва : МГУ, 1979. – 320 с.
171. Любимова Н. А. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих / Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 13–20.
172. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Г. И. Мальцев ; ответственный редактор А. Ф. Некрылова. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1989. – 165 с.
173. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
174. Махонина А. А. Проблема описания лексической лакунарности: на материале русско-английских субстантивных лакун : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Махонина. – Воронеж, 2006. – 25 с.
175. Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства / Е. М. Мелетинский // Ранние формы искусства. – Москва : Искусство, 1972. – С. 149–189.
176. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1986. – 318 с.
177. Моление Даниила Заточника: подготовка текста, перевод с древнерусского, примечания // Повести Древней Руси XI–XII веков / составитель Н. В. Поньрко. – Ленинград, 1983. – С. 414–425, 565–567.
178. Мудрая М. В. Вербализация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц) / М. В. Мудрая // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы 9-й Международной научно-практической конференции / научный редактор А. Д. Черенкова. – Воронеж, 2017. – С. 242–247.

179. Мудрая М. В. Гендерная симметрия и асимметрия в фольклорном тексте (на материале пословиц) / М. В. Мудрая // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 63–68.
180. Мудрая М. В. Лексико-семантическое поле гендера в фольклоре (на материале лирических песен) / М. В. Мудрая // Язык и культура. – Новосибирск, 2017. – № 27. – С. 149–160.
181. Мудрая М. В. Реконструкция системы гендерно маркированных лексем (на материале пословиц) / М. В. Мудрая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 10 (76), ч. 3. – С. 142–146.
182. Мудрая М. В. Ядерная гендерно маркированная лексика (по данным текстов пословиц) / М. В. Мудрая // Лингвофольклористика : сборник научных статей. – Курск, 2018. – № 27. – С. 148–158.
183. Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3–7.
184. Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира / М. Я. Немировский // Памяти академика Н. Я. Марра (1854–1934). – Москва : Ленинград, 1938. – С. 196–225.
185. Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). Монография / С. Е. Никитина. – Москва : Институт наследия им. Д. С. Лихачёва, 2013. – 312 с.
186. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – Москва : Наука, 1993. – 187 с.
187. Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) / С. Е. Никитина. – Москва : Советский писатель, 2009. – 354 с.
188. Нисский Г. Избранные творения. Духовная сокровищница / Г. Нисский. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2010. – 384 с.
189. Нойманн Э. Великая Мать. Глубинная психология и психоанализ / Э. Нойманн ; перевод И. Ерзина. – Москва : Издательство «Добросвет» (КДУ), 2012. – 410 с.

190. Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора / И. А. Оссовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. – Москва, 1979. – С. 199–252.
191. Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 93–112.
192. Павлюк Н. А. Категория рода и гендерная лакуна / Н. А. Павлюк // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования. Языки и специальность. – 2009. – № 3. – С. 21–25.
193. Палаева И. В. Реконструкция гендерной концептосферы в картине мира среднеанглийского периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Палаева. – Владивосток, 2005. – 25 с.
194. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – Москва : Наука, 1971. – 232 с.
195. Патроева Н. В. Вводные конструкции в русском песенном фольклоре / Н. В. Патроева // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа : Сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции, Петрозаводск, 16–19 сентября 2015 года / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2015. – С. 41–45.
196. Патроева Н. В. Сравнительные обороты в фольклорном тексте (на материале русских народных песен) / Н. В. Патроева // Лингвофольклористика. – 2016. – № 24. – С. 47–55.
197. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 236 с.
198. Петров А. М. Сюжетные функции огненной стихии в русской народно-православной культуре / Петров А.М. // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 51. – С. 48–64.
199. Петров А. М. Синтаксис русских духовных стихов / А. М. Петров. – Петрозаводск : Карельский научный центр Российской академии наук, 2012. – 164 с. – ISBN 9785927405534. С. 4–12.

200. Петрова Г. И. Репрезентативная функция языка: классическая и современная интерпретации / Г. И. Петрова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 (20). – С. 34–39.
201. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка / Ж. Пиаже // Семиотика. – Москва : Радуга, 1983. – С. 133–137.
202. Пиотровский Р. Г. Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. – Москва : Высшая школа, 1977. – 383 с.
203. Платон. Пир / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2. – 528 с.
204. Полищук Е. Н. Женское движение в России: потребность времени или анархия? / Е. Н. Полищук // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2013. – № 4 (41). – С. 1–20.
205. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 30 с.
206. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – 191 с.
207. Потебня А. А. Мысль и язык: эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 612 с.
208. Праведников С. П. Семантико-функциональная характеристика имени числительного в фольклорном тексте (на материале различных фольклорных жанров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. П. Праведнико. – Курск, 1994. – 16 с.
209. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград : Academia, 1928. – 151 с.
210. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1955. – 552 с.

211. Прудникова Е. С. Семантическая структура гендерных стереотипных образов «женщина» и «мужчина» в сопоставительном аспекте (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Прудникова. – Томск, 2013. – 20 с.
212. Путилов Б. Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии / Б. Н. Путилов // Русская литература. – 1963. – № 4. – С. 100–114.
213. Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях / Н. Л. Пушкарева // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 76–86.
214. Пушкарева Н. Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 27–42.
215. Пушкарева Н. Л. Читаем сказки «сквозь гендерные очки» / Н. Л. Пушкарева // Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство / ответственный редактор К. В. Султанов. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 164–178.
216. Радчук О. Супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака / О. Радчук // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Сер. Филология. – 2015. – № 1152. – С. 22–26.
217. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – Москва : АО «КАМІ» : Academia, 1995. – 160 с.
218. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Педагогические сочинения : в 2 т. / Ж.-Ж. Руссо ; под редакцией Г. Н. Джибладзе ; составитель А. Н. Джурицкий. – Москва : Педагогика, 1981. – Т. 1. – 656 с.
219. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1981. – 406 с.
220. Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья / Б. А. Рыбаков. // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30.
221. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии серебряного века / О. В. Рябов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1997. – 157 с.

222. Савельева Л. В. Личность. Культура. Общество / Л. В. Савельева, Н. В. Патроева // Журнал Института философии РАН. – 2009. – Т. 11, вып. 3 (50). – С. 699–703.
223. Савельева Т. В. Южноуральская частушка в гендерном аспекте / Т. В. Савельева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 6 (260). – С. 118–121.
224. Сапогова Е. Е. Гендерные концепты сознания в контексте социокультурной психологии / Е. Е. Сапогова // Языки и картина мира : материалы Всероссийской научной конференции, 12–15 марта 2002 г. / под редакцией М. Ф. Чикуровой. – Тула, 2002. – С. 132–139.
225. Сергеева М. В. Заполнение гендерных лакун в британской толковой лексикографии / М. В. Сергеева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2009. – № 11. – С. 268–270.
226. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 238 с.
227. Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы / С. Смит // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154–161.
228. Соболевская А. П. К вопросу о классификации фразеологизмов (на материале русского языка) / А. П. Соболевская // Семантические процессы в языке и речи : материалы ежегодного научного семинара аспирантов. – Калининград, 2005. – С. 105–113.
229. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В. К. Соколова. – Москва : Наука, 1979. – 286 с.
230. Соловьев В. С. Смысл любви. Избранные произведения / В. С. Соловьев ; составитель, вступительная статья и комментарии: Н. И. Цимбаев. – Москва : Современник, 1991. – 525 с.
231. Срезневский И. И. Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен / И. И. Срезневский // ИОРЯС. – 1855. – Т. 4, вып. 7. – С. 381–397.

232. Сташкова М. А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Сташкова. – Москва, 2015. – 22 с.
233. Степанов Ю. С. Константы. Словарь концептов русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
234. Стернин И. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – 151 с.
235. Стрекалова У. С. Семантика гендера в русской языковой картине мира : на материале поговорок : автореф. дис. ... канд. филол. наук / У. С. Стрекалова. – Калининград, 2011. – 23 с.
236. Тарасова Е. А. Лексические лакуны в межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка) / Е. А. Тарасова // Лакуны в языке и речи : сборник научных трудов / под редакцией: Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2. – С. 224–230.
237. Тарланов З. К. Очерки по синтаксису русских пословиц / З. К. Тарланов. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1982. – 136 с.
238. Тарланов З. К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1999. – 448 с.
239. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
240. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
241. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале / С. М. Толстая. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
242. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – Москва : URSS, 2010. – 368 с.

243. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии / Н. И. Толстой // Славянское языкознание : 6-й Международный съезд славистов. – Москва, 1968. – С. 339–365.
244. Томская М. В. Гендерный аспект социального рекламного дискурса / М. В. Томская // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады 1-й Международной конференции. – Москва, 2001. – С. 328–333.
245. Томская М. В. Современное представление женщины в текстах социальной рекламы / М. В. Томская // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы : материалы Международной научной конференции. – Иваново, 1999. – С. 76–77.
246. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – Москва, 1987. – С. 99–133.
247. Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах / В. Н. Топоров // Структура текста. – Москва, 1980. – С. 3–58.
248. Трофимова Е. И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории / Е. И. Трофимова // Женщина в российском обществе. – 2000. – № 4. – С. 32–39.
249. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма / М. К. Трофимова. – Москва : Наука, 1979. – 216 с.
250. Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и святая София : публичная лекция / Е. Н. Трубецкой. – Изд. 2-е. – Москва : Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1915. – 32 с.
251. Тулдава Ю. А. Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики / Ю. А. Тулдава. – Тарту : ТГУ, 1987. – 203 с.
252. Уфимцева А. А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – Москва : Наука, 1980. – С. 5–80.
253. Ушакин С. А. Поле пола / С. А. Ушакин. – Вильнюс : ЕГУ. – Москва : Вариант, 2007. – 320 с.

254. Ушакова Т. Н. Природные основания речезыковой способности (анализ раннего речевого развития) / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание: формирование и функционирование. – Москва, 1998. – С. 7–22.
255. Уэст К. Создание гендера (doing gender) / К. Уэст, Д. Зиммерман // Гендерные тетради. Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 1. – С. 94–124.
256. Фадеева И. Е. Семиозис: субъективная антропология символической реальности : монография / И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов. – Санкт-Петербург : Астерион, 2013. – 251 с.
257. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. – 8-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 263 с.
258. Федотов Г. П. Собрание сочинений : в 12 т. / Г. П. Федотов ; примечания С. С. Бычков. – Москва : Мартис, 2001. – Т. 10. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. – 382 с.
259. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский // Малое собрание сочинений. – Москва : Купина, 1993. – Вып. 1. Имена. – 319 с.
260. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Исследования по фольклору и мифологии Востока / О. М. Фрейденберг. – Москва : Наука, 1978. – 605 с.
261. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; перевод с французского, составитель, комментарии и послесловие С. Табачниковой. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с.
262. Халеева И. И. Гендер как интрига познания / И. И. Халеева // Гендер как интрига познания : сборник статей. – Москва, 2000. – С. 9–18.
263. Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – Москва : Издательство МГУ, 1972. – 123 с.
264. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта : Наука., 2010. – 152 с.

265. Хроленко А. Т. К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне / А. Т. Хроленко // Известия ВГПИ. – 1968. – Т. 81. – С. 42–54.
266. Хроленко А. Т. Курская лингвофольклористика / А. Т. Хроленко // Лингвофольклористика : сборник научных статей. – Курск, 2008. – № 14. – С. 4–8.
267. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1981. – 164 с.
268. Хроленко А. Т. Что такое лингвофольклористика? / А. Т. Хроленко // Русская речь. – 1974. – № 1. – С. 36–41.
269. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1992. – 140 с.
270. Хроленко А. Т. Современные информационные технологии для гуманитария : практическое руководство / А. Т. Хроленко, А. В. Денисов. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 128 с.
271. Хроленко А. Т. Теория языка : учебное пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов ; под редакцией В. Д. Бондалетова. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2012. – 512 с.
272. Хузина Э. С. Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке: на материале паремий и авторских афоризмов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. С. Хузина. – Казань, 2012. – 24 с.
273. Чебанов С. В. Типология мнимостей, относящихся к представлениям о поле / С. В. Чебанов // Гендерный подход в антропологических дисциплинах : материалы научной конференции, 19–21 февраля 2001 г. / составители: К. А. Богданов, А. А. Панченко. – Санкт-Петербург : Алетейя : Институт Русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук, 2001. – 480 с.
274. Черванева В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) : монография / В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко. – Воронеж : ВГПУ, 2004. – 183 с.

275. Черноусова И. П. Фольклорно языковая картина мира, представленная в диалоговой модели (на материале былины) / И. П. Черноусова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 349–359.
276. Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины) : дис. ... д-ра филол. наук / И. П. Черноусова. – Елец, 2015. – 532 с.
277. Черных О. Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Черных. – Москва, 2012. – 182 с.
278. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор : очерки теории / К. В. Чистов. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1986. – 303 с.
279. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сборник статей / К. В. Чистов. – Москва : ОГИ, 2005. – 272 с.
280. Чучин-Русов А. Е. Гендерные аспекты культуры / А. Е. Чучин-Русов // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 141–153.
281. Шаймарданова М. Р. Прагмалингвистический анализ гендерно-маркированных паремий (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Р. Шаймарданова. – Казань, 2015. – 23 с.
282. Шахнович М. И. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок / М. И. Шахнович // Советский фольклор. – 1936. – № 4/5. – С. 299–368.
283. Шлегель Ф. О философии. К. Доротее / Ф. Шлегель // Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. – Москва : Искусство, 1983. – Т. 1. – 479 с.
284. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1990. – 288 с.
285. Шпренгер Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г. Инститорис. – Саранск : НОРД, 1991. – 352 с.
286. Шушанян Н. С. Гендерный стереотип в фольклоре как отражение менталитета народа (на примере былины) / Н. С. Шушанян // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (121). – С. 212–216.

287. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде ; перевод с французского, предисловие и комментарии Н. К. Гарбовского. – Москва : Издательство Московского государственного университета. – 1994. – 144 с.
288. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев : Государственная библиотека литературы для юношества, 1996. – 384 с.
289. Юнг К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг ; перевод: И. Н. Сиренко, С. Н. Сиренко, Н. А. Сиренко. – Москва : Серебряные нити, 2017. – 352 с.
290. Якобсон Р. О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты / Р. О. Якобсон // Работы по поэтике. – Москва, 1987. – С. 99–132.
291. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 343 с.
292. Янко-Триницкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие словообразования современного русского языка. – Москва, 1966. – С. 153–167.
293. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология / Н. А. Янко-Триницкая. – Москва : Русский язык, 1982. – 246 с.
294. Attenborough F. Words, contexts, politics / F. Attenborough // Gender and Language, special issue: Gender, language and the media. Equinox. – 2014. – № 8 (2). – P. 137–146.
295. Barlow M. MonoconCesy: An Introduction to Concordancing / M. Barlow. – Athelstan, 2015. – 50 p.
296. Borneman E. Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftssystems / E. Borneman. – Frankfurt a. Main, 1991. – 671 p.
297. Eckert P. Language and Gender / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. – Cambridge: University Press, 2003. – 379 p.
298. Freud S. The Ego and the Id / S. Freud // Translated by Joan Riviere. – New York : Norton, 1962. – 67 p.
299. Goffman E. Gender advertisements / E. Goffman. – New York : Harper & Row, 1976. – 88 p.

300. Goffman E. Gender Display / E. Goffman // Studies in Anthropology of Visual Communication, 1976. – Vol. 3. – P. 69–77.
301. Goffman E. The Arrangement Between Sexes / E. Goffman // Theory and Society. – 1977. – № 4. – P. 301–331.
302. Goffman E. Interaktion und Geschlecht / E. Goffman. – Frankfurt a/M. : New York : Campus, 1994. – 194 p.
303. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – New York : Doubleday Anchor, 1959. – 251 p.
304. Gumperz J. J. Discourse Strategies / J. J. Gumperz. – Cambridge, 1982. – 244 p.
305. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values / G. Hofstede. – Beverly Hills, 1984. – 327 p.
306. Jackendoff R. Meaning and the lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010. / R. Jackendoff. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – XVI. – 485 p.
307. Labov W. Variation in Language / W. Labov // The Learning of Language. National Council of Teachers of English. – New York, 1971. – P. 187–221.
308. Lakoff R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. – New York : Harper & Row, 1975. – 328 p.
309. Mead M. Male and female: a study of sexes in a changing world / M. Mead. – New York, 1949. – 496 p.
310. Osgood C. E. Language, meaning, and culture / C. E. Osgood. – New York : Praeger, 1990. – 402 p.
311. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache / L. Pusch // Linguistische Berichte. – 1981. – № 69. – S. 59–74.
312. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik / L. Pusch. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – 201 p.
313. Stoller R. J. Primary femininity / R. J. Stoller // Psychoanal. – Assn, 1976. – № 24 (Suppl.). – P. 59–78.
314. Tannen D. Language and culture / D. Tannen // An introduction to language and linguistics. – Cambridge, UK New York : Cambridge University Press. – 2006. – P. 343–372.

315. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation / D. Tannen. – New York, 1990. – 330 p.
316. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache / S. Trömel-Plötz // Linguistische Berichte. – 1978. – № 57. – S. 49–68.
317. West C. Doing Gender / C. West; D. H. Zimmerman // Gender & Society. – 1987. – № 1 (2). – P. 125–151.
318. Wollstonecraft M. A. Vindication of the Rights of Woman / M. A. Wollstonecraft ; ed. D. L. Macdonald и Kathleen Scherf. – Toronto : Broadview Literary Texts, 1997. – 230 p.

Электронные ресурсы

319. Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления / Н.А. Блохина // Летняя школа «Общество и гендер». – Рязань, 2003. – URL: <https://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina.htm> (дата обращения: 20.11.2016).
320. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.02.2017).
321. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Москва : Словарное издательство ЭТС, 2010. – URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 15.02.2017).
322. Российская государственная библиотека. Фонд диссертаций. – URL: <https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser> (дата обращения: 29.06.2018).
323. Словарь гендерных терминов / под редакцией А. А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток – Запад. Женские Инновационные Проекты». – Москва : Информация XXI век, 2002. – URL: <http://www.owl.ru/gender/017.htm> (дата обращения: 15.02.2017).
324. Философия : энциклопедический словарь / под редакцией А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/383/dihotomiya.htm> (дата обращения: 05.08.2015).

Алфавитный словник гендерно маркированных лексем по данным текстов русских пословиц		
Порядковый номер	Лексема	Количество словоупотреблений лексем
1.	армянин	2
2.	архиерей	1
3.	архимандрит	3
4.	архирей	1
5.	атаман	8
6.	баба	143
7.	баба-яга	1
8.	бабенка	1
9.	бабка	6
10.	бабушка	31
11.	баламутка	1
12.	балда	2
13.	баловень	2
14.	барабанщик	3
15.	баран	6
16.	барин	34
17.	барчонок	1
18.	бары	11
19.	барыня	7
20.	батрак	4
21.	батька	23
22.	батьюшка	11
23.	беглец	1
24.	бедняк	3
25.	бездельник	1
26.	бездомник	1
27.	белоличка	1
28.	белоручка	1
29.	бесприданница	2
30.	бобыль	2
31.	богатырь	4
32.	богач	12
33.	богомольник	1
34.	богомольница	1
35.	богослов	1
36.	болван	12
37.	болтун	3
38.	бородуля	1
39.	бояре	14
40.	боярин	13
41.	боярыня	1
42.	брат	91

43.	братец	9
44.	бык	2
45.	вдова	13
46.	вдовец	4
47.	вдовица	2
48.	вдовушка	1
49.	ведьма	2
50.	веретено	8
51.	вестовщик	2
52.	вещун	2
53.	владыка	5
54.	внук	13
55.	внучек	4
56.	внучка	3
57.	вода	2
58.	водяной	1
59.	воевода	19
60.	вожак	3
61.	воин	14
62.	волк	17
63.	вор	138
64.	воришка	1
65.	воробей	3
66.	воровка	1
67.	ворог	10
68.	ворожея	1
69.	ворон	5
70.	ворона	7
71.	враг	26
72.	враль	2
73.	врач	2
74.	временщик	2
75.	врун	1
76.	встречник	1
77.	генерал	2
78.	глухой	11
79.	голубка	4
80.	голубь	1
81.	гонец	5
82.	горбун	2
83.	горе-богатырь	1
84.	горемыка	1
85.	горшок	7
86.	господин	38
87.	госпожа	4
88.	гость	60
89.	гостья	2

90.	государь	8
91.	грамотей	2
92.	гребень	4
93.	гребец	2
94.	грек	5
95.	грешник	7
96.	гробовщик	1
97.	грузин	1
98.	губернаторша	1
99.	гусар	1
100.	гусь	2
101.	двор	4
102.	дворяне	6
103.	дворянин	15
104.	деверь	4
105.	девица	13
106.	девка	123
107.	девочка	4
108.	девушка	23
109.	дед	31
110.	дедушка	18
111.	день	2
112.	деревенщина	1
113.	дерево	2
114.	детина	9
115.	детинка	1
116.	детище	4
117.	дитя	18
118.	дитятко	5
119.	доктор	1
120.	должник	3
121.	дом	25
122.	домовой	3
123.	доносчик	2
124.	дочь	9
125.	дочка	10
126.	дочь	29
127.	драчун	1
128.	дровосек	1
129.	друг	123
130.	дружок	17
131.	дура	16
132.	дурак	186
133.	дурачина	1
134.	дурачок	2
135.	дурень	5
136.	духовник	1

137.	душка	3
138.	дьяк	9
139.	дьякон	6
140.	дьячок	5
141.	дядька	3
142.	дядя	22
143.	еврей	1
144.	жена	219
145.	жених	31
146.	женишок	2
147.	женка	2
148.	женушка	2
149.	женщина	1
150.	жид	9
151.	жилец	3
152.	заимодавец	1
153.	законник	4
154.	закройщик	1
155.	запевало	4
156.	заря	1
157.	заступник	1
158.	заступничек	1
159.	зачинщик	1
160.	звонарь	4
161.	земля	8
162.	злодей	11
163.	злодейка	1
164.	злыдни	9
165.	змей	1
166.	змея	3
167.	знахарь	3
168.	золовка	2
169.	зятек	5
170.	зять	19
171.	игрок	2
172.	игумен	10
173.	игуменья	2
174.	изба	3
175.	именинник	6
176.	инвалид	2
177.	истец	1
178.	казак	33
179.	калека	1
180.	калмык	1
181.	каналья	3
182.	капитан	1
183.	капрал	2

184.	карась	1
185.	караульщик	1
186.	картежник	1
187.	кашевар	1
188.	клин	4
189.	клубучник	1
190.	клуша	1
191.	ключник	1
192.	ключница	1
193.	княгиня	6
194.	княжна	3
195.	кобель	2
196.	кобыла	3
197.	ковалиха	1
198.	коваль	2
199.	коза	4
200.	козел	3
201.	колдун	1
202.	командир	2
203.	комиссар	2
204.	конь	13
205.	кормилец	5
206.	кормилица	4
207.	корова	4
208.	король	3
209.	косец	1
210.	кошка	7
211.	красавец	6
212.	красавица	3
213.	красавчик	1
214.	крестник	1
215.	крестьяне	12
216.	крестьянин	6
217.	крюкотворец	1
218.	кузнец	17
219.	кукушка	2
220.	кум	24
221.	кума	43
222.	куманька	1
223.	кумовья	3
224.	кумушка	4
225.	купец	28
226.	купчик	1
227.	курица	4
228.	кутейник	5
229.	лазутчик	2
230.	лакей	4

231.	ласкатель	1
232.	лебедушка	1
233.	лежебока	2
234.	лекарка	1
235.	лекарь	7
236.	лентяй	1
237.	леший	7
238.	лжец	1
239.	ловец	3
240.	лошадь	9
241.	луна	3
242.	лях	2
243.	мальчик	5
244.	мальчишка	1
245.	мама	2
246.	мастер	26
247.	мастеровой	2
248.	матерь	25
249.	матка	20
250.	матрос	5
251.	матушка	23
252.	мать	73
253.	мачеха	13
254.	медведь	10
255.	мельник	5
256.	мешок	2
257.	милашка	1
258.	милая	3
259.	миленек	2
260.	миленок	1
261.	миленький	1
262.	миленькой	1
263.	милый	41
264.	мирянин	11
265.	молдаван	1
266.	молельщики	1
267.	молодая	2
268.	молодежь	1
269.	молоденек	2
270.	молодец	79
271.	молодица	2
272.	молодка	2
273.	молодой	19
274.	молодушка	1
275.	молодчик	2
276.	молодые (молодожены)	5
277.	молотильщик	4

278.	монах	14
279.	монахиня	1
280.	мордвин	2
281.	москаль	6
282.	мошенник	4
283.	мудрец	3
284.	муж	158
285.	муженек	2
286.	мужик	146
287.	мужичок	8
288.	мужчина	1
289.	музыкант	1
290.	мясник	4
291.	наследник	2
292.	наследница	1
293.	насмешник	1
294.	начальник	3
295.	небо	2
296.	невеста	36
297.	невестица	1
298.	невестка	11
299.	невольник	3
300.	недруг	30
301.	незнайка	2
302.	немец	8
303.	немка	1
304.	непряха	2
305.	неряха	1
306.	несмеяна	1
307.	неуч	2
308.	нищий	42
309.	ночь	5
310.	нянька	1
311.	обжора	2
312.	обидчик	5
313.	огонь	2
314.	огородник	5
315.	однодворец	3
316.	однослов	1
317.	озорник	1
318.	опричник	1
319.	ответчик	3
320.	отец	104
321.	отпрыск	1
322.	офицер	3
323.	охотник (1) «до чего, или делать что, любитель» [Даль 1881, с. 801].	8

324.	охотник (2) — человек, занимающийся охотой	1
325.	пава	3
326.	палач	4
327.	пан	17
328.	папа римский	1
329.	паренек	3
330.	парень	48
331.	парнишка	3
332.	пастух	20
333.	пастырь	4
334.	пасынок	4
335.	патриарх	2
336.	пахарь	3
337.	первенец	1
338.	пересмешник	1
339.	пес	3
340.	петух	6
341.	печальник	1
342.	печальница	1
343.	печь	13
344.	писака	2
345.	писарь	2
346.	писачка	1
347.	плакуша	3
348.	плательщик	4
349.	племянник	2
350.	племянница	1
351.	плотник	9
352.	повар	8
353.	поводатарь	1
354.	погонщик	1
355.	подруга	2
356.	подружка	1
357.	подрядчик	4
358.	подьячий	8
359.	покойник	23
360.	покойница	1
361.	покойничек	1
362.	покровитель	1
363.	покупатель	1
364.	полковник	5
365.	полуночь	2
366.	польнь	1
367.	поляк	1
368.	помещик	2
369.	поминщик	1

370.	пономариха	1
371.	пономарь	13
372.	попоровщик	1
373.	поп	175
374.	попадья	18
375.	попишка	1
376.	попович	2
377.	поповна	2
378.	посланец	1
379.	посланничек	1
380.	пособник	1
381.	посол	1
382.	пострел	1
383.	потаковщик	2
384.	потворщик	1
385.	поэт	1
386.	праведник	8
387.	прадед	1
388.	праотец	1
389.	прапор	2
390.	прапорщик	2
391.	прачка	1
392.	предатель	2
393.	преступник	1
394.	приказчик	5
395.	приятель	1
396.	продавец	3
397.	пройдоха	1
398.	проказник	1
399.	пророк	4
400.	прялка	3
401.	птица	8
402.	путник	1
403.	пьяница	21
404.	раб	12
405.	раба	3
406.	работник	15
407.	работница	3
408.	разбойник	5
409.	раскольник	5
410.	рассказчик	1
411.	ратник	1
412.	ровесница	1
413.	рогатина	2
414.	родители	11
415.	рожь	4
416.	русак	3

417.	русалка	1
418.	русский	1
419.	Русь	2
420.	рыба	6
421.	рыбак	9
422.	рыболов	2
423.	рядовой	3
424.	рясник	1
425.	самарянин	1
426.	самоеды	1
427.	самолюб	2
428.	самоучка	1
429.	санник	1
430.	сапожник	5
431.	сват	30
432.	сватушка	1
433.	сватья	2
434.	сваха	15
435.	свекор	5
436.	свекровь	9
437.	свидетель	4
438.	свинопас	3
439.	свинья	6
440.	своjak	1
441.	семьянин	4
442.	сестра	18
443.	сестрица	4
444.	скоморох	7
445.	сластоежка	2
446.	слепая	1
447.	слуга	25
448.	сноха	4
449.	собака	14
450.	сова	4
451.	сокол	8
452.	солдат	85
453.	солдaтик	1
454.	солдатка	2
455.	солнце	7
456.	сорока	2
457.	сосед	34
458.	соседка	1
459.	сплетник	1
460.	спорник	2
461.	спорщик	2
462.	стадоводник	1
463.	старец	11

464.	старик	14
465.	старица	1
466.	старичок	1
467.	староста	5
468.	старуха	12
469.	старушка	5
470.	сторож	1
471.	стрелец	5
472.	стрелок	2
473.	стряпуха	2
474.	сударь	6
475.	судья	34
476.	сука	2
477.	сын	93
478.	сынище	1
479.	сынок	6
480.	сыночек	1
481.	сыщика	3
482.	табачник	1
483.	тарань	1
484.	татарин	20
485.	татары	7
486.	тать	3
487.	тележник	1
488.	тесть	8
489.	тетка	10
490.	тетушка	2
491.	теща	16
492.	товарищ	6
493.	топор	4
494.	трава	2
495.	трус	3
496.	тунгус	1
497.	тысячник	1
498.	убийца	3
499.	угадчик	2
500.	угодник	2
501.	удалец	1
502.	уж	1
503.	указчик	9
504.	умник	2
505.	умница	4
506.	урод	23
507.	усач	2
508.	уставщик	1
509.	утопленник	1
510.	фараон	1

511.	фарисей	1
512.	француз	7
513.	хам	4
514.	хан	2
515.	ханжа	1
516.	хапун	2
517.	хвастун	1
518.	хитрец	1
519.	хлеб	11
520.	хозяйева	2
521.	хозяйка	19
522.	хозяин	95
523.	хозяюшка	7
524.	холоп	24
525.	холостой	17
526.	холуй	2
527.	хохол	2
528.	хромой	2
529.	царица	3
530.	царь	85
531.	цвет	2
532.	целовальник	3
533.	цыган	20
534.	цыганка	1
535.	чадо	2
536.	чеботарь	1
537.	человек	152
538.	чернец	11
539.	чернолапотница	1
540.	чиновник	1
541.	чистолюйка	1
542.	чуваш	2
543.	чудотворец	1
544.	швед	4
545.	шубники	1
546.	шурин	3
547.	шут	7
548.	шутник	2
549.	щеголек	3
550.	щеголь	7
551.	ябедник	5
552.	яблоня	3
553.	яблочко	5
554.	ягода	2
555.	ямщик	1
556.	ярочка	5
557.	ястреб	1

Bcero	557	5269
-------	-----	------

Частотный словарь гендерно маркированных лексем по данным текстов русских пословиц		
Ранг	Лексема	Количество словоупотреблений лексем
1.	жена	217
2.	дурак	183
3.	муж	156
4.	поп	155
5.	человек	152
6.	баба	143
7.	мужик	142
8.	вор	138
9.	девка	123
10.	друг	123
11.	отец	104
12.	хозяин	95
13.	брат	91
14.	солдат	85
15.	сын	85
16.	царь	85
17.	молодец	79
18.	мать	73
19.	гость	60
20.	кума	54
21.	парень	48
22.	нищий	42
23.	господин	38
24.	невеста	36
25.	барин	34
26.	сосед	34
27.	казак	33
28.	милый	33
29.	бабушка	31
30.	дед	31
31.	жених	31
32.	недруг	30
33.	сват	30
34.	судья	30
35.	дочь	29
36.	купец	28
37.	князь	27
38.	враг	26
39.	мастер	26
40.	дом	25
41.	матерь	25
42.	слуга	25

43.	кум	24
44.	холоп	24
45.	бацька	23
46.	девушка	23
47.	матушка	23
48.	покойник	23
49.	урод	23
50.	дядя	22
51.	пьяница	21
52.	матка	20
53.	пастух	20
54.	татарин	20
55.	цыган	20
56.	воевода	19
57.	зять	19
58.	молодой	19
59.	хозяйка	19
60.	дедушка	18
61.	дитя	18
62.	попадья	18
63.	сестра	18
64.	волк	17
65.	дружок	17
66.	кузнец	17
67.	пан	17
68.	дура	16
69.	холостой	16
70.	дворянин	15
71.	работник	15
72.	сваха	15
73.	теща	15
74.	бояре	14
75.	воин	14
76.	монах	14
77.	слепой	14
78.	собака	14
79.	старик	14
80.	боярин	13
81.	вдова	13
82.	внук	13
83.	девица	13
84.	конь	13
85.	мачеха	13
86.	печь	13
87.	пономарь	13
88.	богач	12
89.	болван	12

90.	крестьяне	12
91.	раб	12
92.	старуха	12
93.	бары	11
94.	батюшка	11
95.	злодей	11
96.	мирянин	11
97.	невестка	11
98.	родитель	11
99.	старец	11
100.	хлеб	11
101.	чернец	10
102.	ворог	10
103.	дочка	10
104.	игумен	10
105.	медведь	10
106.	тетка	10
107.	братец	9
108.	детина	9
109.	дочь	9
110.	дьяк	9
111.	жид	9
112.	злыдни	9
113.	лошадь	9
114.	плотник	9
115.	рыбак	9
116.	свекровь	9
117.	указчик	9
118.	атаман	8
119.	веретено	8
120.	государь	8
121.	земля	8
122.	мужичок	8
123.	немец	8
124.	повар	8
125.	подьячий	8
126.	праведник	8
127.	птица	8
128.	сокол	8
129.	тесть	8
130.	барыня	7
131.	ворона	7
132.	горшок	7
133.	грешник	7
134.	кошка	7
135.	лекарь	7
136.	леший	7

137.	охотник (1) 8	8
138.	скоморох	7
139.	солнце	7
140.	татары	7
141.	француз	7
142.	хозяйюшка	7
143.	шут	7
144.	щеголь	7
145.	бабка	6
146.	баран	6
147.	дворяне	6
148.	дьякон	6
149.	именинник	6
150.	княгиня	6
151.	красавец	6
152.	крестьянин	6
153.	москаль	6
154.	петух	6
155.	рыба	6
156.	свинья	6
157.	сударь	6
158.	сыннок	6
159.	товарищ	6
160.	владыка	5
161.	ворон	5
162.	гонец	5
163.	грек	5
164.	дитятко	5
165.	дурень	5
166.	дьячок	5
167.	зятек	5
168.	кормилец	5
169.	кутейник	5
170.	мальчик	5
171.	матрос	5
172.	мельник	5
173.	молодые (молодожены)	5
174.	ночь	5
175.	обидчик	5
176.	огородник	5
177.	полковник	5
178.	приказчик	5
179.	разбойник	5
180.	раскольник	5
181.	сапожник	5
182.	свекор	5
183.	староста	5

184.	старушка	5
185.	стрелец	5
186.	ябедник	5
187.	яблочко	5
188.	ярочка	5
189.	батрак	4
190.	богатырь	4
191.	вдовец	4
192.	внучек	4
193.	голубка	4
194.	госпожа	4
195.	гребень	4
196.	двор	4
197.	деверь	4
198.	девочка	4
199.	детище	4
200.	законник	4
201.	запевало	4
202.	звонарь	4
203.	клин	4
204.	коза	4
205.	кормилица	4
206.	корова	4
207.	кумушка	4
208.	курица	4
209.	лакей	4
210.	молотильщик	4
211.	мошенник	4
212.	мясник	4
213.	палач	4
214.	пастырь	4
215.	пасынок	4
216.	плательщик	4
217.	подрядчик	4
218.	пророк	4
219.	рожь	4
220.	свидетель	4
221.	семьянин	4
222.	сестрица	4
223.	сноха	4
224.	сова	4
225.	топор	4
226.	умница	4
227.	хам	4
228.	швед	4
229.	архимандрит	3
230.	барабанщик	3

231.	бедняк	3
232.	болтун	3
233.	внучка	3
234.	вожак	3
235.	воробей	3
236.	должник	3
237.	домовой	3
238.	душка	3
239.	дядька	3
240.	жилец	3
241.	змея	3
242.	знахарь	3
243.	изба	3
244.	каналья	3
245.	княжна	3
246.	кобыла	3
247.	козел	3
248.	король	3
249.	красавица	3
250.	кумовья	3
251.	ловец	3
252.	луна	3
253.	милая	3
254.	мудрец	3
255.	начальник	3
256.	невольник	3
257.	однодворец	3
258.	ответчик	3
259.	офицер	3
260.	пава	3
261.	паренек	3
262.	парнишка	3
263.	пахарь	3
264.	пес	3
265.	плакуша	3
266.	продавец	3
267.	прялка	3
268.	раба	3
269.	работница	3
270.	русак	3
271.	рядовой	3
272.	свинопас	3
273.	сыщика	3
274.	тать	3
275.	трус	3
276.	убийца	3
277.	царица	3

278.	целовальник	3
279.	шурин	3
280.	щеголек	3
281.	яблоня	3
282.	армянин	2
283.	балда	2
284.	баловень	2
285.	бесприданница	2
286.	бобыль	2
287.	бык	2
288.	вдовица	2
289.	ведьма	2
290.	вестовщик	2
291.	вещун	2
292.	вода	2
293.	враль	2
294.	врач	2
295.	временщик	2
296.	генерал	2
297.	горбун	2
298.	гостья	2
299.	грамотей	2
300.	гребец	2
301.	гусь	2
302.	день	2
303.	дерево	2
304.	доносчик	2
305.	дурачок	2
306.	женишок	2
307.	женка	2
308.	женушка	2
309.	золовка	2
310.	игрок	2
311.	игуменья	2
312.	инвалид	2
313.	капрал	2
314.	кобель	2
315.	коваль	2
316.	командир	2
317.	комиссар	2
318.	кукушка	2
319.	лазутчик	2
320.	лежебока	2
321.	лях	2
322.	мама	2
323.	мастеровой	2
324.	мешок	2

325.	миленек	2
326.	молодая	2
327.	молоденек	2
328.	молодица	2
329.	молодка	2
330.	молодчик	2
331.	мордвин	2
332.	муженек	2
333.	наследник	2
334.	небо	2
335.	незнайка	2
336.	непряха	2
337.	неуч	2
338.	обжора	2
339.	огонь	2
340.	патриарх	2
341.	писака	2
342.	писарь	2
343.	племянник	2
344.	подруга	2
345.	полночь	2
346.	помещик	2
347.	попович	2
348.	поповна	2
349.	потаковщик	2
350.	прапор	2
351.	прапорщик	2
352.	предатель	2
353.	рогатина	2
354.	Русь	2
355.	рыболов	2
356.	самолюб	2
357.	сватья	2
358.	сластоежка	2
359.	солдатка	2
360.	сорока	2
361.	спорник	2
362.	спорщик	2
363.	стрелок	2
364.	стряпуха	2
365.	сука	2
366.	тетушка	2
367.	трава	2
368.	угадчик	2
369.	угодник	2
370.	умник	2
371.	усач	2

372.	хан	2
373.	хапун	2
374.	хозяева	2
375.	холуй	2
376.	хохол	2
377.	хромой	2
378.	цвет	2
379.	чадо	2
380.	чуваш	2
381.	шутник	2
382.	ягода	2
383.	архиерей	1
384.	архирей	1
385.	баба-яга	1
386.	бабенка	1
387.	баламутка	1
388.	барчонок	1
389.	беглец	1
390.	бездельник	1
391.	бездомник	1
392.	белоличка	1
393.	белоручка	1
394.	богомольник	1
395.	богомольница	1
396.	богослов	1
397.	бородуля	1
398.	боярыня	1
399.	вдовушка	1
400.	водяной	1
401.	воришка	1
402.	воровка	1
403.	ворожея	1
404.	врун	1
405.	встречник	1
406.	голубь	1
407.	горе-богатырь	1
408.	горемыка	1
409.	гробовщик	1
410.	грузин	1
411.	губернаторша	1
412.	гусар	1
413.	деревенщина	1
414.	детинка	1
415.	доктор	1
416.	драчун	1
417.	дрвосек	1
418.	дурачина	1

419.	духовник	1
420.	еврей	1
421.	женщина	1
422.	заимодавец	1
423.	закройщик	1
424.	заря	1
425.	заступник	1
426.	заступничек	1
427.	зачинщик	1
428.	злодейка	1
429.	змея	1
430.	истец	1
431.	калека	1
432.	калмык	1
433.	капитан	1
434.	карась	1
435.	караульщик	1
436.	картежник	1
437.	кашевар	1
438.	клубучник	1
439.	клуша	1
440.	ключник	1
441.	ключница	1
442.	ковалиха	1
443.	колдун	1
444.	косец	1
445.	красавчик	1
446.	крестник	1
447.	крючкотворец	1
448.	куманька	1
449.	купчик	1
450.	ласкатель	1
451.	лебедушка	1
452.	лекарка	1
453.	лентяй	1
454.	лжец	1
455.	мальчишка	1
456.	милашка	1
457.	миленок	1
458.	миленький	1
459.	миленькой	1
460.	молдаван	1
461.	молельщики	1
462.	молодежь	1
463.	молодушка	1
464.	монахиня	1
465.	мужчина	1

466.	музыкант	1
467.	наследница	1
468.	насмешник	1
469.	невестица	1
470.	немка	1
471.	неряха	1
472.	несмеяна	1
473.	нянька	1
474.	однослов	1
475.	озорник	1
476.	опричник	1
477.	отпрыск	1
478.	охотник (2) 1	1
479.	папа римский	1
480.	первенец	1
481.	пересмешник	1
482.	печальник	1
483.	печальница	1
484.	писачка	1
485.	племянница	1
486.	поводатарь	1
487.	погонщик	1
488.	подружка	1
489.	покойница	1
490.	покойничек	1
491.	покровитель	1
492.	покупатель	1
493.	польнь	1
494.	поляк	1
495.	поминщик	1
496.	пономариха	1
497.	поноровщик	1
498.	попишка	1
499.	посланец	1
500.	посланничек	1
501.	пособник	1
502.	посол	1
503.	пострел	1
504.	потворщик	1
505.	поэт	1
506.	прадед	1
507.	праотец	1
508.	прачка	1
509.	преступник	1
510.	приятель	1
511.	пройдоха	1
512.	проказник	1

513.	путник	1
514.	рассказчик	1
515.	ратник	1
516.	ровесница	1
517.	русалка	1
518.	русский	1
519.	рясник	1
520.	самарянин	1
521.	самоеды	1
522.	самоучка	1
523.	санник	1
524.	сватушка	1
525.	свояк	1
526.	слепая	1
527.	солдатик	1
528.	соседка	1
529.	сплетник	1
530.	стадководник	1
531.	старица	1
532.	старичок	1
533.	сторож	1
534.	сынище	1
535.	сыночек	1
536.	табачник	1
537.	тарань	1
538.	тележник	1
539.	тунгус	1
540.	тысячник	1
541.	удалец	1
542.	уж	1
543.	уставщик	1
544.	утопленник	1
545.	фараон	1
546.	фарисей	1
547.	ханжа	1
548.	хвастун	1
549.	хитрец	1
550.	цыганка	1
551.	чеботарь	1
552.	чернолапотница	1
553.	чиновник	1
554.	чистоплюйка	1
555.	чудотворец	1
556.	шубники	1
557.	ямщик	1
Всего	557	5269